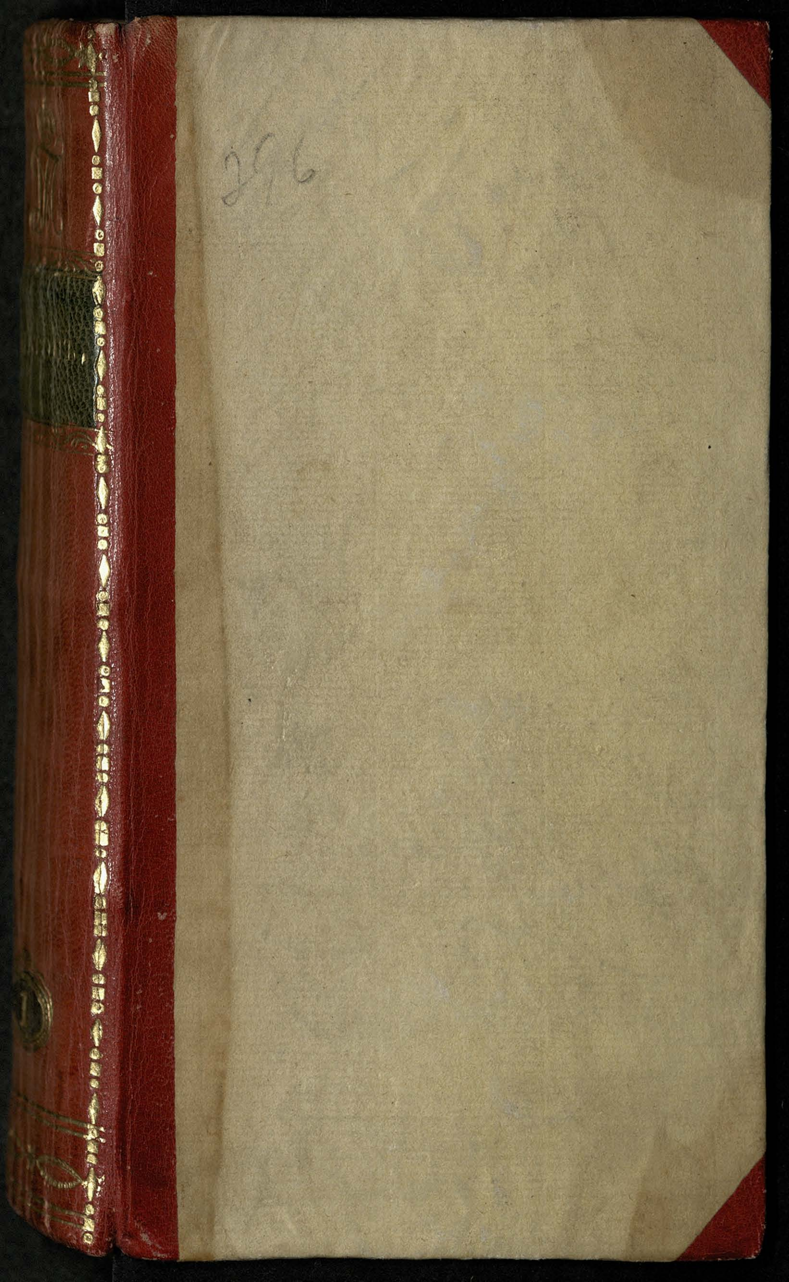
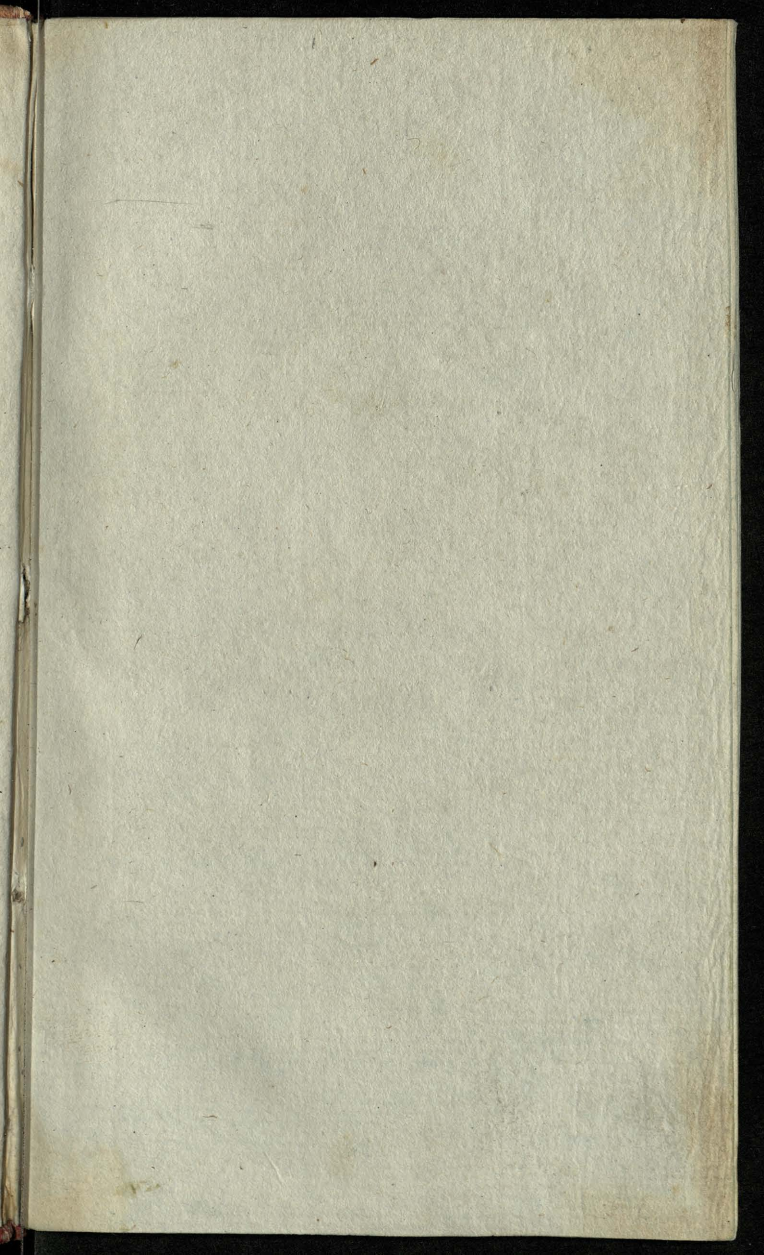
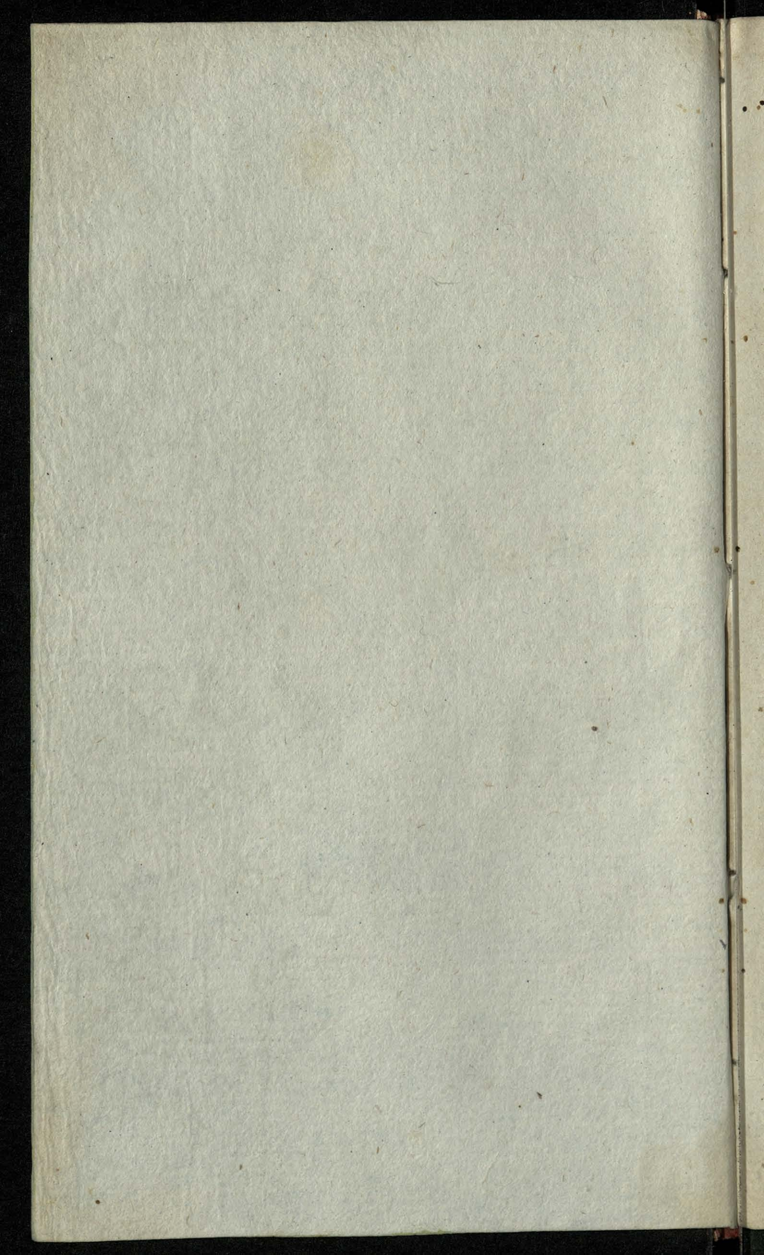

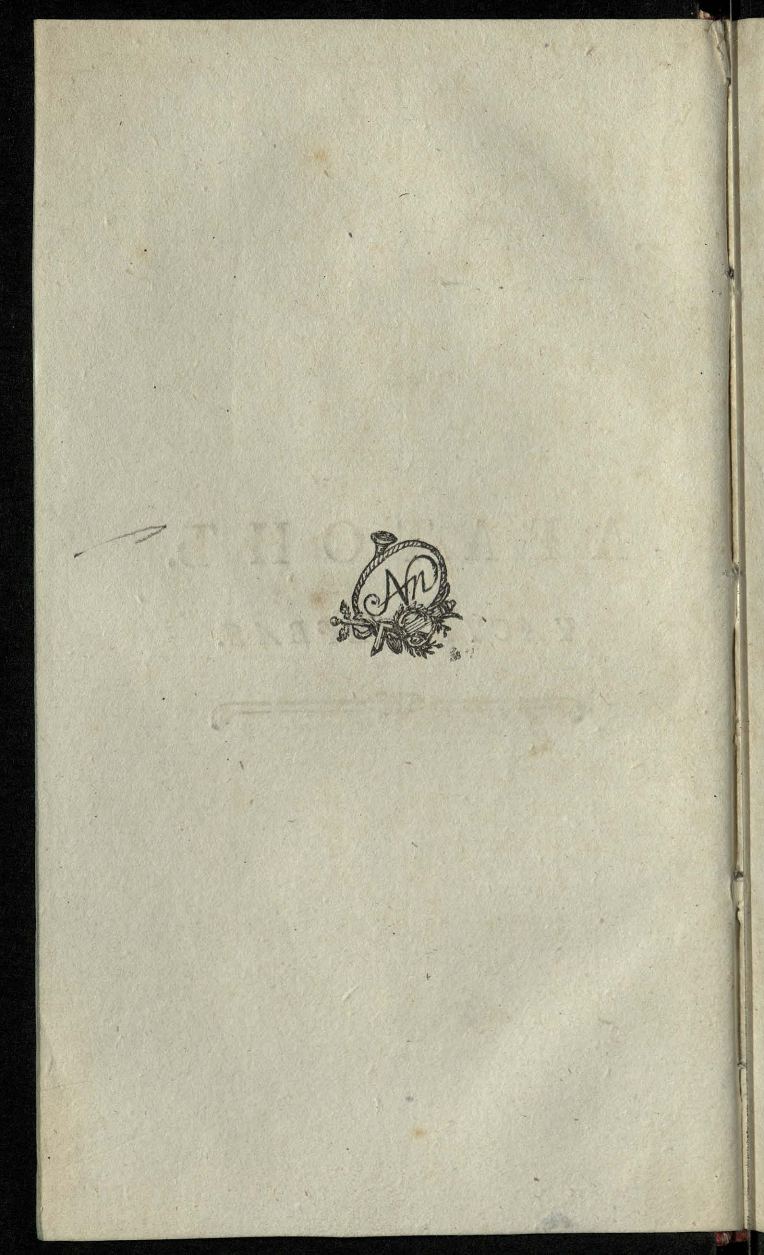

АГАТОНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

АГАТОНЪ,

или

КАРТИНА ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ

Нравовъ и обычаевъ Греческихъ.

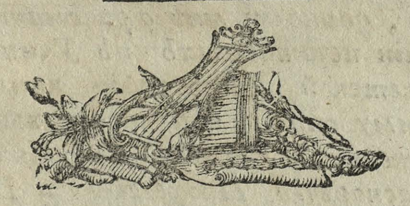
Сочиненіе г. Виланда.

Переведено съ Нѣмецкаго.

Quid virtus et quid ſapientia poſſit. т. е.

Что могутъ добродѣтель и премудрость.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

въ Университетской Типографіи,

у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Агатонъ, или картина Философическая, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

СЕНАТОРУ,

КОММЕРЦЪ-КОЛЛЕГІИ

ПРЕЗИДЕНТУ,

и

Орденовъ Святаго Александра Невскаго и Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени

КАВАЛЕРУ,

ГРАФУ

АЛЕКСАНДРУ

РОМАНОВИЧУ

ВОРОНЦОВУ.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Всѣмъ извѣстное благоволеніе и покровительство Ваше къ упражняющимся въ наукахъ столько смѣлости возбудило во мнѣ, что я дерзнулъ поднести знаменитому имяни Вашего Графскаго Сіятельства настоящій переводъ.

При посвященіи же сего маловажнаго перевода моего имяни Вашего Графскаго Сіятельства предметомъ я ничто другое имѣлъ, какъ принести открыто посильную жертву благодарности за всѣ Ваши ко мнѣ отече-

отеческія милости и засвидѣтельствовать глубочайшее высокопочитаніе, съ которымъ есмь и пребуду навсегда.

ВАШЕГО ВЫСОКОГРАФСКАГО
СІЯТЕЛЬСТВА,

Милостиваго Государя

Всепокорнѣйшій слуга

Ѳедоръ Сапожниковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Перпой Части.

КНИГА ПЕРВАЯ.

)(XI.

стран.

КНИГА

стран.

КНИГА ТРЕТІЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

къ первому изданію подлинника.

Издатель настоящей исторіи видитъ столь мало правдоподобія предъ собою увѣрить публику, что она въ самомъ дѣлѣ взята изъ древняго Греческаго рукописника, что онъ думаетъ всего лучше сдѣлать, чтобъ не упоминать о семъ пунктѣ ничего, и оставить читателю думать объ ономъ, что ему угодно.

Положимъ, что дѣйствительно былъ нѣкогда Агатонъ; но положимъ также и то, что о семъ Агатонѣ ничего важнѣйшаго сказать не можно, какъ только когда онъ родился, когда женился, сколько родилъ дѣтей, и когда и какою болѣзнію онъ умеръ: то что бы насъ побудило читать его исторію, хотя бы приказнымъ

порядкомъ можно было доказать, что она найдена въ архивахъ древнихъ Аѳинъ.

Истинна, которую можно требовать отъ такого сочиненія, каково то, которое мы чрезъ сіе предлагаемъ любителямъ, состоитъ въ томъ, что все согласуется съ теченіемъ свѣта; что свойства не произвольныя и образованныя только по воображенію или намѣреніямъ сочинителя, но взяты изъ неизчерпаемаго источника самыя природы; въ обнаруженіи оныя наиточнѣйшимъ образомъ удержана какъ внутренняя, такъ и относительная возможность, свойство человѣческаго сердца, природа каждой страсти, со всѣми особенными цвѣтами и оттѣниваніями, имъ приличными, и которыя онѣ получаютъ отъ характера особъ и обстоятельствъ, въ которыхъ онѣ находятся; соб-

ственное свойство земли, мѣста, времени, въ которыхъ полагается исторія, никогда не были изъ вида теряемы: и такъ все такъ вымышлено, что никакой довольной причины не можно представить, для чего не могло случиться прямо такъ, какъ повѣствуется. Истинна сія единственно можетъ учинить полезною книгу, изображующую человѣка; и сію истинну осмѣливается издатель обѣщать читателямъ исторіи Агатона.

Главное его намѣреніе было показать со всѣхъ сторонъ и въ наиразличнѣйшемъ свѣтѣ свойство, заслуживавшее точное свѣденіе. Безъ сомнѣнія находятся важнѣйшія, нежели то, на которое палъ его выборъ. Но какъ онъ самъ желалъ увѣриться, что онъ сообщаетъ свѣту не выдумку вмѣсто истинны; то онъ избралъ то, ко-

 то-

торое имѣлъ онъ случай научиться всего точнѣе знать. По сей причинѣ можетъ онъ надежно увѣрять, что Агатонъ и большая часть прочихъ лицъ, введенныхъ въ его исторію, дѣйствительныя лица; и что (кромѣ маленькихъ постороннихъ обстоятельствъ, слѣдствій, особливаго опредѣленія случайныхъ приключеній, и что впрочемъ единственно принадлежитъ до самопроизвольнаго украшенія) все составляющее существенное оныя есть столько же историческое, и можетъ быть нѣкоторымъ степенемъ еще подлиннѣе, нежели девять музъ отца исторіи Ливія, или Французской исторіи Іезуита Даніеля.

Неоспоримо, что весьма часто въ человѣческой жизни встрѣчаются гораздо неправдоподобнѣйшія вещи, нежели самая умоизступительная голова осмѣлится выдумать. И

такъ

такъ весьма бы скоропостижно было подозрѣвать истинну свойства нашего ироя для того, поколику иногда не правдоподобно, что бы кто нибудь такъ думалъ или поступалъ, какъ онъ. Естьли не возможно будетъ доказать, что человѣкъ, и человѣкъ подъ особливыми опредѣленіями, между коими Агатонъ находился отъ самаго своего дѣтства, не можетъ такъ думать или поступать, чтобы по крайней мѣрѣ не вмѣшалось въ оное чудо или очарованіе: то сочинитель думаетъ, что онъ можетъ ожидать по праву, что повѣрятъ его словамъ, естьли онъ надежно увѣряетъ, что Агатонъ дѣйствительно такъ думалъ или поступалъ. По щастію находится довольно примѣровъ въ наидостовѣрнѣйшихъ исторіописателяхъ и въ самыхъ описаніяхъ жизней Плутарха, что возможно быть столько благороднымъ, столь добродѣтельнымъ, столь воз-

воздержнымъ, или (по сказанію Гиппіаса и знатнаго класса людей) столь рѣдкимъ, столь своенравнымъ и столь глупымъ, какъ нашъ ирой въ нѣкоторыхъ случаяхъ своея жизни.

Въ разныхъ мѣстахъ настоящаго творенія приведены причины, для чего не сдѣланъ Агатонъ образцомъ совершенно добродѣтельнаго мужа. Какъ свѣтъ наполненъ обстоятельными учебными книгами нравоученія; то каждому вольно (и нѣтъ ничего легче) представить себѣ образцомъ такого человѣка, которой отъ колыбели до гробовой доски во всѣхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ жизни всегда и совершенно такъ чувствовалъ, какъ нравоученіе. Дабы Агатонъ былъ образъ дѣйствительнаго человѣка, въ которомъ бы многіе могли признать свой собственной, то онъ (мы утвер-

утверждаемъ надежно) не могъ представленъ быть добродѣтельнѣе сего, какъ онъ есть; а естьли кто сыщется въ семъ другаго мнѣнія, то мы бы желали, чтобы онъ назвалъ намъ того, которой бы изъ всѣхъ, по естественному теченію рожденныхъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ и въ цѣлости былъ добродѣтельнѣе, нежели Агатонъ.

Возможно, что какой нибудь молодой никчемугодница, видя, что Агатонъ поработился наконецъ *прелестнымъ* приманамъ любви и Данаѣ, можетъ сдѣлать изъ онаго такое же употребленіе, какое сдѣлалъ молодой Херея у Теренція изъ той картины, которая представляла одно изъ любовныхъ приключеній Юпитера. Мы не можемъ за то ручаться, чтобы такой, прочитавши съ сердечною радостію, какимъ образомъ могъ пасть

пасть столь превосходной человѣкъ, не сказалъ самъ къ себѣ: Ego homuncio hoc non facerem? Ego vero illud faciam ac lubens! (т. е. Мнѣ человѣчку этого не сдѣлать? Я это сдѣлаю, да при томъ со всякою охотою!) Столь же возможно, что зломыслящій или безбожный человѣкъ, прочитавъ разговоръ Софиста Гиппіаса, вообразитъ себѣ сыскать въ ономъ оправданіе своего невѣрія и своея порочной жизни. Но всѣ честные люди признаются съ нами, что сей безбожникъ и тотъ безразсудный были бы и остались бы таковыми, хотя бы не было исторіи Агатоновой въ свѣтѣ.

Сей послѣдній примѣръ ведетъ насъ къ такому объясненію, которое кажется намъ нужнымъ для вспомоществованія слабости нѣкоторыхъ благомыслящихъ особъ, коихъ воля лучше, нежели ихъ про-

проницанія, и для предохраненія ихъ отъ безвременно принятаго соблазна или несправедливыхъ разсужденій.

Объясненіе сіе имѣетъ предметомъ введеніе Софиста Гиппіаса въ нашу исторію и разговоръ, которымъ старается онъ изцѣлить молодаго Агатона отъ его достойнаго любви и добродѣтельнаго возторга, и привести его къ такому способу мыслей, которой онъ (не безъ основанія) почитаетъ за способнѣйшій сдѣлать въ свѣтѣ свое щастіе. *Люди*, здравымъ окомъ взирающіе на вещи, весьма ясно проникли бы безъ нашего напоминанія изъ всей связи нашего сочиненія и изъ образа, какъ мы при всякомъ случаѣ говоримъ о семъ Софистѣ и его положеніяхъ, сколь мало мы благосклонны къ человѣку и его системѣ; и хотя не пристойно ни для собственнаго нашего обра-

образа мыслей, ни для тона и намѣренія нашея книги, съ сильною разъяриться противъ него ревностію, которая побуждаетъ молодаго кандидата или богослова, когда онъ, препоручая себя консисторіи для опредѣленія къ нажиточному мѣсту, ведетъ войну противъ Тиндала и Болингброка (*): то мы надѣемся, что мы у благоразумныхъ и честныхъ читателей не оставили никакого сомнѣнія, что мы Гиппіаса почитаемъ за дурнаго и опаснаго человѣка, а систему его (когда она противорѣчитъ чистымъ положеніямъ закона и честности) за сплетеніе лжеключеній, которое человѣческое сообщество истребило бы до основанія, естьли бы нравственно возможно было, чтобы большая часть людей въ оную могла запутать-

(*) Англійскіе писатели, писавшіе противъ закона.

таться. Однако какъ нѣкоторые изъ нашихъ читателей могутъ быть такіе, которые, приписавъ по крайней мѣрѣ недостатку нашея неосторожности, станутъ отъ насъ требовать, что намъ бы не надлежало или совсѣмъ вводить сего Гиппіаса, или, естьли начертаніе нашего творенія того требовало, то бы по крайней мѣрѣ отразить начала его обстоятельно: то мы почитаемъ за справедливое сказать имъ причины, для чего первое сдѣлали, а послѣднее оставили.

Поколику по нашему начертанію свойство Агатона долженствовало подвержено быть различнымъ искушеніямъ, посредствомъ которыхъ образъ его мыслей и добродѣтель его очищались, и то, что въ ономъ ложно и излишно, мало по малу отдѣлилось: то тѣмъ было нужнѣе подвергнуть

его

его сему опыту, поколику сей Гиппіасъ особа историческая, и съ прочими Софистами онаго времени весьма много споспѣшествовалъ къ развращенію нравовъ между Греками. Сверьхъ того служило оно къ уясненію свойства и положеній нашего ироя чрезъ сословіе, которое онъ съ нимъ имѣетъ. Притомъ весьма кажется извѣстно, что большая часть тѣхъ, кои составляютъ великой свѣтъ, думаетъ такъ, какъ Гиппіасъ, или по крайней мѣрѣ поступаетъ по его положеніямъ: то и нравоучительнымъ намѣреніямъ, предположеннымъ нами при семъ твореніи, сразмѣрно было показать, какое производятъ дѣйствіе сіи положенія, будучи приведены въ надлежащую связь и порядокъ.

Подобное опровержение ложнаго и опаснаго въ его положеніяхъ

(ибо въ самомъ дѣлѣ не всегда-то онъ говорилъ неправду) было бы совсѣмъ невмѣстно въ нашемъ начертаніи, и казалось намъ въ отношеніи къ читателямъ излишнимъ; поколику не только данной ему Агатономъ отвѣтъ заключаетъ въ себѣ дѣйствительно самое лучшее, что можно противъ того возразить, но и все сочиненіе можетъ почесться опроверженіемъ онаго. Агатонъ опровергаетъ Гиппіаса точно такимъ образомъ, какъ Діогенъ Метафизика, отрицавшаго бытіе движенія. Метафизикъ приводилъ свое доказательство чрезъ введенія и умоключенія; а Діогенъ возразилъ ему тѣмъ, что не сказавши ему ни слова, пошелъ отъ него прочь. Сіе безъ всякаго спора было отвѣтомъ, которой заслуживалъ отщетникъ.

На историческое въ Агатонѣ.

Хотя при первомъ взорѣ кажется, что Агатонъ менѣе принадлежитъ къ классу извѣстнаго Фильдингскаго Найденыша, (съ которымъ великій геометръ нашего времени изволилъ впустить его въ нѣкоторый остроумнаго своенравія споръ) нежели къ классу Ксенофонтовой Киропедіи, однако съ тою разностію, что въ семъ выдуманное одѣто историческою истинною, а въ томъ напротивъ того историческая истинна прикрашена выдумкою: однако съ другой стороны неоспоримо, что ирой нашъ въ весьма существенной части столь же далеко отдаленъ отъ Ксенофонтова, сколь ближе подходитъ къ Фильдингову. Ксенофонъ (естьли мы можемъ

вѣрить знатоку великой важности (*) имѣлъ намѣреніе представить въ своемъ Кирѣ воображимое совершеннаго правителя, въ которомъ добродѣтели наилучшаго государя должны быть соединены съ пріятными свойствами любви достойнаго мужа; или, какъ говоритъ позднѣйшій писатель (**), ему меньше въ томъ было нужды изобразить Кира таковымъ, каковъ онъ былъ, нежели какимъ ему быть надлежало, дабы какъ Царю быть Сократовымъ Καλὸς καὶ ἀγαθὸς. Напротивъ намѣреніе сочинителя исторіи Агатоновой состояло не столько въ томъ, что

 бы

(*) Cicero, ep. ad Q. Fratrem, l. 1. S. Cyrus ille a Xenophonte non ad historiae fidem ſcriptus, ſed ad effigiem iuſti imperii: cuius ſumma gravitas ab illo philoſopho cum ſingulari comitate conjungitur

(**) Auson. in Panegyrico ad Gratian. Non qualis eſſet, ſed qualis eſſe deberet.

бы начертать въ своемъ ироѣ образъ нравственнаго совершенства; какъ представить его такимъ, какій бы, въ силу законовъ человѣческія природы, былъ человѣкъ образа его разсужденія, естьли бы онъ жилъ дѣйствительно между предположенными обстоятельствами. Въ семъ отношеніи избралъ онъ къ надписи своея книги стихъ Гораціевъ: Quid Virtus et quid Sapientia possit; не для того, будто бы онъ хотѣлъ показать въ Агатонѣ, что суть сами въ себѣ премудрость и добродѣтель, но „сколь далеко смертный по„средствомъ простыхъ природы „силъ успѣть можетъ въ обѣихъ; „сколь много участвуютъ внѣш„нія обстоятельства въ способѣ „нашемъ мыслить, въ добрыхъ на„шихъ дѣяніяхъ или преступле„ніяхъ, въ нашей мудрости или „скудоуміи, и сколь естественно „не возможно сдѣлаться самому

„ина-

,, иначе мудрымЪ и добрымЪ чело-
,, вѣкомЪ, какЪ чрезЪ опытЪ, не-
,, утомимое обрабатываніе насЪ
,, самихЪ, частыя перемѣны вЪ
,, способѣ нашемЪ мыслить, а осо-
,, бливо чрезЪ добрые примѣры и со-
,, пряженіе сЪ мудрыми и добры-
,, ми людьми.,, ИзЪ сей-то то-
чки зрѣнія надѣется сочинитель
получить отЪ знающихЪ человѣ-
ческую природу свидѣтельство,
что книга его (хотя она вЪ дру-
гомЪ смыслѣ принадлежитЪ кЪ
твореніямЪ силы воображенія) не
недостойна *имени исторіи.*

Но какЪ однако мѣсто и время
приключеній, такЪ какЪ и различ-
ныя вЪ оныя вмѣшенныя лица,
дѣйствительно историческія: то
думали, что большей части чи-
тателей, которые можетЪ быть
вЪ древней Греціи никогда много
не странствовали, или иное знае-
мое обЪ ней опять забыли,

 ока-

окажется маленькая услуга, есть-ли предположатся нѣкоторыя изъ древнихъ писателей почерпнутыя извѣстія, посредствомъ которыхъ помянутые читатели тѣмъ удобнѣе проникнутъ въ сію исторію, и правильнѣе посудятъ о согласіи вымышленной части съ историческою.

И такъ дабы утвердить время, въ которое случилась сія исторія, то можно почти принять девяносто пятую и сто десятую олимпіаду или 398 и 338 годы предъ нашимъ общимъ времяизчисленіемъ, какъ обѣ крайнѣйшія точки, въ которыхъ заключены приключенія Агатоновы. Помянутымъ образомъ всѣ въ оной исторіи вмѣшанныя особы жили въ сіе время. Однако лучше мы чистосердечно признаемся, нежели ожидать, чтобы какому нибудь ученому вздумалось насъ въ томъ убѣ-

убѣдить, что почти невозможное дѣло свободить времяизчисленіе въ Агатонѣ отъ нѣкоторыхъ примѣтныхъ отклоненій отъ лѣтоизчисленія историческаго. Наивеличайшее затрудненіе, естьли дѣло сіе можетъ что нибудь значить, произошло бы отъ Софиста Гиппіаса и прекрасной Данаи. Первый безъ всякаго спора былъ современникъ Сократовъ; и какъ сей на семидесятомъ году отъ рожденія, а въ первомъ году 95 олимпіады, былъ умерщвленъ, а Агатонъ, по обстоятельствамъ, случившимся въ его исторіи, могъ родиться невступно предъ девяносто пятою олимпіадою: то удобно можно счесть, что во сто второй (которое почти то самое время, въ которое Агатонъ и Гиппіасъ сошлись вмѣстѣ) сей Софистъ, когда мы и примемъ, что онъ моложе былъ двапцатью годами Сократа, или совсѣмъ не

жилъ, или ему надлежало быть весьма стару, дабы посѣщать въ банѣ Смирнскихъ красавицъ. У прекрасной Данаи помянутое затрудненіе еще знатнѣе. Ибо положимъ, что ей не было больше тритцати лѣтъ, какъ она познакомилась съ Алцибіадомъ, который, какъ думаютъ, умеръ на первомъ году девяносто четвертой олимпіады: то ей надлежало по крайней мѣрѣ, какъ она вдохнула въ Агатона столь чрезвычайную любовь, быть женщинѣ лѣтъ пятидесяти. Это правда, примѣръ прекрасной *Лаиды*, которая по крайней мѣрѣ столько же стара была, какъ она имѣла неучтивость требовать у великаго Димосѳена двѣ тысячи талеровъ за поцѣлуй; (*) гораздо древнѣйшій примѣръ прекрасныя Елены, которая тогда, какъ древніе Реты Царя

(*) *Bayle* Dict. Article *Lais*. Rem. N.

Царя Пріама чрезъ волшебство ея красоты на минуту времени превращены были въ мальчиковъ, считала равно шестьдесятъ лѣтъ (*); примѣръ игрицы на свирѣли Ламіи, плѣнившей Царя Димитрія, хотя она довольно стара была быть его матерью (**), и новѣйшія Нинонъ Ленклосъ и Маркиза фонъ Ментенонъ, могли бы быть приведены для уменьшенія невѣроятности такого вымысла. Но всѣ возможные примѣры сего рода не могли бы уменьшить непристойности оныя; и всего лучше просить читателя, чтобы онъ прекрасную Данаю, не взирая на лѣточисленіе, представилъ не старше надлежащаго, дабы имѣть еще безъ чудесъ или волшебства любовника, каковъ былъ Агатонъ. Когда мы при Дидонѣ Виргилія или Ме-

(*) *Bayle* Dict. Art. *Helene*. Rem 2.

(**) Плутархъ въ описаніи жизни Димитріевой.

тастазія безъ труда можемъ забыть, что она за триста лѣтъ по смиренномъ Енеѣ, ея похитителѣ, родилась прежде: то для чего не можно и намъ столь же удобно представить, что Алцибіадъ нѣсколько лѣтъ позднѣе сдѣлался жертвою своихъ враговъ и своего безпокойнаго духа, нежели повѣствуютъ намъ Греческіе исторіописатели, которыхъ времясчисленіе и безъ того крайне запутано? О разныхъ мѣстахъ, къ коимъ относится дѣйствіе въ Агатонѣ, говорено всегда по понятіямъ, предаваемымъ о томъ древними. Ученые при первомъ взорѣ въ храмѣ Делфскомъ, въ которомъ Агатонъ воспитанъ, узнаютъ Делфской храмъ, которой изображаетъ намъ Еврипидъ въ своей Іонѣ, и Павзаній въ своемъ о Греціи описаніи; въ Сиракузахъ, гдѣ добродѣтель бѣднаго Агатона претерпѣла столь же сильное затмѣніе,

какое претерпѣла мудрость его въ Смирнѣ, Сиракузы, которыя описываетъ намъ Плутархъ въ жизни Діона и Тимолеона, а Платонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (*), и въ Смирнѣ, которую Гиппіасъ и Данае изъ всѣхъ Греческихъ городовъ избрали для пребыванія, сію Смирну, о которой сказано на Оксфордскихъ мраморахъ, что она есть наипрекраснѣйшій и наиблестящій изъ всѣхъ Азійскихъ городовъ, и которую выхваляютъ намъ Ораторъ Аристидъ и Софистъ Филостратъ, какъ обиталище Музъ и Грацій и всѣхъ пріятностей жизни (**). То же должно примѣчать и о нравахъ, обычаяхъ, и

(*) Epist. 7. Tom. III. opp. p. 323. ed. Steph.

(**) Marmor. Oxon. 2. 78. 143. Aristid. Tom opp. II. p. 307. ed. Cant. Philostr. in vita Apollon. L. IV. c. 7.

и обо всемъ, что означаетъ различительно время, народовъ и лица. Аѳиняне, описываемые Агатономъ, суть такой же народъ, о которомъ мы знаемъ изъ Аристофана, Ксенофонта, Димосѳена, и пр; Софисты не много лучше, нежели ихъ изображаетъ Платонъ (хотя самъ въ своемъ родѣ такой же Софистъ, какъ они въ своемъ) въ своихъ разговорахъ (*). Образъ жизни, увеселенія, упра-

(*) Въ большомъ и меньшомъ Гиппіасѣ, Протагорѣ, Горгіасѣ, Софистѣ. Мы говоримъ съ осмотрительностію: ,, немного лучше. ,, Ибо хотя они неоспоримо были столь вредные люди, какъ говоритъ Платонъ; однако они конечно и въ половину того не были глупы, какими онъ ихъ дѣлаетъ; и какъ могли они столько быть вредными, естьли они были столько глупы? Въ самомъ дѣлѣ сей высокомудрствующій Сократъ причиною, что обы-

упражненія и игры, все Греческое и различительное Грековъ въ Іоніи отъ Грековъ въ Ахаіѣ; а сіе отъ Грековъ въ Сициліи и Италіи вездѣ выражено извѣстными чертами и сразмѣрно понятію, которое оставляетъ въ духѣ нашемъ объ ономъ чтеніе древнихъ.

Что касается до представляющихся въ сей исторіи особъ, и во первыхъ до самаго Агатона, то мы должны безъ закрышки признаться, что тщетно бы было искать его въ какомъ нибудь исторіописателѣ. Однако находимъ мы между друзьями Сократа Агатона, который бы могъ подать нѣкоторыя главныя черты къ образу нашего ироя.

Сей

обыкновенно Софистамъ, его соперникамъ не отдается вся пристойная имъ справедливость; какъ может быть будетъ случай показать въ другомъ мѣстѣ.

Сей Агатонъ былъ, какъ кажется, изъ хорошаго дому въ Аѳинахъ, и одинъ изъ наидостойнѣйшихъ любви своего времени людей. Платонъ, которой говоритъ о немъ такъ, какъ о весьма еще молодомъ человѣкѣ приписываетъ ему наипрекраснѣйшій видъ и естественную склонность къ благородному и добродѣтельному свойству (*). Онъ прославился между драматическими стихотворцами лучшаго времени, и ему служитъ въ честь, что судья искуства, какъ Аристотель, удостоилъ его своея похвалы, такъ какъ и своея хулы. Самая укоризна, дѣланная ему за великую его склонность къ противоположеніямъ, доказываетъ изобиліе его въ остроуміи; изящный порокъ, который должен-

ство-

(*) Plato in Protagora. T. I. 3 5. χαλον τε κχγαθον την φυσιν, την δε ιδεαν πανυ καλον.

ствовалъ сдѣлать его при хорошемъ способѣ мыслей, ему приписываемомъ, только тѣмъ любвидостойнѣйшимъ собесѣдникомъ. Сіе-то самое есть то, что Аристофанъ, (которой рѣдко хвалитъ и не пощадилъ и сего Агатона) однако въ немъ похваляетъ; при чемъ одинъ изъ его Схоліастовъ (уповательно для большаго сея похвалы вразумленія) примѣчаетъ, что стихотворецъ Агатонъ имѣлъ хорошій столъ (*). Какъ въ примѣръ оному приводятъ обыкновенно славной пиръ, данной имъ при случаѣ побѣды, одержанной имъ въ публичномъ сословіи трагическихъ стихотворцевъ, и отъ котораго Платонъ взялъ случай къ одному изъ наипрекраснѣйшихъ своихъ разговоровъ. Обстоятельство, что онъ препроводилъ часть своея

(*) Scholiast. ad. Aristoph. Ranas. Act. I. scen. II. v. 84. την τραπεζαν λαμπρος.

своея жизни при дворѣ Царя Архелая Македонскаго, которому любовь его къ изящнымъ искуствамъ, и вниманіе, которое онъ умѣлъ доказать Еврипиду, снискала славное мѣсто въ воспоминаніи потомства, кажется усовершаетъ доказательство, что сего Агатона считать должно между изящными духами сократическаго вѣка; и все сіе возвышаетъ сожалѣніе о потеряніи его трагедій и комедій, изъ коихъ немногіе только незначащіе отрывки дошли до насъ.

Хотя сей историческій Агатонъ подалъ первое основаніе къ свойству выдуманнаго, однако то подлинно, что сочинитель сыскалъ собственный образецъ къ послѣднѣйшему въ Іонѣ Еврипида. Оба возросли подъ лаврами Делфійскаго Бога въ совершенномъ невѣденіи о своемъ произхожденіи; оба равняются въ тѣлесной и духовной изящности;

сти; одна чувственность, одинакій огонь воображенія, равное изящное умоизступленіе означаетъ того и другаго. Пространно бы было доказывать обстоятельно сходство; довольно, что мы молодымъ друзьямъ учености пальцомъ показали, хотя бы они ближайшее сравненіе сами предприняли. Сочинитель Агатона въ молодыхъ своихъ лѣтахъ преимущественно и съ намѣреніемъ читалъ и училъ Еврипида, изъ коего должны учиться молодые искусники Лаокоону, Ніобѣ, Ватиканскому Аполлону, Флорентійской Венерѣ, и всѣмъ другимъ твореніямъ искуства, - и онъ, хотя не сдѣлался Еврипидомъ, да и не хотѣлъ сдѣлаться, немалую чувствовалъ отъ того пользу.

Также и прекрасной Данаѣ находимъ мы не только въ поэтическомъ свѣтѣ, но между Греческими того класса красавицами которыя находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ бо-

тини любви, родъ подлинника одного имени. Леонтія, славная своею дружбою къ философу Епикуру и подобіемъ, которое нашелъ Сентъ-Евремондъ между ею и ея пріятельницею Ниною Ленклосъ, была мать сея историческія Данаи, которая по объявленію Аѳинея, отправляла промыселъ своея матери съ такимъ успѣхомъ, что она сдѣлалась наконецъ наложницею извѣстнаго Софронія, Ефезскаго намѣстника, и довѣренною вышерѣченныя царицы Лаодисы Сирскія. Но ни сіи обстоятельства, ни то, что помянутый писатель повѣствуетъ о плачевной ея смерти (*), кажутся быть довольными принести ей честь, естьли это такъ можетъ назваться, быть образцомъ достойной любви прелестницы нашего ироя. Правильнѣе найдемъ мы о семъ въ прекрасной Глицеріи, заставившей Алци-

(*) См. *Bayle* Diction. Art. *Leontium.* Rem. D.

Алцифрона писать столь прелестныя письма къ любезному ея Менадру (*), и въ начертанныхъ совсемъ роскошнымъ умоизступленіемъ изображеніяхъ, наполняющихъ первое, второе, второе надесять и двадцать шестое изъ писемъ или лучше изъ повѣстей, приписанныхъ Аристенею.

О Софистѣ Гиппіасѣ извѣстія основаны, которыя можно о немъ найти въ Платонѣ, Цицеронѣ, Филостратѣ, и другихъ древнихъ писателяхъ; но пребываніе его въ Смирнѣ, и что съ онымъ сопряжено, можетъ быть одна выдумка; по крайней мѣрѣ не находимъ сему никакихъ историческихъ свидѣтелей. Сей Гиппіасъ родомъ былъ изъ Элиса, города лежащаго въ Пелопонесѣ одной того же имени провинціи. Онъ былъ современникъ Протагора, Продика, Горгіаса, Ѳеодора Византійскаго, и прочихъ

(*) См. 29 письмо I и 4 II книги.

чихъ славныхъ Софистовъ Сократическаго столѣтія, и столько прославился своимъ краснорѣчіемъ и искуствомъ въ дѣлахъ, что онъ чаще, нежели кто другой изъ подобныхъ ему, употребляемъ былъ въ посольствахъ и переговорахъ. Но какъ онъ, по примѣру Горгіаса, училъ своему искусству за деньги; то онъ собралъ такой достатокъ (*), который привелъ его въ состояніе препровождать великолѣпный и роскошный образъ жизни, который заставляютъ его вести въ Агатонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, естьли можно сказать, что были нѣкогда такіе люди, которые обладали таинствомъ превращать малостоящія вещи въ золото: то можно сіе сказать о Софистахъ; и Гиппіасъ умѣлъ оное столь изрядно употреблять, что онъ, по собственному его увѣ-

(*) Philostratus de vitis Sophist. L. I. XI. p. 495. ed. G. Olear.

увѣренію, приобрѣлъ больше двоихъ его самаго промысла (*).

Вообще Софисты въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, почитались за людей все знающихъ. Прежде упомянутый Горгіасъ былъ первый, который столько имѣлъ довѣренности къ самому себѣ, или лучше столь малое мнѣніе о своихъ слушателяхъ, что онъ нѣкогда при Олимпійскихъ играхъ вызывалъ все Греческое государство задавать ему вдругъ для рѣчи какую имъ будетъ угодно матерію. Такое хвастовство, которое тогда почиталось за совершенное доказательство чрезвычайной способности, пріобрѣло болтуну Горгіасу не менѣе, какъ статую изъ чистаго золота въ Делфскомъ храмѣ (**); а напослѣдокъ сдѣлалось столь обыкновенно, что во времена Цицероновы не было ни одного шатающагося

(*) Hipp. maj. pag. 282, T. III. opp. Plat.
(**) Cicero de orat. L. III. 32.

и промышляющаго остроумїемъ Греченка (Graeculus), который бы всякую минуту не былъ готовъ болтать не готовясь благосклоннымъ слушателямъ обо всемъ дѣйствительномъ и возможномъ, великомъ и маломъ, старомъ и новомъ, все, что можно о томъ сказать (*). Въ сей части да-

(*) Postea vero vulgo hoc facere coeperunt, hodieque faciunt, vt nulla sit res, neque tanta, neque tam improvisa, neque tam nova, de qua se non omnia, quae dici possint, profiteantur esse dicturos. de Orat. L. I. 22. Безстыдство сихъ малыхъ Грековъ, осмѣваемыхъ здѣсь Цицерономъ, возрастало напослѣдокъ по той же мѣрѣ, какъ при владѣнїи Кесарей съ духомъ сластолюбїя возрасли въ Римѣ до крайности всѣ роды изступленїй и безумїй. Не можно ничего начитать смѣшнѣе, какъ изображенїе, которое дѣлаетъ Ювеналъ въ третей своей Сатирѣ о таковомъ Греченкѣ. „ Сей „ хитрецъ, предстоящїй здѣсь съ „ толь безстыдною дерзостїю, гово- „ ритъ

далеко превзошелъ Гиппіасъ прочихъ своихъ сверстниковъ. Онъ дошелъ до того, что онъ (какъ говоритъ ему Платоническій Сократъ въ глаза) былъ довольно безстыденъ, чтобъ предстать предъ всѣми въ Олимпіи Греками и хвастаться, будто нѣтъ никакой вѣтви

„ритъ столь скоро, и наводняетъ „насъ столь быстро рѣкою беззнаме„нательныхъ словъ; какъ вы думае„те, кто онъ такой? Онъ *каждой*; „въ одномъ своемъ *лицѣ* предста„вляетъ намъ *всѣ состоянія и про„мыслы*: онъ Филологъ, Риторъ, „Геометръ, живописецъ, банщикъ, „рисовальщикъ, ужеходецъ, врачь, „золотарь. Чего не можетъ знать „маленькій Греческій остроумъ, или „чѣмъ не можетъ быть, когда онъ „голоденъ? Онъ взлезетъ вамъ на „небо, естьли вамъ угодно.„ Не знаемъ ли мы въ Россіи подлинниковъ къ сей картинѣ изъ такого государства, которое для насъ во многихъ частяхъ есть то, что прежде были Греки Римлянамъ?

человѣческаго познанія, которой бы онъ не разумѣлъ, и никакого искуства, котораго бы теоріи, какъ и употребленія, не имѣлъ онъ въ своей власти. „ Государи мои, говорилъ „ онъ, я разумѣю не только совер-„ шенно гимнастику, музыку, грам-„ матику, поэзію, геометрію, астро-„ номію, физику, этику и полити-„ ку; я сочиняю не только ирои-„ ческія поемы, трагедіи, комедіи, „ диѳирамбы, и всѣ роды тво-„ реній въ прозѣ и стихахъ; но „ и какъ вы меня здѣсь видите „ (онъ былъ одѣтъ весьма ве-„ ликолѣпно), самъ на себя все „ сшилъ собственными руками: „ исподнее платье, кафтанъ, по-„ ясъ, епанчу, все я самъ сдѣ-„ лалъ; печать въ перстнѣ на мо-„ емъ пальцѣ самъ я вырѣзывалъ, „ да и самые сіи башмаки соб-„ ственной моей работы (*). „

Я

(*) Plato in Hipp. minor. T. I. p. 368. и Цицеронъ, которой въ семъ послѣдуетъ Платону, de Orat. L. III. cap. 32.

Я не знаю, довольно ли можетъ быть всего вниманія, коимъ мы обязаны Платону и его Сократу (который столь мало уподобляется сыну Софрониска) увѣрить насъ о такомъ человѣкѣ, какъ Гиппіасъ (свѣтскомъ человѣкѣ, который обладалъ довольнымъ искуствомъ и благоразуміемъ, чтобы притти у своихъ современниковъ въ наивеличайшее почтеніе) въ такой чертѣ, которая столько уподобляется взрѣзамъ разнощиковъ въ кругѣ торговокъ устерсами и дрягилями. Платоново увѣреніе въ томъ, что онъ говоритъ во вредъ Гиппіаса, кажется тѣмъ подозрительнѣе, когда онъ въ обоихъ разговорахъ, которыя имѣютъ его имя, употребилъ бѣдную хитрость, что представилъ сего Софиста, дабы сдѣлать его тѣмъ смѣшнѣе, столь несносно глупымъ и незнающимъ, дающимъ столь сожалѣнія достойные разговоры, и наконецъ повергши его безъ всякаго труда на

землю, столь невкусно хвастающимъ, что или Грекамъ во времена Платоновы надлежало быть не много лучше Тапинамбуса, или не возможно, чтобы Гиппіасъ былъ бѣдною капхею, до какія унижаетъ его Платонъ. Однако между тѣмъ можно вывесть изъ сего мѣста и вообще изъ всего, что сей Философъ и его спищики говорятъ о нашемъ Гиппіасѣ столько, что сочинитель Агатона довольную имѣетъ причину представить сего Софиста, какъ требователя на всеобщую ученость, вкусъ, знаніе свѣта, и тонкую жизнь.

Все сказанное въ Агатонѣ о Периклѣ, Аспазіѣ и Алцибіадѣ сразмѣрно извѣстіямъ, которыя оставилъ намъ Плутархъ, такой писатель, который находится или долженъ находиться въ рукахъ каждаго, въ описаніяхъ жизни перваго и послѣдняго. То же самое должно примѣчать о младшемъ Діонисіѣ Сиракузскомъ, о Филистѣ.

отѣ, министрѣ его и довѣренномъ, и о Діонѣ, родственникѣ его и антагонистѣ или противникѣ. Ибо хотя роля, играемая Агатономъ при дворѣ сего государя, и различныя приключенія, въ которыя онъ на сей конецъ долженствовалъ быть запутанъ, суть безъ историческаго основанія; однако сдѣлано себѣ закономъ представить участвующія въ семъ философскомъ романѣ историческія особы ни лучше ни хуже, какъ они намъ свѣдомы изъ исторіи; и вымыслу не болѣе позволено, какъ опредѣлить историческія приключенія ближе, и совершеннѣе изобразить примысливаемыя тѣ обстоятельства и случайности, которыя наиспособнѣе всего казались къ озаренію извѣстнаго свойства преждепомянутыхъ историческихъ особъ, и къ совершеннѣйшему чрезъ то достиженію намѣренія нравоучительной пользы, для которой и все сіе сочинено твореніе.

Тѣ, которымъ можетъ быть покажется, что сочинитель весьма украсилъ Философа Аристиппа, а Платону напротивъ того оказалъ недовольную справедливость, найдутъ причины истолкованными, для чего тотъ изображенъ нескернѣе а сей не совершеннѣе, нѣкогда въ обстоятельной исторіи Сократическаго училища (естьли мы иначе найдемъ праздное время выдать столь обширное твореніе). А здѣсь довольно того, когда мы увѣряемъ, что и то и другое учинено не безъ довольной причины. Аристиппъ, при всемъ своемъ сходствѣ съ Софистомъ Гиппіасомъ, различался безспорно лучшимъ образомъ мыслей и нарочитою частію Сократическаго духа. Такой мужъ, какъ Аристиппъ, сдѣлаетъ свѣту всегда больше добра, нежели зла; и хотя положенія его, не снисходя собственно пороку, съ одной стороны не очень споспѣшествуютъ добродѣтели: однако справедли-

ведливость требуетъ признаться, что онъ съ другой стороны, какъ весьма дѣйствительный противный ядъ противъ изступленій воображенія и сердца, оказываютъ хорошія услуги, и чрезъ то могутъ паки богато награждать тотъ вредъ. Но мы весьма опасаемся, чтобы Платонъ, вмѣсто требованія нѣкотораго удовольствія отъ сочинителя Агатона, при точнѣйшемъ разсмотрѣніи несравненно болѣе не потерялъ, нежели выигралъ.

Наиблагороднѣйшее, достопочтеннѣйшее и поучительнѣйшее свойство во всемъ твореніи безъ всякаго прекословія есть старый Архитасъ; и тѣмъ пріятнѣе для насъ увѣрять къ чести человѣчества, что сіе свойство совсѣмъ историческое. Архитасъ, наилучшій мужъ, какого произвело Пиѳагорическое училище, соединялъ дѣйствительно въ своей особѣ досто-

стоинства философа, статскаго человѣка и полководца; чѣмъ Платонъ хотѣлъ казаться, то былъ Архитасъ; и естьли нѣкогда заслуживалъ человѣкъ быть представленъ образцомъ мудрости и добродѣтели, то былъ сей Тарентинской республики первоначальникъ (*). Какъ онъ былъ современникъ наиглавнѣйшихъ особъ въ нашей исторіи; то казалось онъ самъ себя предложилъ сочинителю къ сему употребленію, которое онъ дѣлаетъ изъ него. Кого могъ онъ съ лучшимъ основаніемъ и успѣхомъ противопоставить Гиппіасу, какъ сего истиннаго

(*) Что мы находимъ разсѣянно о жизни и свойствѣ его во множествѣ древнихъ писателей, то собралъ въ одно мѣсто Андрей Шмидъ, тогдашній исполненный достоинствъ учитель высокаго училища въ Іенѣ, въ ученомъ сочиненіи о Архитѣ Тарентинскомъ, которое въ 1683 году вышло тамъ въ свѣтъ.

наго мудреца, котораго положенія заключаютъ въ себѣ наивѣрнѣйшій противный ядъ противъ обманчивыхъ лжеключеній Софистовыхъ? и кому приличнѣе отторгать оныя своею Теоріею, какъ тому, котораго вся жизнь была наисовершеннѣйшимъ онаго возраженіемъ? Основать сію Теорію было бы уже нравственнаго свойства, которое вся древность приписываетъ Архитасу, довольно самого по себѣ. Однако намъ гораздо пріятнѣе, что мы все находимъ въ отрывкахъ, *за которыя мы обязаны Стобею, и которые* одни *дошли до* насъ изъ сочиненій столь достойнаго примѣчанія мужа, что могло служить доказательствомъ, что философія Архитаса, составляющая наизнатнѣйшее прибавленіе настоящаго новаго изданія Агатона, дѣйствительно есть ни болѣе ни менѣе, какъ объясненіе содержащихся въ тѣхъ отрывкахъ понятій и положеній. Ни что не ка-

кажется столько выгоднымъ, какъ узнать, какъ мыслили тѣ, кои жили такъ, какъ Архитасъ. Одно служитъ другому взаимно и купно ключемъ и подтвержденіемъ. Мы понимаемъ лучше, для чего Архитасъ такъ жилъ, какъ дѣлалъ, когда мы знаемъ, по какимъ положеніямъ онъ жилъ. Но ни что не доказываетъ лучше благость сихъ положеній, какъ то, что мужъ, жившій по онымъ былъ одинъ изъ наисправедливѣйшихъ, благотворительнѣйшихъ, наихрабрѣйшихъ, наидостойнѣйшихъ любви, и наиблагополучнѣйшихъ человѣковъ, какихъ показала исторія.

Агатонъ.

Книга первая.

Глава первая.

Начало сея повѣсти.

Солнце склонялось уже къ захожденію, какъ Агатонъ, заблудясь въ непроходимомъ лѣсу и удручась тщетнымъ стараніемъ обрѣсть выходъ, достигъ до подошвы превысокой горы, на которую онъ желалъ взобраться въ надеждѣ съ вершины оной усмотрѣть какое нибудь селеніе, гдѣбъ могъ препроводить ночь. Такимъ образомъ началъ онъ пробираться съ трудомъ по тропинкѣ, найденной имъ между поросшимъ тамъ всюду кустарникомъ; но не прошелъ

и половины своего пути, какъ обезсилѣвъ лишился всея бодрости къ достиженію вершины горы, которая казалось удалялась отъ него по мѣрѣ его къ оной приближенія. И такъ онъ принужденъ былъ почти бездыханенъ повергнуться подъ деревомъ, отѣневающимъ небольшой зеленѣющій пригорокъ, и рѣшился проводить тутъ уже наступающую ночь.

Ежели когда человѣкъ бывалъ въ такихъ обстоятельствахъ, кои назвать можно злополучными; то это безъ сомнѣнія въ оныхъ былъ нашъ молодый человѣкъ, коего мы въ первый разъ представляемъ взору нашихъ читателей. За нѣсколько дней предъ симъ былъ онъ любимецъ щастія и предметъ зависти своихъ согражданъ. Но нечаянною перемѣною нашелъ себя вдругъ лишенна своего имущества, друзей своихъ, своего отечества, и подвер-

верженна не только всѣмъ приключеніямъ противнаго щастія, но и самой неизвѣстности какимъ образомъ онъ могъ сохранить единую оставшуюся ему вещь, то есть, свою обнаженную жизнь. Но не взирая на всѣ злощастія, соединившіяся на умерщвленіе его бодрости, повѣствованіе насъ увѣряетъ, что тотъ, кто его въ семъ видѣлъ состояніи, не могъ примѣтить ни въ его видѣ, ни въ его поступкахъ, ни малѣйшаго слѣда отчаянія, нетерпѣливости, или только неудовольствія.

По таковому описанію представитъ можетъ быть нѣкто себѣ мудраго того Стоика, который, какъ увѣряютъ, столько же почиталъ себя благополучнымъ въ быкѣ Фаларидовомъ (а), сколько Восто-

(а) Фаларисъ былъ жестокій Агригентскій мучитель. Периллъ, славный художникъ, выдумалъ для споспѣшество-

сточный Паша въ нѣжныхъ прекрасной Черкашенки объятiяхъ (*). Но

ствованiя его неистовству сдѣлать мѣднаго быка, котораго разжигали, заключивъ въ него какого нибудь нещастнаго. Изобрѣтатель сего безчеловѣчiя былъ первою жертвою.

(*) Сенека въ 66 изъ своихъ писемъ научаетъ насъ, что сiе хвастовство принадлежитъ такому философу, отъ котораго сего не можно было надѣяться. Это былъ Эпикуръ, который сказалъ: „Мудраго естьли бы „начали жарить въ быкѣ Фаларида, „то бы онъ возопилъ: ахъ, какъ мнѣ „любо!„ Естьли Эпикуръ сказалъ нѣчто хорошее, то Стоики, какъ думаетъ Сенека, конечно съ честiю не менѣе могутъ сказать. Однако между тѣмъ признается онъ, что мудрый человѣкъ, естьлибъ въ его состояло волѣ, лучше согласился остаться не жаренымъ; но не для непрiятности сего, а поелику съ природою не сходно, чтобы мудрый человѣкъ безъ нужды допустилъ себя жарить.

Но какъ теченіе сего повѣствованія покажетъ намъ разные опыты великаго неравенства между нашимъ ироемъ и мудрецомъ Сенеки; то мы почитаемъ за вѣроятное, что душа нашего ироя была изъ числа тѣхъ, которыя всегда отворены удовольствію, и для которыхъ одного пріятнаго чувствованія довольно, чтобы привесть у нихъ въ забвеніе всю ихъ минувшую и будущую печаль. Отверстіе лѣса между двумя горами показало ему издали закатающееся солнце: а сего узрѣнія уже и довольно было къ успокоенію чувствованія его злополучій. И такъ не вспомнилъ онъ нѣсколько времяни о наиугнѣтающихъ своихъ нуждахъ, предавшись возторженію, въ каковое обыкновенно сіе величественное зрѣлище чувствительныя ввергаетъ души. Наконецъ шумъ не подалеку отъ него изъ скалы произтекающаго източника извлекъ его изъ

пріятнаго изступленія, въ которомъ онъ самъ себя забывалъ. Онъ вставши почерпнулъ горстію воды сего источника, коего текущій кристаллъ, по его воображенію, нѣкая благотворительная нимфа изливала изъ своей мраморной кружки; и вмѣсто того, чтобы ему сожалѣть о драгоцѣнныхъ толь славнымъ Кипрскимъ виномъ наполненныхъ кубкахъ, употребляемыхъ на Аѳинскихъ пиршествахъ, казалось ему, что онъ никогда не пивалъ пріятнѣе. Потомъ легши опять, заснулъ при сладкомъ источника журчаніи, и увидѣлъ во снѣ, что онъ сыскалъ возлюбленную свою Псише, лишеніе которой было единственнымъ предметомъ исторгавшимъ изъ него отъ времени до времени глубокіе вздохи.

Глава вторая.

Нѣчто совсѣмъ неожидаемое.

Естьли справедливо, что всѣ вещи въ мірѣ имѣютъ весьма тѣсное между собою сношеніе, то не меньше подлинно, что сіе соединеніе между простыми вещами часто совсѣмъ непримѣтно бываетъ; и отсюда кажется произходитъ, что исторія разсказываетъ намъ часто гораздо чуднѣйшія приключенія, нежели какихъ бы сочинитель романовъ вымыслить отважился. Приключившееся съ нашимъ въ сію ночь ироемъ служитъ немалымъ сему наблюденію подкрѣпленіемъ. Онъ наслаждался еще сладостію сна, который Гомеръ почитаетъ за толь великое благо, что присвояетъ его и безсмертнымъ, какъ вдругъ поразилъ его столь великій шумъ; что онъ отъ страху про-

снулся. Онъ подслушивалъ съ той стороны, съ которой казалось происходилъ сей шумъ, и думалъ въ смѣшенномъ воплѣ различить чудныя возклицанія и вой, отдававшійся ужаснымъ образомъ отъ противолежащихъ скалъ. Агатонъ, который только во снѣ изпугаться могъ, рѣшился въ тожъ мгновеніе итти бодро на сей шумъ. И такъ онъ со всевозможною скоростію взошелъ на высочайшую часть горы. Луна, полнымъ своимъ сіяніемъ разгонявшая мрачныя тѣни во всей обширной окрестности, споспѣшествовала его предпріятію. Чѣмъ ближе подходилъ онъ ко хребту горы, тѣмъ болѣе усугублялся шумъ, такъ, что онъ различилъ безпорядочный бубновъ бой, безправильный свистъ свирѣлей, и началъ угадывать причину сего шума, какъ вдругъ представилось взору его такое позорище, которое безъ сомнѣнія довольно бы сильно

но было принудить того выше-
упомянутаго мудреца забыть самое
свое мнимое божество. Сїе была
толпа молодыхъ Ѳракїйскихъ жен-
щинъ, собравшихся въ сїю ночь
для отправленїя безумнаго торже-
ства, установленнаго язычниче-
скою древностїю въ воспоминанїе
знаменитаго Бахусова похода изъ
Индїи (*). Пылкая и плодовитая
сила воображенїя, или грифель
Лафажевъ могли бы безъ сомнѣ-
нїя сдѣлать изъ такого явленїя
нарочито возхитительную карти-
ну. Но впечатлѣнїя, произведен-

 ныя

(*) Таинства или тайныя богослуженїя Бахусу отправляемы были только женщинами, и по умоизступительному неистовству, въ которое тогда для выраженїя сильнѣйшихъ дѣйствїй бога вина впадали, преимущественно назывались Оргїею. На картину здѣсь о томъ представленную сообщили красокъ Еврипидъ, Виргилїй и Овидїй.

ныя въ нашемъ ироѣ дѣйствительнымъ на оное воззрѣніемъ, были не инаго какого рода, какъ пріятныя. Буйственно разпущенные и развѣвающіеся волосы, блудящія очи, пѣнящіяся уста, разпухлые мускулы, дикія кривлянія и неистовое веселіе, съ какимъ сіи безумныя въ наглыхъ положеніяхъ махали своими тирсами, кои обвиты были смирными зміями, били въ свои бубны, либо заикаясь пѣли безпорядочные диѳирамвы или пѣсни въ честь Бахусу; словомъ, всѣ сіи сумазброднаго неистовства явленія, которыя ему тѣмъ гнуснѣе казались, что основаны были на суевѣріи, произвели въ очахъ его нечувствительность и возбудили въ немъ омерзеніе къ прелестямъ, потерявшимъ купно со стыдливостію всю власть надъ его чувствами. Онъ хотѣлъ было назадъ бѣжать, но невозможно было, поелику онъ въ тожъ

самое

самое время его примѣтили, какъ и онъ ихъ увидѣлъ. Нечаянное зрѣніе молодаго человѣка въ такомъ мѣстѣ, на такомъ торжествѣ, котораго никакое око мущины не осмѣливалось осквернять, прервало вдругъ теченіе безумной и шумной ихъ веселости и обратило все ихъ вниманіе на сіе явленіе.

Мы не можемъ долѣе скрывать отъ нашихъ читателей обстоятельства, имѣющаго немалое втеченіе въ слѣдствія всѣхъ приключеній сего повѣствованія. Агатонъ столь былъ удивительной красоты, что Зевксисъ и Алкаменъ, его современники, не надѣясь совершеннѣйшій видъ выдумать, или изъ разсѣянныхъ красотъ природы составить, брали его образцомъ, когда они хотѣли представить прекраснаго Аполлона или младаго Бахуса. Никогда женское око не могло на

него

него воззрѣть не заплатя ему дани своего пола, столько ко красотѣ чувствительнымъ сотвореннаго, что сіе единое качество скрываетъ у большей части женщинъ отсутствіе всѣхъ прочихъ совершенствъ. Агатонъ въ семъ мгновеніи весьма обязанъ былъ сему драгоцѣнному дару: онъ спасъ его отъ участи Панѳеевой (а) и Орфе-

(а) Панѳей, царь Ѳивскій сынъ Ектріона и Агавы. Онъ былъ беззаконникъ, имѣвшій величайшее къ богамъ презрѣніе. Бахусъ проходилъ чрезъ его земли: но вмѣсто того, чтобы вытти ему на срѣтеніе, онъ приказалъ его привести передъ себя оковавъ руки и ноги. Бахусъ, будучи ввержденъ въ темницу, принялъ на себя видъ Асета, одного изъ Лоцмановъ Панѳеевыхъ, и ушелъ при благопріятствѣ сего превращенія изъ темницы. Въ самое то же время вдохнулъ онъ столь неистовое бѣшенство въ королевскую фа-

Орфеевой (b). Красота его ввергнула сихъ Менадъ (c) въ изумленіе. Юноша такого виду, въ такомъ мѣстѣ, въ такое время! могли ли онѣ почесть его за кого нибудь инаго, какъ не за самаго Бахуса? Въ піянствѣ, объявшемъ ихъ чувства, не было ничего естественнѣе сея мысли. Мечтая въ изступленіи видъ бога предъ собою, присовокупили онѣ ему все то, чего

фамилію, что она изорвала сего государя въ куски.

(b) Орфей, сынъ Эагра царя Ѳракійскагò, въ коего Ѳракійскія женщины влюблялися; но онъ, сохраняя ревность къ Евридикѣ, не хотѣлъ ни которой изъ нихъ соотвѣтствовать. Симъ презрѣніемъ ожесточились онѣ, и избравъ день празднованія Бахусу, напали на него и его умертвили.

(c) Менады, или бѣснующіяся: имя, данное Баханкамъ.

чего недоставало къ совершенному существу Бахуса. Въ очахъ ихъ, возторгомъ очарованныхъ, представлялись Силены и козлоногіе Сатиры около его прыгающіе, Тигры и леопарды съ ласканіемъ лижущіе его ноги. Имъ казалось, что изъ-подъ слѣдовъ пятъ его произрастали цвѣты, и источники вина и меда выходили изъ каждыя ступени его и пѣняся стремились ручьями внизъ по порогамъ. Тогда вдругъ раздались по всей горѣ, по лѣсу, и по окрестнымъ скаламъ, радостныя возклицанія: Еванъ, Евое! со столь ужаснымъ звукомъ барабановъ и бубновъ, что Агатонъ отъ ужаса и изумленія стоялъ неподвиженъ на подобіе истукана, между тѣмъ какъ бахании въ возхищеніи разными безчинными образами около его плясали и тысящію безумныхъ кривляній выражали свою радость о мнимомъ присутствіи своего бога.

бога. Но и самое безмѣрное умоизступленіе имѣетъ свои предѣлы и уступаетъ наконецъ высшей силѣ чувствъ. Сіи изступленныя къ нещастію нашего ироя мало по малу паки пришли въ себя изъ возхищенія, которое повидимому удручило совсѣмъ ихъ силу воображенія, и находили часъ отъ часу больше человѣческаго въ томъ, котораго рѣдкая его красота въ ихъ упоенныхъ глазахъ представила богомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, почитая себя въ разсужденіи прелестей своихъ достойными заступить мѣсто Аріадны (а) сего новаго Бахуса приближились къ нему, и ввергали его живостію, съ какою онѣ выражали свои чувствованія,

(а) Аріадна, дочь Миноса, будучи оставлена Тезеемъ на горѣ острова Накса, сдѣлалась на ономъ жрицею Бахуса, который женясь на ней вмѣстилъ ее въ число созвѣздій.

ванія, тѣмъ въ большее замѣшательство, чѣмъ меньше склоненъ онъ былъ соотвѣтствовать ихъ чрезмѣрно буйнымъ ласканіямъ. Повидимому произошла бы между ими самая жестокая разпря, и Агатонъ испыталъ бы наконецъ плачевную участь Орфея, разтерзаннаго нѣкогда по симъ же причинамъ Ѳракійскими Менадами: естьли бы безсмертные, управляющіе нитью произшествій человѣческихъ, не сохранили его въ сію минуту незапнымъ приключеніемъ, когда ни мужество его ни добродѣтель не могли его спасти.

Глава третія.

Нечаянное пресѣченіе Бахусова торжества.

Шайка Киликійскихъ морскихъ разбойниковъ пристала для запасенія свѣжей воды ночью къ сему бере-

берегу, и услышавЪ издали шумЪ БаханокЪ приняли его тотчасЪ за позывЪ на знатную добычу. Они вспомнили, что знатнѣйшія госпожи сея страны обыкновенно около сего времени отправляютЪ таинственное Бахусу жертвоприношеніе; а при томЪ и знали, что онѣ сбирались на сей праздникЪ вЪ великолѣпнѣйшихЪ уборахЪ, и раздѣвшись донага бѣгали по горамЪ, а платье до своего возвращенія оставляли подЪ стереженіемЪ нѣкотораго числа невольницЪ. Надежда *кромѣ сихЪ госпожЪ, изЪ коихЪ лучшихЪ опредѣляли уже они мысленно* на украшеніе АзіатскихЪ сералей, получить вЪ добычу великое множество платья и драгоцѣнныхЪ камней, побуждала разбойниковЪ покуситься на похищеніе. И такЪ они раздѣлились на двѣ толпы, изЪ коихЪ одна старалась захватить невольницЪ стрегущихЪ

платье; а другая между тѣмъ взошедъ на гору, бросилась съ великимъ крикомъ въ средину Ѳракіанокъ, овладѣла ими, не давъ имъ времени ободриться и приготовиться къ защитѣ себя. Обстоятельства дѣйствительно были таковы, что онѣ единственно могли только защищаться обыкновенными и приличнѣйшими оружіями ихъ пола. Но сіи Киликійцы были сущіе морскіе разбойники и ни мало не тронулись ни слезами, ни моленіями, ни самыми прелестьми сихъ красавицъ, которыя въ ту минуту, когда ужасъ и страхъ возвратилъ имъ женскость (есть ли позволено занять слово сіе у великаго стихотворца) казались столь прелестными и самому цѣломудренному Агатону, что онъ нашелъ себя принужденнымъ потупить въ землю взоръ свой, не охотно ему повинующійся. Разбойники имѣли тогда другія попече-

ченія,

ченія, и ни о чемъ иномъ не помышляли, какъ о приведеніи безъ отлагательсшва въ безопасность своея добычи. При томъ легко можно догадаться, что не забыли и Агатона. Такимъ образомъ съ утратою вольности и претерпѣніемъ довольно грубыхъ насмѣшекъ надъ сообществомъ, въ которомъ его нашли, избавился онъ отъ опасности, изъ коей онъ, по его мнѣнію, за весьма большую цѣну не могъ бы вырваться. Казалось, что потеряніе вольности въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ находился, ни мало его не тревожило. Да и въ самомъ дѣлѣ лишась всего того, что вольность дѣлаетъ драгоцѣнною, мало имѣлъ причины сокрушаться о такой потерѣ, которая ему по крайней мѣрѣ въ злощастіи обѣщавала перемѣну.

Глава четвертая.

Посажение на корабль Агатона.

Киликійцы сѣвши съ своею богатою добычею на корабль, и раздѣля оную, что всего удивительнѣе, съ большимъ согласіемъ, нежели какое правители малой республики обыкновенно наблюдаютъ при раздѣленіи общественныхъ доходовъ, остатокъ ночи препроводили въ пиршествѣ, при которомъ они никакъ не забыли наградить себя щедро за оказанную при завоеваніи Ѳракійскихъ госпожъ стоическую нечувствительность. Но между тѣмъ, какъ весь корабль упражненъ былъ приведеніемъ къ окончанію начатаго торжества Бахусова праздника, вдругъ прерваннаго; то Агатонъ непримѣтно удалился въ уголъ, и тамъ отъ великаго утомленія паки заснулъ, и съ охотою продолжалъ бы то же

самое

самое сновидѣніе, въ которомъ его часто повторяемое упившихся Менадъ возклицаніе Еванъ Евое разбудило.

Глава пятая.

Находка.

Возходящее солнце, предвозвѣщаемое багряною зарею, позлативъ Іоническое море первыми своими лучами, нашло всѣхъ чрезъ всю ночь жертвовавшихъ Бахусу и богинѣ его *сестрѣ* погребенныхъ, говоря съ *Виргиліемъ*, въ винѣ и снѣ. Одинъ Агатонъ обыкшій просыпаться съ зарею, былъ разбуженъ первыми лучами, катящимися нечувствительно горизонтальными линіями по его челу. Разтворяя глаза узрѣлъ онъ предъ собою стоящаго молодаго въ невольничьемъ платьѣ человѣка и разсматривающаго его съ вели-

великимъ вниманіемъ. Сколько Агатонъ прекрасенъ ни былъ, однако казалось, что сей любви достойный юноша стройностію своего стана, нѣжностію и живостію природнаго румянца превозходилъ его. Въ самомъ дѣлѣ имѣлъ онъ въ своемъ обликѣ и чертахъ нѣчто столь сходственное съ самою прекраснѣйшею дѣвицею, что онъ подобно Гораціеву Гигесу, замѣшавшись въ женскомъ одѣяніи въ кучу дѣвицъ, весьма бы легко могъ обмануть око и самаго проницательнѣйшаго знатока. (*) Агатонъ съ своея стороны взиралъ также на младаго невольника съ пріятнымъ удивленіемъ, которое мало по малу возвысилось до восхище-

(*) Quem ſi puellarum inſereres choro,
Mire ſagaces falleret hoſpites
Diſcrimen obſcurum, ſolutis
Crinibus ambiguoque vultu. Horat.
(od. II. 5.

хищенія. Самыя тѣ же движенія появились также на пріятномъ лицѣ юнаго невольника. Они вдругъ узнали другъ друга, и души ихъ казалось претекли чрезъ взоры одна въ другую прежде, нежели они могли обняться, и прежде, нежели трепещущія ихъ отъ возхищенія губы могли возкликнуть: — *Псише*! — *Агатонъ*! — Они пребыли въ молчаніи долгое время. То, что они чувствовали, превозходило всякое выраженіе. Да и какая имъ была нужда въ разговорахъ? Языкъ безполезенъ, когда души непосредственно одна другой взаимно сообщаются, другъ на друга непосредственно взираютъ, другъ друга ощущаютъ, и чувствуютъ въ одно мгновеніе больше, нежели языкъ самыхъ Музъ могъ бы изобразить въ цѣлые годы. Солнце обратилось бы можетъ быть непримѣтно около ихъ

главѣ и опять бы опустилось въ Океанѣ прежде, нежели бы примѣтили они стремительное теченіе часовъ въ непрерывномъ возхищеніи; естьли бы не Агатонъ (которому естественно первому прилично было прервать молчаніе) изторгнулся съ нечувствительною силою изъ объятій своея Псиши, дабы отъ нея узнать, какимъ случаемъ попала она въ руки разбойниковъ? Время дорого, возлюбленная моя Псише, сказалъ онъ ей; намъ надлежитъ пользоваться минутами, пока сіи варвары, укрощены будучи силою сего бога, повалкою лежатъ. Разскажи мнѣ, какимъ случаемъ ты была у меня похищена, и что съ тобою приключилось послѣ сего злодѣянія, о которомъ я не могъ узнать никакихъ обстоятельствъ? и какъ я тебя сыскалъ теперь въ семъ невольничьемъ платьѣ и во власти сихъ разбойниковъ.

Глава шестая.

Повѣсть Псишина.

Ты памятуешъ, отвѣчала ему Псише, о томъ злощастномъ часѣ, въ которой ревнивая Пиѳія (а) любовь нашу, почитаемую нами за столь тайную, открыла. Ничто не могло съ ея сравниться неистовствомъ, и не доставало ей только того, что отмщеніе ея потребовало жизнь мою въ жертву; поелику она принудила меня въ нѣсколько дней претерпѣть все то, что презрѣнная любовь для мученія щастливой соперницы изобрѣсть въ состояніи. Хотя и въ ея состояло власти удалить меня вовсе отъ твоихъ глазъ, однако она не почитала себя безопасною, пока я останусь въ Делфахъ. Она тотчасъ вымыслила

 сред-

(а) Сіе титло давано было жрицѣ Аполлона въ Делфійскомъ храмѣ.

средство отъ меня избавиться, не подавъ ни малѣйшаго о причинѣ ея рѣшимости подозрѣнія. Она подарила меня одной своей родственницѣ, которую имѣла въ Сиракузахъ; и какъ она думала, что заславъ меня въ сіе мѣсто довольно отдалитъ отъ тебя, то не умедлила, отправить меня весьма тайно въ Коринѳъ, а оттуда въ Сицилію. Безумная! развѣ несвѣдома ей была сила любви, вдыхаемая Агатономъ? Развѣ не знала она, что никакое разлученіе тѣлъ не можетъ возбранить душѣ моей прелѣтать чрезъ земли и моря и паритъ надъ тобою, подобно любящимъ тѣнямъ, ищущимъ всегда предмета ими избраннаго? Или надѣялись она казаться гораздо прелестнѣе твоимъ глазамъ, когда бы ты больше не зрѣлъ меня возлѣ нея? — Я оставила Делфы съ разтерзаннымъ сердцемъ. Когда я въ послѣдній разъ обрати-

ла взоръ на сіи заволхвованныя рощи, гдѣ любовь твоя давала мнѣ новое бытіе, новую дѣйственность, въ сравненіи съ которою прежняя моя жизнь была скучное перемѣненіе единообразныхъ дней и ночей, такая жизнь, какую имѣютъ растенія, и которую я не чувствовала -- когда наконецъ любезная страна совсѣмъ скрылась отъ глазъ моихъ -- нѣтъ, Агатонъ, я не могу сего описать; я престала себя самое чувствовать. Чрезъ нарочито долгое время начала я по нѣскольку приходить въ чувство. Источникъ слезъ облегчилъ стѣсненное мое сердце. Я нашла нѣкоторый родъ веселія въ сихъ слезахъ: я имъ дала свободное теченіе, не безпокоясь о томъ, что ихъ увидятъ. Свѣтъ казался мнѣ обширною степью, а всѣ окружавшіе меня предметы сномъ и тѣнію; мы съ тобою существовали однѣ во всей природѣ; мнѣ ви-

видѣлся и слышался только ты, я лежала на твоихъ персяхъ, руки мои обнимали твою выю, я показывала тебѣ душу мою въ глазахъ моихъ, я водила тебя подъ тѣ святыя тѣни, гдѣ ты научалъ меня чувствовать присутствіе безсмертныхъ; я сидѣла у твоихъ ногъ, а душа моя висящая на твоихъ устахъ разговоры твои почитала за пѣніе музъ; Мы взявшись за руки прохаживались при лунномъ сіяніи по улыбающимся Елисейскимъ долинамъ, или садились въ безмолвіи на цвѣты, гдѣ души наши, изъясняясь на своемъ собственномъ духовномъ языкѣ, зрѣли окрестъ себя только свѣтъ и веселіе, и желали быть безсмертными для того только, чтобы имъ любиться можно было во вѣки. Посреди сихъ возпоминаній, коихъ живость помрачала всѣ внѣшнія чувствованія, сердце мое мало по малу успокоилось; я не

могла

могла повѣрить, я, которая почитала себя частію твоего существа, чтобы мы когда могли быть разлучены. Сія надежда возвратила мнѣ жизнь, и овладѣла такъ мною, что я паки становилась весела. Ибо я не сомнѣвалась, я *знала*, что ты не могъ престать меня любить. Я оставляла тебя волнующейся страсти сильныя и прелестныя соперницы безъ малѣйшаго опасенія. Я вѣдала, что она хотя могла дойти до того, чтобы усладить твои чувства, но неспособна была вдохнуть въ тебя такую любовь, какова наша, и чтобы ты скоро началъ тосковать по той, которая одна можетъ тебя ощастливить, потому, что она одна можетъ тебя такъ любить, какъ ты желаешъ быть любимъ? Преисполнена будучи такими мыслями, прибыла я наконецъ въ Сиракузы. Прозорливая жрица взяла всѣ нужныя предосто-

осторожности, чтобы я никакъ не могла найти средства увѣдомить тебя о моемъ пребываніи. Новая моя госпожа была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя рождены на то, чтобъ какъ самимъ себѣ, такъ равно и всему свѣту нравиться. Мнѣ опредѣлена была честь стараться о уборкѣ прекрасной ея головы. Я заслужила у нее чрезъ отправленіе сея должности такую милость, что она почти меня столько же горячо любила, какъ свою постельную собачку. Въ семъ состояніи почитала я себя столько щасливою, сколько могла быть безъ твоего присутствія во всякомъ другомъ. Но прибытіе сына моея обладательницы перемѣнило обстоятельства.

Глава седьмая..

Продолженіе Псишина попѣстпопанія.

Нарциссъ (такъ назывался сей молодый Господинъ) былъ матерью своею посыланъ въ Аѳины, для слушанія тамо мудрецовъ и для наученія обычаямъ и учтивымъ Аѳинянъ поступкамъ. Однако онъ не нашелъ времени сдѣлать ни того ни другаго. Нѣкоторые молодые люди, коихъ онъ называлъ своими друзьями, выискивали для него всякій день новыя забавы, кои препятствовали ему бывать на скучныхъ прогулкахъ философовъ. Сверьхъ сего живѣйшія Аѳинскія нимфы говорили ему, что онъ былъ молодый наидостойнѣйшій любви господинъ: онъ имъ въ томъ повѣрилъ, и никакого не прилагалъ старанія сдѣлаться такимъ, какимъ онъ по

по столь рѣшительному свидѣтельству уже былъ. Онъ ни чѣмъ болѣе себя не упражнялъ, какъ приведеніемъ своея особы въ надлежащее сіяніе: никто въ Аѳинахъ не могъ похвалиться, что былъ когда либо смѣшнѣе убранъ, что имѣетъ бѣлѣе зубы и нѣжнѣе руки, нежели Нарциссъ. Онъ первый былъ въ искуствѣ повернуться въ одну минуту десять разъ на одной ножкѣ, и поднять вѣеръ или приколоть цвѣточикъ въ волосы госпожи. Съ такими преимуществами надѣялся онъ имѣть природное побужденіе посвятить себя прекрасному полу. Удобность, съ которою достоинства его побѣждали нѣжныя сердца кокетокъ, ободрила его отважиться приступить къ комнатнымъ дѣвицамъ; а отъ нимфъ поднялся онъ наконецъ и къ самымъ богинямъ. Ни мало не безпокоясь о томъ, какъ сердце его принимали, пріобучилъ

онъ

онъ себя воображать, что не можетъ ему никто противиться. Это правда, что успѣхъ не всегда соотвѣтствовалъ его желанію; однако онъ оставался безъ убытка, тщеславясь по большей части благосклонностями, которыми онъ не наслаждался. Ты можетъ быть, любезный мой Агатонъ, удивляешся тому, отъ кого я столь много свѣдала о касательномъ до него? Отъ него самаго. Чего глаза мои въ немъ не примѣтили, то сказывали мнѣ собственныя его уста, по тому, что онъ самъ былъ неизчерпаемымъ содержаніемъ своихъ разговоровъ, такъ, какъ единый предметъ своего удивленія. Онъ мнѣ наконецъ сказалъ, что онъ меня любитъ. Любовникъ такого рода долженъ по видимому быть малозначущъ. Дурачество его нѣсколько времени меня веселило; однако онъ сдѣлался неистовъ: онъ почелъ за непристойное,

чтобы невольница его матери осталась нечувствительною къ тому сердцу, въ которомъ всѣ Аѳинскія кокетки завидовали другъ другу. Въ одинъ день принуждена я была наконецъ взять свое прибѣжище къ его матери. Но самое сіе дружелюбное сложеніе, дѣлающее ее снизходительною къ самой себѣ, къ своей собачкѣ, ко всему свѣту, дѣлало ее также снизходительною и къ дурачествамъ ея сына. Она казалась быть недовольною, что я не сильнѣе была тронута преимуществами молодаго столь достойнаго любви господина. Нападенія сіи, коимъ я безпрерывно подвержена была, довели меня до нетерпѣливости, которая стократъ внушала моимъ мыслямъ о тайномъ сокрытіи; но я о тебѣ никакого не имѣла извѣстія. Хотя я чрезъ одного Делфскаго путешественника узнала, что тебя стало тамъ не вид-

видно; но никто не могъ сказать, гдѣ ты обрѣтался. Неизвѣстность сія ввергнула меня въ такое безпокойство, которое начинало вредить моему здоровью, какъ сей же самый Нарцисъ, коего смѣшное самолюбіе столько меня мучило, возвратилъ мнѣ безъ всякаго намѣренія жизнь, разсказавъ мнѣ вмѣсто новости, что нѣкоторый Аѳинянинъ, именемъ Агатонъ, по одержаніи побѣды надъ бунтующими обитателями Евбеи, покорилъ сей островъ обратно подъ свою республику. Онъ примолвилъ еще къ сей повѣсти нѣкоторыя о семъ Агатонѣ обстоятельства, кои не допустили меня ни мало сомнѣваться, чтобы не былъ ты сей щастливый побѣдитель. Надѣясь тебя найти, рѣшилась я убѣжать. Одна добродушная невольница споспѣшествовала моему побѣгу. Она имѣла любовника, который ее уговорилъ скрыться съ собою. Я помогла

могла имъ въ исполненіи сего предпріятія, и проводила ихъ. Молодый Киликіецъ доставилъ мнѣ изъ признательности сіе невольничье платье, и взвелъ меня на корабль, который отправлялся въ Аѳины, и при благопріятствѣ моея переодѣвки сочтена была я за невольника ѣдущаго туда для сысканія своего господина, и отдалась вторично волнамъ, но совсѣмъ противъ перваго съ другими чувствованіями, поелику онѣ меня съ тобою обнадеживали опять соединить.

Глава осьмая.

Псише оканчиваетъ свою повѣсть.

Ѣзда наша продолжалась нѣсколько дней благополучно, не взирая на то, что противный вѣтръ необычайно продлѣвалъ наше путешествіе. Но ввечеру шестаго дня поднялась жестокая бу-

буря, которая насъ чрезъ нѣсколько часовъ обратно на нѣсколько верстъ отбила; но матрозы наши были столько наконецъ щасливы, что достигли благополучно до одного изъ необитаемыхъ Цикладскихъ острововъ, на коемъ мы пришли въ безопасность отъ бури. Мы нашли въ небольшомъ заливѣ, въ которомъ пристали другой корабль лежащій, въ коемъ находились самые сіи Киликійцы, тобою и мною нынѣ господствующіе. Они, выставя Аттической флагъ, поздравили насъ, и сошли на нашъ корабль. Но какъ они говорили нашимъ языкомъ, то имъ не стоило ни малаго труда насказать намъ столько басенокъ, сколько имъ потребно было, чтобы насъ привести въ безопасность. Мало по малу народъ нашъ подружился съ ними. Они принесли нѣсколько большихъ кружекъ съ Кипрскимъ виномъ, и въ нѣсколько часовъ

 матро-

матрозовъ нашихъ наповалъ пере-
поя обезоружили. По томъ овла-
дѣли нашимъ кораблемъ, и поднявъ
парусы, пустились, какъ скоро
буря нѣсколько утишилась, обрат-
но въ море. При раздѣлѣ присуди-
ли меня единодушно отдать капи-
тану разбойниковъ. Онъ удивлялся
моему виду, не подозрѣвая полъ мой.
Но сія сокровенность не столько
мнѣ помогла, сколько я надѣялась.
Киликіецъ, котораго должна я
была признать за своего господи-
на, не долго медлилъ мучить ме-
ня гнусною страстію. Онъ на-
звалъ меня Ганимедомъ, и клял-
ся всѣми Тритонами и Нереида-
ми, что я у него буду тѣмъ,
чѣмъ сей Троянскій принцъ былъ
у Юпитера. Но увидя, что ла-
ски его оставались безъ дѣйствія,
принудилъ онъ меня наконецъ се-
бѣ показать, что я жизнь мою
противъ моея чести ни во что
ставлю. Сіе доставило мнѣ нѣ-

ко-

которое спокойствіе, и я начала помышлять о средствахъ моего свобожденія. Я дала ему уразумѣть, что я совсѣмъ другаго состоянія, нежели мое умѣренное невольничье платье показываетъ. Я ему открыла, что я изъ Аѳинъ, и просила его неотступно меня туда проводить, и увѣряла его, что тамъ ему заплатятъ выкупу за меня, сколько онъ ни потребуетъ. Но на семъ пунктѣ онъ былъ неупросимъ, и каждый день отдалялъ насъ отъ сихъ возлюбленныхъ Аѳинъ, которыя, какъ я мнила, заключаютъ въ себѣ моего Агатона. Коль мало думала я о томъ, что сіе самое отдаленіе, отъ коего я была безутѣшна, послужитъ средствомъ къ сысканію тебя! Но, ахъ! въ какихъ обстоятельствахъ мы увидѣлись! оба лишены вольности, безъ друзей, безъ помощи, безъ надежды быть свобожденными,

 осуж-

осуждены служить грубымЪ варварамЪ! Безумная страсть моего мучителя лишитЪ насЪ и того единаго удовольствія, которое могло облегчать наше состояніе. СЪ самаго того времени, какЪ моя рѣшительность отняла у него надежду кЪ успѣху вЪ достиженіи его намѣренія, то казалось, что любовь его перемѣнилась вЪ нѣкую неистовую ревность, которая по крайней мѣрѣ старается не допускать никого другаго участвовать вЪ томЪ, чѣмЪ самЪ онЪ не можетЪ наслаждаться. ВарварЪ не дозволитЪ тебѣ со мною имѣть никакого обхожденія, по тому, что едва позволяетЪ мнѣ показываться. Но неизвѣстное будущее не должно у меня похищать ни минуты изЪ настоящей радости, которую я, узря тебя АгатонЪ, ощущаю. СЪ какою бы жадностію за нѣсколько часовЪ купила я такую минуту, какова сія, за мою

жизнь!

жизнь! Выговоря сіе, обняла она благополучнаго Агатона съ толико трогательною нѣжностію, что возхищеніе, сообщаемое сердцами ихъ другъ другу, взаимно произвело вторичное молчаніе. И какъ можемъ мы описать ихъ чувствованіе, когда уста самой любви не довольно были краснорѣчивы оное выразить?

Глава девятая.

Какимъ образомъ Психе и Агатонъ паки разлучаются.

Когда любовники наши опамятовались отъ своего возхищенія, то Психе требовала отъ Агатона того же самаго удовольствія, которое она чрезъ повѣствованіе своихъ приключеній сдѣлала его любопытству. И такъ онъ ей разсказалъ, какимъ образомъ онъ ушелъ изъ Делфъ; какъ по-

познакомился съ Аѳиняниномъ, и какимъ образомъ открылось, что сей Аѳинянинъ его отецъ; какъ онъ по случаю замѣшался въ общественныя дѣла и краснорѣчіемъ своимъ сдѣлался народу пріятнымъ; услуги, оказанныя отъ него республикѣ; какими средствами завистники возмутили противъ его народъ, и какъ онъ за нѣсколько предъ симъ дней, съ потеряніемъ всего своего родительскаго имѣнія и права, вѣчно изъ Аѳинъ высланъ; какъ онъ рѣшился предпріять путешествіе въ восточныя земли, и какимъ случаемъ попался въ руки Киликійцовъ. Какъ скоро она о всемъ извѣстилась, то начали они размышлять о средствахъ для своего избавленія; но движенія, происходящія на кораблѣ отъ просыпающихся всегда разбойниковъ, принудили Псишу удалиться наискорѣе, для предупрежденія наималѣйшаго подозрѣ-

зрѣнія, коего тѣнь стоила бы ея любовнику жизни. Они соболѣзновали сами съ собою, что они, по примѣру любовниковъ въ романахъ, столь благопріятствующее время теряли въ безполезныхъ разсказываніяхъ, предвидя напередъ, что впредь меньше будутъ находить случаевъ ко взаимному разговору. Что ихъ могло въ семъ утѣшать, было то, что всѣ ихъ разсужденія и изобрѣтенія остались тщетными. Ибо въ самое же сіе утро капитанъ, имѣющій на всѣхъ сихъ моряхъ лазутчиковъ, получилъ извѣстіе, что корабль съ богатымъ грузомъ готовится выступить изъ Лезбоса въ Коринѳъ, который на пути по обстоятельствамъ извѣщателя всеконечно перехватить ему можно. Вѣдомость сія понудила учинить тайный между главами разбойниковъ совѣтъ, въ которомъ положили между прочимъ, чтобы Агатона

тона съ полоненными Өракіянками и нѣкоторыми другими молодыми невольницами подъ прикрытіемъ посадить на судно, чтобы немедленно отправить въ Смирну, и разпродать. А между тѣмъ галера съ большею частію разбойниковъ изготовлялась итти на встрѣчу богатой добычѣ, которую они уже въ мысляхъ проглотили. Въ сію минуту Агатонъ потерялъ всю бодрость, съ каковою онъ до сего сносилъ наивеличайшія бури противнаго щастія. Мысль разлучиться паки съ своею Псишею привела его внѣ себя. Онъ повергнулся къ ногамъ Киликійца, онъ клялся ему, что молодый переодѣтый Ганимедъ его братъ; онъ отдавался ему навсегда въ невольники —— просилъ неотступно —— рыдалъ предъ нимъ —— но выраженія соболѣзнованія его остались тщетными. Разбойникъ имѣлъ природу тоя сти-

стихіи, въ которой онъ обиталъ: самыя пѣсни Сиренъ не могли бы его преклонить къ перемѣнѣ своего намѣренія. Агатонъ не изпросилъ позволенія и проститься съ своимъ любезнымъ братомъ: живость, оказанная имъ при семъ случаѣ, внушила въ капитана на его щетъ подозрѣніе. И такъ отнесли его на судно, объята болѣзнію и отчаяніемъ, и лишенна всѣхъ чувствъ. Онъ находился уже очень далеко отъ зрѣнія Псиши прежде, нежели очувствовался; но опамятовался для того только, чтобъ больше ощущать все пространство своего нещастія.

Глава десятая.

Единоразглагольствие.

Мы положа за ненарушимый законъ убѣгать тщательно въ семъ повѣствованіи всего того, что могло возбудить нѣкоторое истин-

истинное подозрѣніе противъ историческої онаго справедливости; въ семъ мнѣніи мы бы сомнѣвались сообщить нашимъ читателямъ единоразглагольствіе, которое мы здѣсь въ нашемъ рукописникѣ находимъ предъ нашими глазами, естьли бы безъимянный сочинитель не употребилъ предосторожности намъ объявить, что повѣствованіе его въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ основывается на родѣ дневной записки, писанной по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ самимъ Агатономъ, съ которой онъ получилъ списокъ чрезъ друга въ Кротонѣ. Сіе обстоятельство научаетъ насъ, какимъ образомъ исторіописатель узнать могъ, что Агатонъ при семъ и другихъ случаяхъ говорилъ самъ съ собою, и защищаетъ насъ противъ возраженій, кои можно сдѣлать противъ разглагольствій съ самимъ собою, въ чемъ историки обыкно-

новенно подражаютъ стихотворцамъ, не могши ссылаться, по примѣру ихъ, на вдохновеніе Музъ. И такъ свидѣтель нашъ объявляетъ, что по успокоеніи первой свирѣпости болѣзнованія (которое всегда бываетъ обыкновенно нѣмо и лишенно мыслей) Агатонъ, обозрѣвши около себя и не обрѣтая со всѣхъ сторонъ ничего кромѣ воздуха и воды, началъ по своему обыкновенію слѣдующимъ образомъ самъ съ собою мудролюбствовать:

Не призракъ ли это, вскричалъ онъ, мнѣ встрѣтился? Или дѣйствительно я ее видѣлъ? Точно ли я слышалъ трогательное удареніе сладкаго ея гласа, и не тѣнь ли столь нѣжно прижималъ я своими объятіями? Естьли то болѣе, нежели мечта, было; то для чего мнѣ отъ предмета, истребившаго всѣ прочіе изъ моея ду-

души, не осталось ничего инаго, кромѣ напоминанія? -- Ежели порядокъ и согласіе суть знаки истинны; о небо! сколько приключенія всея моея жизни уподобляются случайной игрѣ блудящаго во снѣ воображенія! -- Съ самаго моего нѣжнаго младенчества воспитанъ подъ сѣнію освященныхъ лавровъ Делфійскаго бога, ласкаюсь я подъ его заступленіемъ препроводить тихую и безпечную жизнь въ размышленіи истинны и въ тайномъ съ безсмертными обхожденіи. Дни исполненные невинности, одинъ другому равны, протекаютъ въ спокойной тишинѣ, яко минуты, и я дѣлаюсь непримѣтно юношею. Жрица, которой душа должна быть святилищемъ боговъ, какъ языкъ ея изтолкователемъ ихъ воли, забываетъ свой обѣтъ, и старается злоупотребить мое неискусное юношество для удоволь-

стово-

ствованія своихъ вожделѣній; страсть ея лишаетъ меня любимой мною красоты; ухищренія ея нудятъ меня наконецъ оставить священное мѣсто, гдѣ я съ самаго того времени, какъ началъ себя чувствовать, окруженъ будучи образами боговъ и ироевъ, единственно упражнялся въ томъ, чтобы имъ уподобиться. Изверженъ въ неизвѣстный свѣтъ, нахожу я нечаянно своего отца и отечество, коихъ я никакъ не вѣдалъ. Скорая обстоятельствъ перемѣна, мною больше неожидаемая, вручаетъ мнѣ въ Аѳинахъ наивеличайшую власть. Слѣпая народа довѣренность, которой въ милости своей столько же мало наблюдаетъ мѣры, какъ и въ своемъ гнѣвѣ, принудила меня принять главное надъ своимъ войскомъ правленіе. Чудное щастіе споспѣшествуетъ всѣмъ моимъ предпріятіямъ и сопутствуетъ всѣмъ моимъ намѣреніямъ: я возвращаюсь

 побѣ-

побѣдителемъ. Какое торжество! какое радостное возклицаніе! коликое обожаніе! А за что? за дѣйствія, въ которыхъ я наималѣйшее имѣлъ участіе. Но не успѣлъ блеснуть мой истуканъ между изображеніями Цекропса и Тезея, какъ сей же народъ, готовящійся за нѣсколько дней предъ симъ воздвигнуть мнѣ жертвенники, повлекъ меня съ стремительнымъ неистовствомъ предъ судъ. Ненависть тѣхъ, коихъ чрезмѣрность моего щастія обидѣла, взбунтовала всѣ сердца противъ меня, всѣ слухи заткнула противъ моего защищенія; дѣйствія, коими сердце мое веселилося, сдѣлались въ устахъ доносителей моихъ преступленіями; я осужденъ, оставленъ всѣми называвшимися моими друзьями, кои не за долго предъ симъ усерднѣе всѣхъ были въ изобрѣтеніи для меня новыхъ почестей. Я бѣгу изъ Аѳинъ; я бѣгу съ довольнѣйшимъ сердцемъ,

не-

нежели съ какимъ я за нѣсколько недѣль при возклицанiи неизчетнаго множества вводимъ былъ чрезъ ихъ врата, и предпринимаю пройти земный шаръ, не сыщу ли такого мѣста, гдѣбъ добродѣтель, безопасна будучи отъ внѣшнихъ обидъ, могла наслаждаться своимъ собственнымъ блаженствомъ, не отмѣтаясь отъ сообщества людей. Я взялъ путь въ Азiю, въ намѣренiи посѣтить на брегахъ Окса (*) изходища, изъ коихъ таинства Орфеева богослуженiя къ намъ притекли. Я удаляся отъ пути, случайно обрѣлъ себя посреди толпы неистовствующихъ Баханохъ, и избѣгъ ихъ влюбленной

(*) Сiе клонится уповательно на Оксѣ или Амю (какъ она нынѣ называется) лежащiй и Чингисъ-Ханомъ разоренный городъ Балкъ, или Балхъ, гдѣ знаменитѣйшее было собранiе Персидскихъ Маговъ изъ Зороастрова училища.

ной ярости единственно чрезъ то, что попалъ въ руки варваровъ на морѣ разбойничающихъ. Въ сiю минуту, когда мнѣ отъ всего, что можно потерять, осталась только единая вещь, жизнь, отыскиваю я паки Псишу. Но едва начинаю я въ чувствiяхъ моихъ думать, что это та, которую заключалъ я въ своихъ объятiяхъ; то она изчезаетъ опять, и я нахожу себя на семъ кораблѣ, чтобы въ Смирнѣ быть продану, какъ презрѣнному невольнику. — Коль все сiе подобно сновидѣнiю, въ коемъ блудящее воображенiе, не принимая въ разсужденiе порядка, правдоподобiя, времени, мѣста, низвергаетъ обезумленную душу отъ одного чуда къ другому, изъ короны въ нищенское рубище, изъ веселiя въ отчаянiе, изъ тартара въ Елисейскiя поля! — И такъ не можетъ ли жизнь назваться сновидѣнiемъ, столь суетнымъ, столь несущественнымъ, и столь незна-

ча-

чащимъ, яко сокъ? непостоянною игрою слѣпаго случая, или невидимыхъ духовъ, находящихъ въ томъ жестокую забаву и безчеловѣчное увеселенiе, когда въ шуткахъ ввергаютъ насъ изъ приключенiя въ приключенiе и попремѣнно изъ щастiя въ злощастiе? Или сiе есть та общая душа свѣта, которой бытiе возвѣщаетъ намъ тайное величество природы? Не сей ли то всеоживотворяющiй духъ, человѣческими разпоряжающiй дѣлами? Для чего сей самый непремѣнный порядокъ и стройность, чрезъ которыя стихiи, времена года и дня, созвѣздiя и небесные круги, въ своемъ равнообразномъ теченiи содержатся, не господствуетъ въ нравоучительномъ свѣтѣ? Для чего страдаетъ невинный? Для чего обманщикъ торжествуетъ? Для чего неупросимая судьба гонитъ добродѣтельнаго? Естьли то не ложно, что души наши свойственны безсмертнымъ, и онѣ дѣти

неба; то для чего не признаетъ небо своего рода, и переходитъ на сторону его непріятелей? Или оно попеченіе о насъ оставило совсѣмъ на самихъ насъ? Для чего мы ни единой минуты не бываемъ повелителями нашего состоянія? Для чего наиразумнѣйшія начертанія наши часто уничтожаются наималѣйшимъ приключеніемъ, или принуждены бываютъ раболѣпствовать бѣдности?

На семъ остановился на нѣсколько времени Агатонъ. Запутавшійся духъ его въ сомнѣніяхъ старался высвободиться изъ оныхъ, какъ вдругъ новое воззрѣніе на величественную окружающую его природу новую цѣпь представленій въ немъ обнаружило. Что суть иное, вѣщалъ онъ самъ съ собою, мои сомнѣнія, какъ вдохновенія корыстолюбивой страсти? Кто сего утра могъ быть щастливѣе меня? Не окруженъ ли я

былъ

былЪ роскошью и веселіемЪ? Развѣ природа вЪ продолженіи сего времени перемѣнилась? Или она уже престала быть зрѣлищемЪ безпредѣльнаго совершенства, по тому, что АгатонЪ невольникЪ и разлученЪ со Псишею? Стыдись, продолжалЪ онЪ, говоря кЪ себѣ, стыдись малодушный твоихЪ нещастныхЪ сомнѣній и сихЪ безумныхЪ жалобЪ! КакЪ можешЪ ты называть то потерею, коего обладаніе не было благо? Развѣ зло быть тебѣ лишенну твоея власти, твоихЪ богатствЪ, твоего отечества? Не былЪ ли ты щастливЪ вЪ ДелфахЪ безЪ всѣхЪ сихЪ вещей, коихЪ ты самЪ не желалЪ пристрастно? И по чему ты тѣ вещи называешЪ своими, которыя не принадлежатЪ тебѣ самому, которыя случай подаетЪ и отнимаетЪ, и что не вЪ твоемЪ состоитЪ произволеніи оныя снискивать и сохранять? СЪ какимЪ спокойствіемЪ, какою тишиною, и

какъ благополучно дни мои протекали въ Делфахъ, прежде, нежели я зналъ свѣтъ, дѣла его, суету его, его веселости, и его перемѣны; прежде, нежели я принужденъ былъ бороться съ своими страстями и съ страстями другихъ людей, жертвовать самимъ собою и наслажденіемъ моего бытія неблагодарному народу, и суетными напряженіями облагополучивая дураковъ и бездѣльниковъ, сдѣлаться самому нещастнымъ! Собственный мой опытъ опровергаетъ несправедливыя сомнѣнія, напоминающія мнѣ о злополучіи. Были минуты, дни, длинныя чреды дней, когда я былъ щастливъ; щастливъ въ радостные часы, когда душа моя, возторжена будучи воззрѣніемъ на природу, блудила въ глубокомысленныхъ и сладкихъ предчувствіяхъ, подобно, какъ въ очарованныхъ Гесперидскихъ садахъ; благополученъ, когда успокоенное сердце мое въ объятіяхъ

люб-

любви забывало всѣ нужды, всѣ желанія, и мнило только разумѣть, что есть блаженство боговъ; благополучнѣе, когда въ окомгновеніяхъ, которыхъ напоминанія довольно для услажденія наигорчайшія печали, духъ мой терялся въ великомъ размышленіи о вѣчности и безпредѣльности --- --- Конечно ты существуешъ всеодушевляющая и всеуправляющая благость — Я тебя видѣлъ —— тебя ощущалъ — я чувствовалъ изящность добродѣтели, дѣлающей тебѣ подобною; я наслаждался такимъ блаженствомъ, которое днямъ даетъ скоротечность минутъ, а минутамъ цѣну столѣтій..... Сила чувствованія разсыпаетъ мои сомнѣнія; единое возпоминаніе минувшаго моего благополучія, коимъ я наслаждался, изцѣляетъ настоящую болѣзнь, и обѣщаетъ лучшую будущность. Сіи общіе радости источники, изъ которыхъ всѣ существа почерпа-

ютъ, текутъ, какъ прежде, около меня; душа моя есть еще та же самая, какъ и естество меня окружающее — О сладкое первыхъ времень моея Делфскія жизни спокойствіе, и ты моя Псише! васъ единыхъ изъ всего, внѣ меня существующаго, называю я моимъ! Естьли бы вы потерялись на вѣки, тогда бы безутѣшная душа моя не имѣла ничего на землѣ, что бы ей любовь къ жизни опять вдохнуть могло. Но я имѣлъ обое, не стараясь самъ о семъ щастіи, и благотворительная сила, мнѣ ихъ подавшая, можетъ мнѣ ихъ паки возвратить. Драгая надежда, ты уже есть началомъ обѣщаваемаго мнѣ благополучія! При томъ было бы безбожно и безумно вдаваться печали, оскорбляющей небо, и лишающей насъ самыхъ силъ противоборствовать злополучію и средству быть паки благополучными. И такъ приди ты сладкая надежда лучшей будущности, и

окуй

окуй душу мою своими обольщающими очарованiями! Спокойствiе и Псишу — сiе единое, вы боги! лавровые вѣнцы и сокровища отдайте, кому вы благоволите!

Глава одиннашцашая.

Агатонъ продается въ Смирнѣ.

Погода была нашимъ мореплавашелямъ столь благопрiятна, что Агатонъ довольно свободнаго имѣлъ времени вдаваться своимъ размышленiямъ столь долго, сколько онъ хотѣлъ; а особливо когда путешествiе его не было провождаемо ни однимъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, коими обыкновенно стихотворческое изукрашается мореплаванiе. Ибо тамъ не видны были ни Тритоны, дующiе въ искривленные Аммоновы роги; ни Нереиды, разъѣзжающiя по волнамъ на дельфинахъ, обузданныхъ цвѣточными вѣнками; ни Сирены, ко-

которыя выставившись до половины тѣла изъ воды, очаровывали глаза проѣзжающихъ своею красотою, а слухъ сладкимъ своимъ пѣніемъ. Самые вѣтры были нѣсколько дней столь тихи, какъ будто бы уговорились между собою не подать намъ никакого случая къ хорошему описанію бури или кораблекрушенія; однимъ словомъ, путь былъ столько благополученъ, что судно на третій день ввечеру прибыло въ гавань Смирны, гдѣ разбойники, будучи теперь въ безопасности подъ покровительствомъ Великаго Государя (*), немедленно высадили своихъ плѣнниковъ на землю, въ надеждѣ на рынкѣ невольниковъ получить отъ нихъ немалую выгоду. Первое ихъ стараніе было сводить ихъ въ торговую баню, гдѣ ничего такого не забыли, что могло на слѣдующій день прибавить

(*) Такъ называли обыкновенно Греки царя Персидскаго.

вить имъ цѣны. Агатонъ, будучи еще очень объятъ всемъ съ нимъ произходившимъ, не могъ внимать настоящему. Его мыли, терли и прыскали благовонными водами и маспями, одѣли во многоцвѣтное шелковой матеріи платье, и убрали во все то, что только могло прибавить красоты его виду. Всякой, кто его ни видѣлъ, дивился; но его ничто не могло возбудить изъ совершенной нечувствительности, которая въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ бываетъ слѣдствіемъ чрезмѣрной чувствительности. Углубленъ въ то, что происходило въ его душѣ, казался ни видѣть ни слышать, поелику онъ ничего ни видѣлъ ни слышалъ, чего онъ желалъ; и ничто, кромѣ зрѣлища представившагося ему на невольническомъ рынкѣ, не было сильно вывести его изъ сего глубокаго безпамятства. Позорище сіе хотя не имѣло гнусности, которую невольничій рынокъ

нокъ въ Барбадоссѣ могъ имѣть
къ Европейцу, коему предразсужденія обходительныхъ народовъ
еще нѣкоторые остатки врожденнаго человѣческаго чувствованія
оставили; однако оно имѣло довольно, чтобы взволновать такую душу, которая обыкла видѣть въ людяхъ больше изящность
ихъ природы, нежели униженіе ихъ
состоянія; болѣе то, что они по
нѣкоторымъ предположеніямъ быть
могли, нежели что они дѣйствительно были. Премножество печальныхъ представленій открылось
въ стѣсненномъ замѣшательствѣ
въ сію минуту въ душѣ его, и
въ самое сіе мгновеніе, когда сердце его утопало въ состраданіи и
сѣтованіи, возгорѣлось оно гнѣвнымъ отвращеніемъ къ человѣку,
къ которому любящіе человѣчество толь способны. При сихъ
чувствованіяхъ забылъ онъ о
своемъ собственномъ нещастіи:
какъ мужъ благороднаго вида,

ко-

который уже казался быть въ лѣтахъ увидя его мимоходомъ, остановился и разсматривалъ его со особливымъ вниманіемъ. Кому принадлежитъ сей молодой невольникъ? спросилъ наконецъ сей мужъ одного возлѣ него стоящаго Киликійца. Тому, кто у меня его купитъ, отвѣчалъ сей. Какое разумѣетъ онъ искуство? продолжалъ тотъ. Спроси его, сказалъ Киликіецъ, онъ тебѣ самому лучше о семъ объяснится, нежели мнѣ. И такъ мужъ сей обратяся къ самому Агатону, спрашивалъ у него, не Грекъ ли онъ? живалъ ли онъ въ Аѳинахъ, и учился ли наукамъ музъ? Агатонъ на всѣ сіи вопросы отвѣчалъ подтвердительно. „ Можешъ ли ты читать „ Гомера „? Могу читать; и я думаю, что я могу чувствовать Гомера. „ Знаешъ ли ты творе-„ нія мудролюбцовъ „? Довольно хорошо, чтобы ничего въ оныхъ не разумѣть. „ Ты мнѣ нравишся, „ мо-

„ молодой человѣкъ. Сколь дорого „ просите вы за него, другъ мой?„ Его должно какъ и прочихъ вызвать чрезъ бирюча, отвѣчалъ Киликіецъ; но за два таланта онъ будетъ вашъ. „ Изрядно, проводи его за мною въ мой домъ: я тебѣ заплачу два таланта; а невольникъ мой„. Видно, сказалъ ему Агатонъ, что твои деньги тебѣ наскучили: почему ты знаешъ, что я тебѣ за два таланта буду полезенъ? Естьли ты мнѣ не будешъ полезенъ, отвѣчалъ покупщикъ, то я не безпокоюсь: между госпожами въ Смирнѣ найду я вмѣсто одной десять, которыя мнѣ за одинъ твой видъ заплатятъ за тебя два таланта. По сихъ словахъ приказалъ онъ Агатону за собою въ свой домъ слѣдовать.

АГАТОНЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Глава первая.

Кто былъ покупщикъ Агатона.

Мужъ снискавшій за два таланта право поступать съ Агатономъ, какъ съ своимъ невольникомъ, былъ одинъ изъ примѣчанія достойныхъ людей, которые подъ именемъ Софистовъ странствовали по всѣмъ знатнѣйшимъ Греціи городамъ, чтобы овладѣть молодыми отличныхъ и самыхъ богатыхъ особъ юношами, и посредствомъ пріятностей своего обхожденія и чрезъ великолѣпное обѣщаніе сдѣлать своихъ учениковъ совершенными витіями, полити-

ка́ми, полководцами, обрѣли тайну, которую Алхимисты даже донынѣшняго дня вотще искали. Имя, которое они сами себѣ приписывали, знаменуетъ на языкѣ Грековъ такое лицо, которое пропитаніе свое получаетъ отъ мудрованія; или, естьли такъ можно сказать, отъ Виртуозо въ премудрости. Такими точно почитались они отъ большей части своихъ современниковъ. Однако между тѣмъ должно признаться, что сія премудрость, отъ которой они жили, ни мало не сходствовала съ премудростію Сократа (которая чрезъ нѣкоторыхъ изъ ея почитателей столь сдѣлалась славною) какъ въ своемъ состояніи, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, или лучше сказать, была совершенное оной противножіе. Софисты научали искуству возбуждать страсти другихъ людей; Сократъ училъ свои

соб-

собственныя укрощать. Тѣ учили, какъ должно поступать, чтобъ казаться мудрымъ и добродѣтельнымъ; а сей училъ какъ существовать такимъ. Тѣ внушали юношамъ Аѳинскимъ присвоять себѣ правленіе государства; Сократъ доказывалъ имъ, чтобъ они прежде половину своея жизни препровождали въ изученіи управлять самимъ собою. Тѣ ругались премудрости Сократовой, одѣвающейся только въ худую епанчу и довольствовавшейся умѣреннымъ за шесть пфеннинговъ обѣдомъ; когда ихъ блистала въ багряномъ платьѣ и держала открытой столъ. Сократова премудрость гордилась тѣмъ, что она могла пробавиться безъ богатствъ; а ихъ умѣла оныя снискивать. Она была благопріятна, вкрадчива, и принимала всякіе виды; она обожала великихъ людей, ползала предъ ихъ рабами, шутила съ краса-

савицами, и ласкала всѣмъ за то платящимъ; она была повсюду на своемъ пристойномъ мѣстѣ, любима при дворѣ, любима при уборномъ столикѣ, любима великими людьми, люибма наконецъ самымъ духовенствомъ: а та была суха и медлительна; она не умѣла жить; она была несносна, поелику все хулила, и имѣла всегда право; она была отъ упражненной части свѣта объявлена за безполезную, отъ празднолюбцовъ за невкусную, а отъ набожныхъ совсѣмъ за опасную. Но мы бы не могли привести къ окончанію, естьли бы мы захотѣли продолжать противопредложенія столь далеко, сколько онѣ простирались. Сіе подлинно, что премудрость Софистовъ имѣла преимущество, въ которомъ Сократова не могла ей противоборствовать: она доставила своимъ обладателямъ богатство, власть,

славу,

славу, и жизнь, которая всѣмъ, что свѣтъ называетъ благополучіемъ, избыточествовала; и должно признаться, что сіе было прелестительное преимущество.

Гиппіасъ, новый господинъ Агатона, былъ одинъ изъ сихъ щастливцовъ, которому наука пользоваться глупостію другихъ людей пріобрѣла великія богатства, чрезъ что онъ увидѣлъ себя въ состояніи упражненіе оной пресѣчь и другую половину своея жизни препроводить въ забавахъ богатой праздности, къ коея наипріятнѣйшему наслажденію возрастающая старость кажется гораздо способнѣе, нежели стремительная молодость. Въ семъ намѣреніи выбралъ онъ для своего пребыванія Смирну, поелику пріятность и красота Іоническаго воздуха, благополучное мѣстоположеніе сего города, текшее къ

нему чрезъ торговлю изъ всѣхъ частей свѣта, и сопряженіе Греческаго вкуса съ сладострастною восточныхъ земель роскошью, которая въ ихъ господствовала обычаяхъ, дѣлала ему пребываніе сіе предъ всѣми прочими ему знаемыми, преимущественнымъ. Гиппіасъ былъ въ славѣ, и не многіе могли съ нимъ состязаться въ совершенствахъ его промысла о преимуществѣ. Хотя ему было и за пятьдесятъ лѣтъ, однако отъ дарованія нравиться, которое ему въ его юности столь полезно было, осталось еще столько, что обхожденія его съ жадностію искали изряднѣйшія обоего пола особы. Онъ обладалъ всемъ тѣмъ, что могло дѣлать преподаваемыя его премудрости наставленія прелестными: онъ имѣлъ благородный видъ, миловидное лицо, пріятный звонъ голоса, живую и губную остроту, и витійство, ко-

которое тѣмъ больше нравилось, что оно казалось болѣе даромъ быть природы, нежели искусствомъ прилѣжаніемъ пріобрѣтеннымъ. Краснорѣчія сего, или лучше дара сего пріятно болтать съ примазкою о всѣхъ наукахъ, тонкимъ вкусомъ въ хорошемъ и пріятномъ, и совершеннаго познанія о свѣтѣ было больше надлежащаго, чтобы въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, съ коими онъ обходился, (ибо онъ не обходился ни съ кѣмъ изъ Сократчины) быть сочтену за остроумца перваго чина, за человѣка все знающаго, которому уже усмѣхивались, прежде, нежели знали, что онъ намѣренъ говорить, и никогда не позволясь противъ его особеннѣйшихъ мнѣній что нибудь противорѣчить.

Однако онъ при всемъ томъ своимъ щастіемъ обязанъ особенному

ному своему дарованію, которое онъ имѣлъ нравиться прекрасному полу. Онъ былъ столько благоразуменъ, что заблаговременно предузналъ, сколько важно есть основать благосклонность сихъ прелестныхъ созданій, которыя въ вычищенныхъ частяхъ земнаго шара силу дѣйствительно употребляютъ, которая въ *басняхъ* приписывается волшебницамъ; которыя единымъ взоромъ, или спрятаніемъ галстуха, гораздо сильнѣе доказываютъ, нежели Димосѳенъ и Лизія чрезъ длинныя рѣчи; единою слезою обезоруживаютъ повелителя надъ легіонами; чрезъ единое преимущество, которое онѣ отъ своего вида и нѣкоторой необходимости сильнѣйшаго рода привлекать умѣютъ, дѣлаются часто неограниченными обладательницами тѣхъ, въ рукахъ коихъ судьба всѣхъ народовъ замыкается. Гиппіасъ открытіе сіе

на-

нашелъ столько полезнымъ, что онъ не пощадилъ никакого труда оное въ употребленіи его привести къ высочайшему степеню совершенства; и то, что ему въ его возрастѣ еще отъ того осталось, доказывало, что онъ былъ въ своихъ хорошихъ лѣтахъ. Суета его столь далеко простиралась, что онъ не могъ удержаться, чтобъ *искустпо очаропыпать полшебницъ* не привести въ образъ системы и не сообщить своихъ опытовъ и наблюденій на сіе свѣту въ весьма ученомъ совершенствѣ, коея утрата не мало сожалѣтельна, и съ трудомъ отъ нынѣшняго писателя нашего государства награждена быть могла.

По окончаніи всего, что мы уже сказали о семъ мудромъ мужѣ, было бы излишно дѣлать описаніе о его нравахъ. Система

его о *искуствѣ жить*, которую мы тотчасъ сообщимъ, подаетъ намъ объ оныхъ обстоятельное понятіе. Мы можемъ напередъ возвѣстить, что онъ имѣлъ добродѣтель совсѣмъ несходную съ добродѣтелію нравоучителей, слѣдственно онъ жилъ по своимъ правиламъ.

Глава вторая.

Намѣренія мудраго Гиппіаса.

Между другими хорошими склонностями имѣлъ Гиппіасъ особенный вкусъ во всемъ, что металось изрядно въ глаза. Онъ хотѣлъ, чтобы домашніе, куда бы ни обратили по крайней мѣрѣ въ домѣ его свой взоръ, вездѣ бы встрѣчался имъ прекрасный предметъ. Наилучшія картины, наисовершеннѣйшіе истуканы, прекрасныя узо-

узорочныя обои, пышные домовые уборы, драгоцѣнные сосуды, не могли еще удовольствовать его вкуса; но онъ также желалъ, чтобы и одушевленная часть его дома съ сею повсемѣстною согласовалась красотою: невольники его обоего пола были наипрекраснѣйшіе лицомъ, какихъ только могъ онъ сыскать въ странахъ, гдѣ обыкновенно существуетъ красота. И такъ видъ Агатона въ состояніи былъ снискать его благосклонность; хотя бы другія еще причины къ тому не споспѣшествовали, а особливо когда онъ имѣлъ необходимость въ чтецѣ, и изъ взору и первыхъ словъ прекраснаго юноши разсудилъ онъ, что онъ совершенно способенъ можетъ быть къ такой должности, для которой вкрадчивый обликъ и пріятный голосъ суть дарованія наинужнѣйшія. Но Гиппіасъ имѣлъ еще тайное намѣреніе, къ которому

рому онъ почиталъ его способнымъ. Хотя любовь къ чувствоуслажденію казалась быть господствующею его склонностію, однако суета не мало соучаствовала во всѣхъ дѣйствіяхъ его жизни. Прежде удаленія своего въ Смирну, чтобы наслаждаться тамъ плодами своихъ трудовъ, препроводилъ онъ наипрекраснѣйшую часть своея жизни въ наставленіи блестящаго Греческихъ городовъ юношества. Онъ сдѣлалъ такихъ витіевъ, которые чрезъ хитрое истиннаго и ложнаго смѣшеніе и благоразумное нѣкоторыхъ фигуръ къ статѣ употребленіе умѣли дать дурной вещи видъ и дѣйствіе хорошей; политиковъ, которые обладали искуствомъ посредѣ восхищенія обезумленнаго народа уничтожать законы вольностію, а вольность развращенными нравами, дабы народъ, который не хотѣлъ полезному наказанію

занію законовъ подвергнуться, покорить самопроизвольной силѣ ихъ страстей; словомъ, онъ произвелъ такихъ людей, которымъ воздвигнуты были за то истуканы, что они разорить умѣли свое отечество до основанія. Но сіи чудеса не успокоили еще суеты его. Онъ еще хотѣлъ кого нибудь оставить, который бы по немъ искуство его продолжать былъ способенъ; искуство, которое въ глазахъ его казалось столько изряднымъ, что онъ не желалъ онаго унести съ собою во гробъ. Онъ уже давно искалъ молодаго человѣка, въ которомъ бы природную способность быть преемникомъ Гиппіаса въ такомъ могъ найти совершенствѣ, какое къ тому потребно. Дѣйствительное или мнимое его дарованіе, проникать по взгляду и во внутренность человѣка, увѣрило его найти въ Агатонѣ, чего онъ искалъ; по крайней

ней мѣрѣ почиталъ онъ то стоящимъ труда сдѣлать ему испытаніе, и понявъ о его способности столь высокое предразсужденіе, онъ никакъ не сомнѣвался, чтобы онъ не согласился охотно на великія намѣренія ему предлежащія.

Глава третія.

Удивленіе Агатона.

Агатонъ въ настоящемъ своемъ жребіи ничего еще не зналъ, какъ только, что онъ принадлежалъ такому человѣку, котораго внѣшность много обѣщала къ его пользѣ. Какъ онъ при вступленіи въ его домъ красотою строенія, порядочнымъ разположеніемъ, великолѣпіемъ рухляди, множествомъ миловидныхъ рабовъ, и блескомъ великолѣпія и роскошества,

ства, который ему повсюду встрѣчался, ввергнутъ былъ въ нѣкоторый родъ необыкновеннаго удивленія, которое тѣмъ еще больше увеличилось, когда онъ узналъ, что онъ будетъ имѣть честь быть домашнимъ мудреца Гиппіаса. Онъ искалъ въ размышленіи угадать, какой бы то быть могъ родъ мудрости, какъ его Гиппіасъ приказалъ къ себѣ позвать въ кабинетъ, чтобы сдѣлать ему извѣстнымъ будущее его опредѣленіе. Законы, Калліасъ, (ибо сіе имя ты впредь будешъ носить) уполномочиваютъ меня, говорилъ ему Софистъ, почитать тебя какъ моего невольника; но отъ тебя будетъ только зависѣть быть столько же щастливымъ въ моемъ домѣ, какъ я самъ. Ты не будешъ другаго имѣть упражненія, какъ читать при моемъ столѣ Гомера и рѣчи мои, сочиненіемъ коихъ препровождаю я время, при

собра-

собранiи моихъ слушателей. Когда должность сiя кажется быть легкою, то я тебя увѣряю, что не легко меня удовольствовать, и что ты впрочемъ слушателями будешъ имѣть нѣжныхъ знатоковъ. Iоническое ухо не только хочетъ быть увеселяемо, но хочетъ оно быть очаровано. Прiятности голоса, чистоты и нѣжности произношенiя, точности ударенiя, бодраго, непринужденнаго и къ сожалѣнiю побуждающаго, не довольно: мы требуемъ совершеннаго подражанiя, выраженiя, подающаго каждой части рѣчи, каждому отдѣленiю, каждому стиху, жизнь, силу и душу, какiя они имѣть должны; однимъ словомъ, образъ чтенiя долженъ поставить слухъ на мѣсто всѣхъ прочихъ чувствъ. Ты сдѣлаешъ сего вечера опытъ свой на пирѣ Алциноя. Способности, которыя я надѣюсь открыть въ тебѣ, опредѣлятъ

дѣлатъ мое предпріятое съ тобою намѣреніе; и можетъ быть впредь сыщешъ причину, день, въ который ты Гиппіасу понравился, щитать за наиблагополучнѣйшій изъ твоихъ дней. Съ сими словами оставилъ онъ нашего юношу, и избѣгнулъ чрезъ то уничиженія видѣть, сколько новый Калліасъ казался тронутъ подаваемыми ему чрезъ сіе объясненіе надеждами. Въ самомъ дѣлѣ опредѣленіе очаровывать Іоническія уши въ глазахъ Агатона не много имѣло лестнаго, чтобы онъ для того могъ себя почитать щасливымъ; и сверьхъ того въ звонѣ рѣчи, которая къ нему была ведена, было нѣчто такое, что ему не понравилось, хотя собственно не зналъ для чего? Между тѣмъ умножилось его удивленіе, чѣмъ болѣе осматривался онъ въ домѣ мудраго Гиппіаса; и онъ теперь совсѣмъ ясно понялъ, что его го-

сподинъ, каковы бы впрочемъ основанія его ученія ни были, по крайности очень мало о *умерщплении чупстпъ* знаетъ, о чемъ онъ слыхалъ нѣкогда въ Аѳинахъ разглагольствующаго весьма изрядно Платона. Но увидя, какой столъ премудрость держала въ семъ домѣ, съ какимъ великолѣпіемъ она заставляетъ себѣ служить, какое сладострастное слухи ея услаждаетъ согласіе, какіе прелестные взоръ ея возхищаютъ предметы; какъ самыя избраннѣйшія Греческія вина, Азіатскіе напитки, наипріятнѣйше усыпляющіе, были разточаемы, чтобы подать чувствамъ новыя къ наслажденію столь многихъ роскошей силы; какъ онъ увидѣлъ множество молодыхъ невольниковъ, уподобляющихся богамъ любви, хоры танцовщицъ и игрицъ на лютнахъ, которыя чрезъ прелести своего вида столько

ко же, сколько своимЪ искусствомЪ очаровывали, и подражательные танцы, вЪ коихЪ онѣ приключенія Леды, или Данаи, чрезЪ однѣ движенія сЪ такою представляли живостію, которая бы могла помолодить Нестора; когда онЪ увидѣлЪ сладострастныя бани, очарованные сады; однимЪ словомЪ, какЪ все то, что дѣлало домЪ мудраго Гиппіаса храмомЪ наихитрѣйшей чувственности, открылось глазамЪ его: то удивленіе его умножилось до ужаса, и онЪ не могЪ понять того, чтобы долженЪ былЪ сей СибаритЪ дѣлать, чтобЪ заслужить имя мудреца, или какЪ онЪ не стыдится носить то названіе, которое (по его понятіямЪ) не лучше ему пристало, какЪ присловіе непорочности Фринѣ (*), и человѣколюбіе

(*) Фрине славная блудница. Она была знаменитаго Праксителя наложница, ко-

любіе Александру Ферскому (*). Всѣ рѣшенія, которыя онъ самъ съ собою на сіе сдѣлать могъ, столь мало его успокоили, что онъ предпріялъ сію задачу при самомъ первомъ случаѣ предложить самому Гиппіасу.

Глава четвертая.

Что въ нѣкоторыхъ лицахъ возбудитъ подозрѣніе, будто сіе повѣствованіе вымышленное.

Отправленія Агатоновы оставляли ему столько празднаго времени,

---

который сдѣлалъ ея статую. Извѣстно, что она бралась возобновить на свое иждивеніе Ѳивскія стѣны съ такимъ только условіемъ, чтобы на оныхъ начертать сію надпись:
,, Александръ разрушилъ Ѳивы, а Фрине возобновила. ,,

(*) Александръ, страшный Ферскій мучитель въ Ѳессаліи. Онъ сдѣлался страшнымъ своимъ безчеловѣчіемъ. Убитъ своею женою.

мени, что онъ такимъ домомъ, гдѣ все дышало веселіемъ, скоро началъ скучать. Хотя онъ самъ только былъ тому причиною, когда ему недоставало въ такомъ препровожденіи времени, которое наиглавнѣйшее обыкновенно составляетъ упражненіе людей его возраста. Нимфы сего дома были столь пріятнаго нрава, столь привлекательнаго стана и столь благосклоннаго предразсужденія къ новому своему сотоварищу, что ни страхъ быть ими презрѣнну, ни недостатокъ ихъ прелестей былъ причиною такой прекраснаго Калліаса удержательности и нечувствительности.

Нѣкоторыя, заключая изъ его поступокъ, приписывали сію его излишнюю умѣренность недостатку смѣлости и опытности, и въ сихъ мысляхъ старались всѣ затрудненія, которыми ему роб-

кость его заграждала путь, облегчить, и сыскивали ему искусно такіе случаи, въ коихъ самый трусливый человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться предпріимчивымъ. Но мы должны только въ томъ признаться, чего въ семъ случаѣ отъ нашего ироя надѣяться надлежало. — Онъ съ такимъ же вниманіемъ старался убѣгать и отклоняться отъ сихъ случаевъ, сколько старались онѣ ему оные открывать. Естьли кажется предосудительнымъ то, что онъ или нѣкоторое ненадѣяніе на самого себя, или весьма великую довѣренность на прелести сихъ прекрасныхъ обманщицъ полагалъ: то можетъ быть служитъ къ его извиненію, что онъ не довольно былъ старъ быть Ксенократомъ, и что онъ чаятельно не безъ причины противъ того принялъ предразсужденіе, что въ обхожденіи молодыхъ обоего пола лицъ обы-

обыкновенно невинною называютЪ вольностію. Но между тѣмЪ какЪ бы то ни было, то извѣстно однако, что АгатонЪ симЪ рѣдкимЪ поступкомЪ возбудилЪ на себя подозрѣніе, которое при всѣхЪ случаяхЪ весьма язвительныя насмѣшки отЪ прочихЪ домашнихЪ, да и отЪ самыхЪ красавицЪ, навлекало, которыя нашли себя его суровостію не мало обиженными, и ему тонкимЪ образомЪ давали знать, что онѣ почитали его за больше способнаго бдѣть о добродѣтели госпожь, нежели ихЪ подвергать испытанію. АгатонЪ не находилЪ за полезное вступать вЪ закладный спорЪ, вЪ которомЪ онЪ остерегаться долженствовалЪ, чтобы желаніе удержать при себѣ право, вЪ жару препиранія и надЪ самыми разумнѣйшими обыкновенно господствующее, не могло его до опасныхЪ довести слѣдствій, и для сего вЪ такихЪ случаяхЪ

 при-

принималъ на себя столь глупую фигуру, что надлежало бы столько же подозрительнаго быть мнѣнія о его остротѣ, какое уже имѣли о его лицѣ. Презрѣніе, которое онъ чрезъ то навлекъ на себя отъ всякаго, вспомоществовало ему можетъ быть не мало къ учиненію скучнымъ пребываніе въ таковомъ домѣ, гдѣ для него кромѣ того все, что онъ ни видѣлъ, и все, что онъ ни слышалъ, было предметомъ соблазна. Онъ хотя весьма любилъ тѣ науки, надъ которыми по мнѣнію Грековъ музы надзираютъ; но онъ объ нихъ и Граціяхъ обыкновенно не иначе разсуждалъ, какъ что онѣ спутницы премудрости, не оскорбляясь злоупотребленіемъ, каковое Гиппіасъ имѣлъ о ихъ дарованіяхъ. Картины, которыми пространныя залы и крытыя переходы сего дома были изукрашены, представляли столь соблазнительныя

ные и непристойные предметы, что онъ свои глаза тѣмъ менѣе на оныхъ допускалъ останавливаться, чѣмъ совершеннѣе подражаема была природа, и чѣмъ болѣе естественное силилось дарованіе самую природу ссудить новыми прелестями. Столько и музыка, которую онъ всякой вечеръ послѣ стола слушать могъ, разнствовала отъ той, которая по его мнѣнію единственно достойна была Музъ. Онъ любилъ такую музыку, которая укрощая страсти возрождала въ душѣ пріятное удивленіе, или взявъ довольный тонъ возпѣвала хвалу безсмертныхъ съ огненнымъ движеніемъ восторженія, и сердце въ святое ввергала восхищеніе, и проникала душу тѣмъ чувствованіемъ смѣшеннымъ со страхомъ, которое вдыхаетъ о присутствіи божіемъ; или бы выражала радость и нѣжность, но нѣжность невинности

и трогательное веселіе простой природы. Но въ семъ домѣ имѣли совсѣмъ противный сему вкусъ: въ немъ ничего не слышно было кромѣ пѣсней Сиренъ, придающихъ наилюбострастнѣйшимъ пѣснямъ Анакреона прелесть, который былъ бы и самъ по непріятнымъ своимъ губамъ обманчивъ; пѣнія, которыя чрезъ подражательное выраженіе умильные изпускали вздохи, и изнемогающія, или торжествующія и въ возхищеніе ввергающія страсти возбуждали желаніе испытать то, что уже одно только подражаніе дѣлаетъ столько пріятнымъ; Лидійскія флейты стенающій и къ любви преклоняющій свистъ дополнялъ говорящія движенія танцовщицъ, и придавалъ ихъ игрѣ такую ясность, которая воображенію ни о чемъ не оставляла догадываться; и наконецъ симфоніи, погрузя душу въ очаровательное

забвенiе самой себя, и лиша ее всѣхъ ихъ благородныхъ силъ, возбужденную и самопроизвольную чувственность отдавали въ полную власть со всѣхъ сторонъ проницательному любострастiю. Агатонъ при таковыхъ явленiяхъ, гдѣ толикiя очаровательныя средства соединялись для удрученiя сопротивленiя добродѣтели, не могъ остаться столько равнодушенъ, каковыми тѣ быть казались, кои къ таковымъ уже прiобыкли зрѣлищамъ; и чувствуемое имъ отъ того безпокойство дѣлало ему больше чести, чтобъ Стоики ни сказали, нежели Гиппiасу и его друзьямъ ихъ смиренность. И такъ онъ почелъ за нужное всегда по окончанiи чтенiя Гомера удаляться въ такое безмолвное мѣсто, гдѣ бы онъ въ ненарушимомъ уединенiи отъ противныхъ впечатленiй свободиться могъ, которыя упражненное и радо-

радостное домашнее смятеніе и воззрѣніе на многіе предметы, нравоучительныя мысли его оскорбляющіе, и на другой день въ душѣ его производили.

Глава пятая.

Умопредіе, или умоизступленіе Агатона.

Домъ Гиппіасовъ былъ съ полуденной стороны окруженъ великолѣпными садами, въ коихъ пространномъ округѣ искуство и богатство употребили всѣ свои силы простую природу, какъ ея собственными, такъ и чужими красотами обременить и сдѣлать наиувеселительное мѣсто. Тамъ видны луга, изпещренные цвѣтами, которые, собравшись со всѣхъ частей свѣта и въ хитрый разположась порядокъ, дѣлали каждый мѣсяцъ вѣсною другой поднебесности;

вѣ-

бесѣдка всякаго рода благоуханныхъ кустовъ; цитронныя, оливковыя и кедровыя аллеи, въ длинѣ коихъ и самое острое зрѣніе терялось; рощи всякаго рода плодоносныхъ деревъ; миртовые и лавровые лавиринѳы переплетенные изъ розъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ, гдѣ тьмы марморныхъ Наядъ, изъ коихъ иныя кажутся, что двигаются и дышатъ, другія изливаютъ небольшіе източники между цвѣтовъ журчащіе, или резвятся между собою плесканіемъ другъ на друга прозрачныхъ водъ, или удручась отъ игранія покоятся подъ какою нибудь висящею тѣнію: все сіе уподобляло сады Гиппіаса очарованнымъ странамъ, симъ играмъ стихотворнаго и живописнаго вообраЖенія, на кои взирая можно всегда приходить внѣ себя. Здѣсь-то Агатонъ препровождалъ свои пріятные часы; здѣсь сыскивалъ онъ таки ясность души, которую

онъ

онъ наипріятнѣйшему волненію чувствъ безконечно предпочиталъ; здѣсь могъ онъ самъ съ собою разговаривать; здѣсь былъ онъ окруженъ предметами приличными душевнымъ его дарованіямъ; хотя ему въ семъ его чрезвычайномъ образѣ размышленія, который столь мало соотвѣтствовалъ ожиданію Гиппіаса, и здѣсь не недоставало свое удовольствіе помощію разсужденія уменьшить, что всѣ бы сіи предметы несравненно прекраснѣе казались, естьли бы искуство себѣ не присвоило лишить природу ея вольности и затмить трогательную простоту. Часто возлежа при лунномъ сіяніи, которое онъ любилъ больше дня, уединенно подъ тѣнію, отдавался размышленіямъ и возпоминалъ о веселыхъ прежней своея юности играхъ, о неописанныхъ впечатлѣніяхъ, которыя всякой хорошій предметъ, каждое новоявшееся отъ при-

природы явленіе производили въ его неповрежденныхъ юношескихъ чувствахъ, о сладкихъ часахъ, которые ему въ возторгахъ первой и невинной любви казались минутами. Сіи напоминанія съ ночною тишиною и тихимъ журчаніемъ източниковъ и легкимъ дыханіемъ лѣтнихъ зефировъ склоняли чувства его къ дремотѣ, во время которой внутренніи душевныя способности дѣйствуютъ съ сугубою силою. Тогда представлялись ему прелестные виды лучшей будущности: онъ видѣлъ всѣ свои желанія исполненными, онъ чувствовалъ себя нѣсколько минутъ щастливымъ; а проснувшись увѣрялъ себя, что сіи надежды его не столько бы живо тронули, и не въ толь сладкое погрузили бы удовольствіе, естьли бы онѣ ничто иное, какъ ночныя игры воображенія, а не внутренніи предчувствованія были, взоры,

ко-

которые духъ его въ тишинѣ и вольности, которыя ему дремлющія чувства доставляютъ, бросаетъ на будущность и на гораздо обширнѣйшую сферу въ разсужденіи той, которая слабостію тѣлесныхъ его чувствъ описывается.

Онъ былъ такими упражненъ мыслями, какъ Гиппіасъ, котораго пріятность прекрасной лѣтней ночи позвала къ прогуливанію, засталъ его въ сихъ размышленіяхъ, которымъ онъ, мня быть одинъ, обыкновенно предавался. Гиппіасъ нѣсколько времени постоялъ передъ нимъ, не будучи Агатономъ видимъ; но наконецъ приближась началъ рѣчь и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, котораго слѣдствіе подкрѣпило его въ подозрѣніи, кое онъ о склонности нашего ироя къ тому, что свѣтъ называетъ умоизступленіемъ, уже понялъ.

Глава

Глава шестая.

Разговоръ между Гиппіасомъ и его невольникомъ.

Гиппіасъ. Ты мнѣ кажешся погруженъ быть въ глубокія размышленія Калліасъ?

Агатонъ. Я мнилъ быть одинъ.

Гиппіасъ. Я, сказать правду, удивляюсь тому, что ты не знаешъ пользоваться иначе вольностію моего дома. Однако можетъ быть тѣмъ больше нравишся ты мнѣ за свое воздержаніе. Но какими мыслями прогоняешъ ты свое время, естьли смѣю спросить?

Агатонъ. Всеобщая тишина, лунное сіяніе, трогательная красота дремлющія природы, накуренный изпареніями благовонныхъ цвѣтовъ ночный воздухъ,

тысящи пріятныхъ чувствованій, коихъ милое смѣшеніе упоетъ душу мою, ввергаютъ меня въ нѣкоторый родъ возхищенія, въ коемъ другое зрѣлище неизвѣстныхъ красотъ открылося предо мною, и продолжалося только чрезъ мгновеніе ока, но чрезъ такое мгновеніе, котораго бы я не согласился промѣнять на цѣлый годъ Царя Персидскаго . . . . .

Гиппіасъ усмѣхается, а Агатонъ продолжаетъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ:

Сіе привело меня на размышленія, коль блаженно состояніе душъ, которыя низложили грубое бренное свое тѣло, и въ разсматриваніи существенной, нетлѣнной, вѣчной и божественной изящности препровождаютъ тысящи лѣтъ, кои имъ не долѣе кажутся, какъ мнѣ сія минута; и въ

сихъ-

сихъ-то размышленіяхъ, коимъ я предался, засталъ ты меня.

Гиппіасъ. Какъ! вѣдь ты не спишъ, Калліасъ? Ты имѣешъ сверьхъ моего чаянія больше дарованій: какъ я вижу, ты можешъ и бдя сны видѣть?

Агатонъ. Сны разнообразны; а въ нѣкоторыхъ людяхъ вся ихъ жизнь кажется быть бредомъ. А естьли мои представленія суть сновидѣнія, то онѣ по крайней мѣрѣ пріятнѣе всего того, чтобы я въ сіе время бодрствуя могъ испытать.

Гиппіасъ. И такъ ты по видимому мнишъ самъ сдѣлаться однимъ изъ сихъ духовъ, коихъ ты столь щастливыми почитаешъ?

Агатонъ. По крайней мѣрѣ я такою питаюсь надеждою, и

естьли бы она меня не оживотворяла, то бы я за ничто почиталъ мое существованіе.

Гиппіасъ. Развѣ ты имѣешъ какое таинство вещественныя существа превращать въ духи, волшебной напитокъ изъ рода тѣхъ, коими стихотворческія Цирцеи и Медеи столь чудныя производятъ въ дѣйство превращенія.

Агатонъ. Я весьма сожалѣю, что я тебя не понимаю Гиппіасъ?

Гиппіасъ. Такъ я объяснюсь гораздо повразумительнѣе. Ты почитаешъ себя, естьли я не обманываюсь, за духъ въ скотское тѣло заключенный?

Агатонъ. За что же другое долженъ я себя почитать?

Гиппіасъ. Такъ по видимому четвероногія животныя, птицы, ры-

рыбы, насѣкомыя, суть также духи въ скотское тѣло заключенныя?

Агатонъ. Можетъ быть.

Гиппіасъ. А земныя произрастенія?

Агатонъ. Можетъ статься то же и онѣ.

Гиппіасъ. Изрядно. И такъ ты основываешъ твою надежду но *можетъ быть*? Естьли животныя можетъ быть не суть духи, то и ты можешъ быть такой же; ибо сіе за подлинно извѣстно, что ты животное. Ты раждаешся какъ животныя, ростешъ какъ онѣ, имѣешъ тѣ же необходимости, такія же чувства и страсти, питаешся, множишся и умираешъ подобно имъ, и обратишся какъ онѣ въ ту частицу земли и воды, какъ ты былъ прежде своего рожденія. А естьли ты предъ ними преимуществуешъ, то

 толь-

только тѣмъ, что природа дала тебѣ лучшій видъ, двѣ руки, посредствомъ которыхъ можешъ ты больше отправлять дѣлъ, нежели животное своими лапами; особливое разположеніе нѣкоторыхъ членовъ дѣлаетъ тебя способнымъ къ произнесенію рѣчи; и живѣйшая острота, произходящая отъ слабѣйшаго и прелестнѣйшаго состоянія твоихъ жилокъ, и всѣ искуства, коими столько мы надмѣваемся, переняла у животныхъ.

Агатонъ. И такъ мы, ты и я, имѣемъ весьма различныя о человѣческомъ естествѣ понятія.

Гиппіасъ. Чаятельно. Ибо я ее ни за что другое не почитаю, какъ за что подаютъ мнѣ ее мои чувства и наблюденія безъ предразсужденій. Однако я хочу показать тебѣ опыты моего великодушія. Я тебѣ уступаю, что

то,

то, что в тебѣ размышляет, есть дух и существенно различный от твоего тѣла. Но на чем основываеш ты надежду, что сей дух мыслить еще будет и по разрушении твоего тѣла? Я не скажу, что он обратится в ничто. Но когда тѣло твое чрез смерть потеряет вид, который его твоим дѣлал тѣлом; откуда надѣешся ты, что бы твой дух не потерял вида, который его твоим дѣлает духом?

Агатон. Я не могу представить себѣ возможным, что бы Всевышній дух, котораго созданія, или произтеканія, суть прочіе духи, разрушил существо созданное от него способным чувствовать щастіе, которое уже я вкушал.

Гиппіасъ. Еще новое Можетъ быть! Но откуда знаешъ ты сей Всевышній духъ? (*)

Ага-

(*) Сочинитель хотѣлъ, въ предосторожность тѣхъ, которые о многихъ предметахъ, какъ Гиппіасъ, разсуждаютъ не разсмотря слѣдствій своихъ оснований, показать, что онѣ прямо ведутъ къ безбожію. Гиппіасъ хотя не отвергаетъ бытія Всевысочайшаго существа: но онъ сомнѣвается объ ономъ: онъ утверждаетъ, что сего доказать не можно, и что понятіе онаго никакого не имѣетъ отношенія къ нашимъ прочимъ понятіямъ, слѣдственно совсѣмъ и не принадлежитъ къ числу нашихъ понятій. Сей родъ сомнительства есть истинное безбожіе, и похищаетъ у человѣка, какъ Агатонъ весьма вѣрно примѣтилъ, наисильнѣйшее средство всѣ препятствія, добродѣтели противополагающіяся, преодолѣть. Агатонъ помедлилъ больше всего при семъ доказательствѣ противъ оснований Гиппіаса,

Агатонъ. Откуда познаешъ ты творца, сдѣлавшаго сію любовь?

піаса, по тому, что оно было наиблестяще. Метафизическія доказательства могутъ безспорно доведены быть до такой остроты, что разумъ въ ясности оныхъ успокоивается, и сомнящійся онѣмѣть долженъ. Но нравоучительное доказательство, которое Агатонъ противъ Софистовъ дѣлаетъ стоящимъ, убѣждаетъ сердце; и сіе было, по тогдашнему согласію духа Агатонова, совершеннѣйшимъ родомъ убѣжденія. Что впрочемъ Гиппіасу не много приключилось, когда его какъ Скептическаго безбожника представили, есть тѣмъ правдоподобнѣе, когда мы отъ одного изъ его родственниковъ такого же рукомесла, Протагора, надежно знаемъ, что онъ изъ Аѳинъ былъ изгнанъ за то, что училъ открыто: „Онъ не видитъ „никакихъ основаній ни подтверж„дать ни отрицать бытіе Божіе." Цицеронъ о Естествѣ Боговъ.

Гиппіасъ. По тому, что я видѣлъ, какъ онъ дѣлалъ. Ибо можетъ быть и изтуканъ могъ бы произойти, не будучи сдѣланъ художникомъ.

Агатонъ. Какъ такъ?

Гиппіасъ. Случайное движеніе его наималѣйшихъ стихій наконецъ могло бы произвести сей образъ.

Агатонъ. Безправильное движеніе произведетъ правильную работу?

Гиппіасъ. А для чего нѣтъ? Кости, бросаемыя на удачу, не производятъ ли числъ? Сколько сіе возможно, то не могъ ли бы ты также между нѣсколькими билліонами бросковъ бросить одинъ, чрезъ который бы извѣстное число пещинокъ упали въ кругловатую фигуру. Ты видишъ, что уподобленіе легко можно сдѣлать.

Ага-

Агатонъ. Я тебя разумѣю. Но то навсегда остается безконечно невѣроятнымъ, чтобы случайное движенiе стихiй могло произвести только одну раковину, коихъ безчисленное множество лежитъ на другомъ берегу; и самая вѣчность кажется быть не довольно долгою произвести только такимъ образомъ сей шаръ, сей малый обитаемый шаръ, сей атомъ (солнечную пылинку) всего свѣта.

Гиппiасъ. Довольно, что между безконечно безчисленными случайными движенiями, которыя ничего правильнаго и долговѣчнаго не производятъ, находится хотя одно возможное, могущее произвесть **свѣтъ**. Сiе противополагаетъ вѣроятности твоего мнѣнiя Можетъ быть, чрезъ которое она теряетъ вдругъ всю свою силу.

Ага-

Агатонъ. Столько, сколько тяжесть безконечнаго бремени чрезъ отнятіе единой песчинки.

Гиппіасъ. И такъ ты забылъ, что безконечное время въ другую вѣсовую чашку положить надлежитъ. Однако я оставляю сіе возраженіе, хотя оно и далѣе можетъ быть простираемо; но что выигрываетъ чрезъ то твое мнѣніе? Можетъ статься, что свѣтъ былъ всегда въ такомъ положеніи, въ какомъ мы его видимъ?..... Можетъ быть онъ самъ есть одно существо, которое само чрезъ себя состоитъ? Можетъ быть духъ, о которомъ ты говорилъ, былъ принужденъ чрезъ существенное состояніе своея природы сію селенную по законамъ непремѣнной необходимости оживотворить? И положимъ, что свѣтъ, по твоему мнѣнію, есть дѣло разумнаго и свободнаго существа; можетъ быть

бытъ онъ имѣетъ многихъ творцевъ? Однимъ словомъ, Калліасъ, ты имѣешъ многіе возможные случаи уничтожить прежде, нежели ты только приведешъ внѣ сомнѣнія бытіе твоего Всевышняго духа.

Агатонъ. Умѣренное употребленіе общаго человѣческаго разума могло бы тебя удостовѣрить, *Гиппіасъ*, что всѣ тѣ случаи, о коихъ ты говоришъ, не сутъ возможные случаи. Ни одинъ въ свѣтѣ человѣкъ никогда не былъ столько глупъ, что бы вѣрилъ, что случайное движеніе азбучныхъ только буквъ могло произвесть Иліаду. Но что есть случайное движеніе? что есть неразделимая, вѣчная, необходимая, самобытная пылинка? или самъ чрезъ себя произшедшій свѣтъ? или свѣтъ, многихъ творцевъ имѣющій? Разбери понятія, которыя ты съ сими словами соединитъ дума-

думаешъ, и ты найдешъ, что онѣ другъ друга уничтожаютъ, что ты дѣйствительно ничего при томъ не думаешъ, ни думать можешъ. Рѣчь здѣсь не о томъ идетъ, чтобы самого себя нагло самопроизвольными отвлеченіями обманывать, но изыскать истинну; и когда бы ты не вскользь искалъ истинны, то какъ бы возможно было въ ней заблуждать: она общему человѣческому понятію силою себя налагаетъ? Что иное есть сіе великое цѣлое, нами свѣтомъ называемое, какъ вмѣстилище дѣйствій? Гдѣ оному причина? Или ты можешъ разсуждать о дѣйствіяхъ безъ причины, или соединенныя, соразмѣрныя правиламъ, одно другое обнаруживающія, одно изъ другаго произтекающія и къ единому намѣренію клонящіяся дѣйствія безъ разумной причины разсматривать? О! Гиппіасъ, повѣрь мнѣ: это не твоя голова (а это

на-

надобно быть только совсѣмъ сумасшедшей головѣ), но сердце твое есть отвергатель Бога. Сомнѣнія твои суть ненадежныя убѣжища такого человѣка, который только для того ищетъ убѣгать истинны, что опасается, дабы оною не просвѣтиться. Прямое сердце и непреложная душа не имѣетъ нужды первую, наиочевиднѣйшую и любви достойнѣйшую изъ всѣхъ истиннъ всѣми сими лавиринѳами метафизическихъ гнать понятій. Потребно мнѣ только разкрыть глаза, только себя самого почувствовать, чтобы во всей природѣ, чтобы во внутренности моего собственнаго существа, Творца онаго, сей высочайшій благотворный духъ, увидѣть. Я познаю его бытіе не по однимъ только умоключеніямъ; я его чувствую, такъ, какъ чувствую, что я самъ есмь.

Гиппіасъ. Но, любезный мой Калліасъ, во снѣ бредящій, больный, безумный, видитъ; однако того нѣтъ, что онъ видитъ.

Агатонъ. Поелику онъ въ семъ состояніи не можетъ довольно ясно видѣть.

Гиппіасъ. Хорошо! Какъ ты можешъ доказать, что ты точно въ сей точкѣ не болѣнъ? Спроси врачей: они тебѣ скажутъ, что въ одной вещи можно быть безумнымъ тогда, когда мы во всѣхъ прочихъ благоразумны; на подобіе лютны, которая довольно хорошо стройна, выключая одной ложной струны. Неистовствующій Айяксъ видитъ два солнца, двойнаго Феба. Какой ты подлинный знакъ имѣешъ для различенія истинны отъ того, что только кажется; то, что ты дѣйствительно чувствуешъ, отъ того, что ты себѣ толь-

только воображаешъ; то, что ты подлинно чувствуешъ при добромъ здоровьѣ, отъ того, что тебя разстроенная нерва (чувственная жила) заставляетъ ощущать? И что бы изъ сего возпослѣдовало, естьли бы каждое чувство обманывало, и естьли бы изъ всего существующаго не было ничего такого, какимъ ты видишъ и чувствуешъ?

Агатонъ. О томъ я весьма мало печалюсь. Положимъ, что солнце не таково, какимъ я его вижу и чувствую; меньше ли оно того, какъ я вижу и чувствую, для меня все равно. Для меня сего довольно. Втеченіе его въ систему всѣхъ моихъ прочихъ чувствованій не менѣе для того дѣйствительно, хотя оно не таково, какимъ оно представляется моимъ чувствіямъ, да хотя его и совсѣмъ нѣтъ.

Гиппіасъ. А уподобленіе о семъ понятіи, естьли тебѣ угодно?

Агатонъ. Чувствованіе, которое я о Всевышнемъ духѣ имѣю, имѣетъ во внутренную систему моего духа такое же втеченіе, какое чувствованіе, которое я имѣю о солнцѣ, имѣетъ на мою физическую систему.

Гиппіасъ. Какъ такъ?

Агатонъ. Когда мое тѣло въ худомъ находится состояніи, то отсутствіе солнца умножаетъ его болѣзнь. А возвращеніе солнечнаго сіянія опять оживляетъ, ободряетъ и прохлаждаетъ мое тѣло, и естьли я не вдругъ прихожу въ доброе здоровье, то по крайней мѣрѣ чувствую облегченіе. Всеоживляющее чувствіе производитъ то же самое дѣйствіе на мою душу: оно меня возстановляетъ, успокояетъ, оживляетъ; оно разсыпаетъ мою унылость,

оно

оно оживотворяетъ мою надежду; оно дѣлаетъ, что я въ такомъ состояніи не нещастливъ, которое бы мнѣ безъ него несноснымъ показалось.

Гиппіасъ. Такъ по этому я щастливѣе тебя, по тому, что я во всемъ семъ никакой не имѣю нужды. Опытъ и обстоятельное размышленіе избавили меня отъ предразсужденій; я всемъ желаемымъ наслаждаюся, а не желаю ничего, коего бы наслажденіе не въ моей состояло власти. И такъ я мало знаю о скукѣ и попеченіяхъ. Я надѣюсь мало, по тому, что я наслажденіемъ настоящаго доволенъ; я наслаждаюсь съ умѣренностію, дабы я тѣмъ долѣе могъ наслаждаться; а когда я чувствую болѣзнь, то я сношу съ терпѣніемъ, по тому, что оно есть наилучшее средство для прекращенія ея продолженія.

 Ага-

Агатонъ. А на чемъ основываешъ ты свою добродѣтель? чѣмъ ты ее питаешъ и оживляешъ? чѣмъ преодолѣваешъ ты препятства ее задерживающія, изкушенія отъ нея отманивающія, заразу примѣровъ, безпорядокъ желаній, и лѣность, которыя душа столь часто изпытываетъ, когда желаетъ она возвыситься?

Гиппіасъ. О юноша! довольнѡ долго слушалъ я твои запрометчивости. Въ какое запутала тебя ослѣпленіе живость твоея силы воображенія! Душа твоя носится во всегдашнемъ обволхвованіи, во всегдашней перемѣнѣ тебя мучащихъ и возхищающихъ сновъ; а истинное состояніе вещей столько тебѣ свѣдомо, сколько видимый свѣта видъ человѣку родившемуся слѣпымъ. Я о тебѣ сожалѣю, любезный мой Калліасъ! Твой видъ, дарованія твои даютъ тебѣ

тебѣ право стараться о всемъ томъ, что человѣческая жизнь ни имѣетъ въ себѣ пріятнаго; одинъ твой образъ разсужденія сдѣлаетъ тебя нещастнымъ. Ты, привыкши зрѣть окрестъ тебя однѣ только вымышленныя существа, никогда не научишся искуству получать отъ людей пользу. Ты будешъ бродить по свѣту, который тебя столько же мало будетъ знать, сколько ты его, и нигдѣ не сыщешъ надлежащаго для себя мѣста, кромѣ уединенія или Діогеновой бочки. Что дѣлать съ такимъ человѣкомъ, который видитъ духовъ, который требуетъ отъ добродѣтели, чтобы она жила въ безпрерывной войнѣ со всѣмъ свѣтомъ и сама съ собою? съ такимъ человѣкомъ, который преселяется въ лунное сіяніе и дѣлаетъ размышленія о блаженствѣ безплотныхъ духовъ? Повѣрь мнѣ, любезный мой Каллиасъ

ліасъ (я знаю свѣтъ, а духовъ не вижу): твоя Философія можетъ уповательно довольно быть хороша для увеселенія общества праздныхъ людей, вмѣсто другой игры; но это дурачество захотѣть ее упражнять. Однако ты молодъ: уединеніе твоея первыя юности, вымышленныя Восточныя нелѣпости, нѣкоторыми праздношатающимися Греками изъ Египта и Халдеи къ намъ принесенныя, вперили въ твое воображеніе баснословную сказку; а чрезмѣрная твоихъ тѣлесныхъ составовъ чувствительность споспѣшествовала сему пріятному обману. Люди такого рода не находятъ ничего довольно изряднаго въ томъ, что они ощущаютъ: во время ихъ безумія надобно сотвориться другимъ свѣтамъ для удовольствованія ихъ ненасытимыхъ сердецъ. Однако сему злу еще пособить можно. Въ самыхъ

из-

изступленіяхъ твоея силы воображенія открывается природная исправность разума, которой ничего недостаетъ, какъ быть обращенной на другіе предметы. Нѣсколько учености и безпристрастнаго изслѣдованія того, о чемъ я буду тебѣ говорить, довольно. Онѣ тебя изцѣлятъ отъ сего рѣдкаго рода юродства, которое почитаешъ ты за премудрость. Оставь на мое попеченіе свести тебя изъ невидимыхъ міровъ въ дѣйствительный міръ. Онъ тебя сначала устранитъ (покажется страннымъ), но только по тому, что онъ въ разсужденіи тебя будетъ новый; я тебѣ обѣщаюсь, что ты, какъ скоро къ нему единожды привыкнешъ, то столько же мало будешъ сожалѣть о своихъ воздушныхъ мірахъ, сколько взрослый человѣкъ болѣзнуетъ о играхъ своего рабячества. Всѣ сіи нелѣпости суть дѣти твоего

уединенія и твоея праздности. Кто алкаетъ по пріятнымъ чувствованіямъ, а лишенъ средствъ доставить для себя дѣйствительныя, бываетъ принужденъ питаться воображеніями и за недостаткомъ лучшей бесѣды обходиться съ Сильфами. Опытъ можетъ убѣдить тебя въ семъ лучше всего. Я намѣренъ тебѣ открыть таинства такой премудрости, которая ведетъ къ наслажденію всемъ тѣмъ, что природа, искуство, сообщество, и самое воображеніе (ибо человѣкъ не такъ сотворенъ, чтобы всегда быть мудрымъ) могутъ подать хорошаго и пріятнаго; и я бы въ тебѣ совсѣмъ обманулся, естьли бы гласъ разума, котораго ты кажется никогда не слышалъ, не могъ отозвать тебя отъ заблужденія, въ коемъ бы ты при концѣ твоего путешествія въ землю надеждъ ничего не выигрывалъ, кромѣ опы-

опыта быть погублену. Прости, Калліасъ: теперь время уже итти спать; а ближайшее спокойное утро, которое я буду имѣть, отложу для тебя, и посвящу его съ удовольствіемъ для твоего наставленія. Я тебѣ никакъ не сказываю, сколько я доволенъ поступкомъ, съ какимъ ты до сего отправлялъ твою должность; и больше ничего не желаю, какъ чтобы лучшее согласіе нашего образа разсужденія привело меня въ состояніе подать тебѣ доказательства о моей дружбѣ. Съ сими словами Гиппіасъ удалился и оставилъ нашего Агатона въ такомъ состояніи, которое читатель изъ слѣдующей главы усмотритъ.

Глава седмая.

Вь которой Агатонь для юродствующаго допольно нарочитыя делаеть заключенія.

Мы не сомнѣваемся, что многіе изъ читателей сего повѣствованія подумаютъ, что Агатонъ сею выразительною рѣчью мудраго Гиппіаса былъ немало тронутъ, или по крайней мѣрѣ ввергнутъ въ нѣкоторое безпокойство. Старость Софиста, носившаяся о его премудрости слава, увѣрительный тонъ, съ какимъ онъ говаривалъ, видъ правды, которымъ разговоры его были прикрываемы, и, что можетъ быть не малымъ въ разсужденіи всего сего покажется, важность, которую ему придавали его богатства; всѣ сіи обстоятельства довольно были сильны вывести изъ своего положенія такого человѣка, который долженствовалъ уступить

ему

ему въ толико многихъ преимуществахъ, и сверьхъ сего былъ его невольникомъ. Агатонъ слушалъ всю сію важную рѣчь съ такою усмѣшкою, которая бы способна была смѣсить всѣхъ Софистовъ на свѣтѣ, естьли бы темнота и предразсужденіе витіи для самаго себя не возпрепятствовали ему сего увидѣть; и только лишь нашъ молодый невольникъ остался одинъ, то первое дѣйствіе онаго было, что сіе ускла-бленіе перемѣнилось въ смѣхъ, который онъ къ поврежденію своея перепонки долѣе удерживать почиталъ за ненужное, и который всегда начиналъ, сколь часто онъ представлялъ себѣ видъ, тонъ и тѣлодвиженія, съ коими мудрый Гиппіасъ сильнѣйшія мѣста своея рѣчи отъ себя издавалъ. Это правда, говорилъ онъ къ самому себѣ; человѣкъ живущій такъ, какъ Гиппіасъ, долженъ необходимо такъ мы-

мыслить; а человѣкъ разсуждающій такъ, какъ Гиппіасъ, былъ бы нещастливъ, естьли бы онъ не могъ такъ жить. Однако я не могу удержаться отъ смѣха, продолжалъ онъ, когда я взпомню о тонѣ подлинности, съ которою онъ говорилъ. Сей тонъ не такъ для меня новъ, какъ мудрый Гиппіасъ себѣ воображалъ. Я зналъ кожевниковъ и дрягилей въ Аѳинахъ, которые не меньше думали о себѣ, какъ что они довольно способны говорить симъ тономъ со всемъ народомъ. Онъ думаетъ, что онъ мнѣ сказалъ нѣчто чрезвычайное, когда называетъ мой образъ размышленія умоизступленіемъ, и возвѣщаетъ мнѣ съ известностію пророка судьбы, которыя онъ мнѣ навлечетъ. Сколько онъ обманывается, естьли думаетъ устрашить меня сими предсказаніями! О Гиппіасъ, что это такое, что ты называешъ благоден-

денствіемъ? Что ты такъ называешъ, есть щастіе, какъ то есть любовь, которую въ тебя вдыхаютъ твои танцовщицы. Ты называешъ мое благополучіе умоизступленіемъ? Оставь меня всегда быть юродивымъ, а ты будь мудрецомъ! Природа отказала тебѣ въ сей чувствительности, въ сихъ внутреннихъ чувствіяхъ, производящихъ между нами обоими такую разность; ты уподобляешся глухому, который радостныя движенія, кои оживотворяющая свирѣль Дамона вперяетъ во всѣ члены своихъ слушателей, приписываетъ вину или безумію; онъ бы танцовалъ, какъ они, когда бы онъ могъ слышать. Мы не должны дѣйствительно осуждать столько свѣтскихъ людей, когда они предъ нами щитаютъ другихъ за нѣсколько сумасшедшихъ. Кто можетъ ихъ увѣрить, что имъ не достаетъ нѣчто такое,

что

что до совершеннаго принадлежитъ человѣка? Я зналъ въ Аѳинахъ одну молодую женщину, которую природа по причинѣ гадкости прочихъ ея членовъ наградила весьма изрядными ногами. Я бы желала знать, говаривала она къ одной изъ своихъ пріятельницъ, что сіи молодые люди находятъ въ высокомѣрной Тимандрѣ, и глазъ съ нея почти не спускаютъ? Это правда, что цвѣтъ лица ея идетъ таки еще, черты ея и такъ и сякъ, глаза же ея по крайней мѣрѣ довольно ободрительны; но какія она имѣетъ ноги! Какъ можно тщеславиться красотою, не имѣя тонкихъ ногъ? Ты говоришъ правду, отвѣчала пріятельница, которая природѣ ни за что хорошее не обязана, какъ за два чрезвычайно малинькіе уха; чтобы быть красавицею, надобно имѣть вашу ногу. Но что скажешъ ты о ея ушахъ Гермія? Не помилуй

меня

меня Діана, онѣ бы сдѣлали честь Фавну. Таковы-то люди; да и несправедливо бы было искать исправлять то, что они не инымъ созданы образомъ. Соловей поетъ, воронъ каркаетъ, и онъ не долженъ бы быть ворономъ, когда бы онъ не думалъ, что онъ хорошо каркаетъ; конечно онъ еще имѣетъ право, когда онъ думаетъ, что соловей не хорошо каркаетъ. Это правда, онъ тѣмъ много успѣваетъ, когда онъ издѣвается надъ соловьемъ, что онъ не такъ хорошо каркаетъ, какъ онъ; но и онъ бы также не правъ былъ, естьли бы смѣялся надъ нимъ, что онъ не такъ, какъ онъ поетъ: естьли онъ не поетъ, то по крайней мѣрѣ хорошо каркаетъ, а этого для него и довольно. — Но Гиппіасъ безпокоится и сожалѣетъ обо мнѣ, и желаетъ столько же меня ощастливить, какъ и самъ. Онъ въ семъ поступкѣ весьма велико-

ликодушенъ! -- Онъ примѣтилъ, что я люблю хорошее, что я не нечувствителенъ къ прелестямъ удовольствія. Сіе открытіе было легко сдѣлать; но въ выводимыхъ изъ того заключеніяхъ могъ бы онъ обмануться. Благоразумный Улиссъ каменистую свою малую Итаку, гдѣ онъ былъ свободенъ, и свою престарелую супругу, съ которою онъ былъ молодъ за двадцать лѣтъ прежде, предпочелъ очарованному острову прекрасныя Калипсы, гдѣ бы онъ былъ безсмертенъ и невольникъ; и безумный Агатонъ со всемъ своимъ вкусомъ къ изящному, со всею своею чувствительностію къ забавамъ, полезъ бы лучше въ бочку Діогена, нежели обладать чертогами, садами, сералію и богатствами мудраго Гиппіаса и быть Гиппіасомъ.

Мы слышимъ, что говорятъ наши читатели: „ Всегда саморазгла-

глагольствія!„ По крайней мѣрѣ это первое. Да и кто тому виною? Агатонъ впрочемъ не имѣлъ никого, съ кѣмъ бы онъ могъ говорить, опричь самаго себя; ибо съ древами и Нимфами разговариваютъ только одни влюбленные. Однако простимъ уже его въ семъ неблагонравіи; а больше по тому, когда столь тонкій свѣтскій человѣкъ, каковъ Горацій безспорно былъ, не устыдился признаться, что онъ имѣлъ привычку очень часто самъ съ собою разговаривать.

Глава осьмая.

Предуготопленіе къ слѣдующему.

Агатонъ не столь долго жилъ съ людьми, чтобы узнать столь хорошо свѣтъ, какъ зналъ его Ѳеофрастъ, когда онъ его оставить долженствовалъ. Но все то, чего ему недоставало въ опытѣ,

 было

было награждаемо естественнымЪ его дарованіемЪ *читать въ душахъ*, которое изощрено было вниманіемЪ, сЪ коимЪ онЪ наблюдалЪ людей и явленія жизни, которыя онЪ имѣлЪ случай видѣть. Отсюда произошло, что его последній разговорЪ сЪ ГиппіасомЪ, вмѣсто наученія его чему нибудь новому, оправдалЪ только подозрѣніе, которое онЪ уже нѣсколько времяни принялЪ противу свойства и образа размышленія сего Софиста. ОнЪ также легко могЪ догадаться, какого рода была бы тайная Философія, отЪ которой ему столь знатныя обѣщали выгоды. Не смотря на сіе желалЪ онЪ сего свиданія, которымЪ онЪ его ласкалЪ, частію изЪ любопытства видѣть мнѣнія Гиппіаса вЪ систему приведенныя, а частію и для того, поелику онЪ отЪ краснорѣчія его надѣялся того рода забавы, кою намЪ проворный

ворный кукольникъ дѣлаетъ, который намъ на минуту показываетъ то, чего мы не увидимъ, не приводя благоразумнаго человѣка до того, чтобы онъ хотя минуту сомнѣвался, что онъ обманутъ. Съ такимъ положеніемъ духа, столь противнымъ склонности, которую Гиппіасъ требовалъ, явился Агатонъ, когда онъ по изтеченіи нѣсколькихъ дней въ одно утро позванъ былъ въ горницу Софиста, который, лежа на софѣ, ожидалъ его, и приказалъ ему сѣсть возлѣ себя и съ собою завтракать. Сія учтивость по намѣренію мудраго Гиппіаса была нужнымъ предуготовленіемъ; а для споспѣшествованія скорѣйшему произведенію въ дѣйство своего предпріятія выбралъ онъ для услуженія при семъ самую лучшую въ домѣ своемъ невольницу. Въ самомъ дѣлѣ пріятный видъ сея Нимфы, взоръ и искуство,

сЪ которымЪ она порученную себѣ отправляла должность, дѣлали услуженіе ея нѣсколько опаснымЪ для мудраго Агатонова возраста. Всего хуже было, что малинькая волшебница, дабы отмстить за равнодушіе, сЪ которымЪ АгатонЪ ея предупредительное презиралЪ до сего снизхожденіе, употребила всевозможныя хитрости и средства, чрезЪ которыя она думала сдѣлать чувствительнѣе цѣну потеряннаго имЪ щастія. Она сЪ злости предстала вЪ простомЪ, но столько чистомЪ, пристойномЪ, а при томЪ и прельстительномЪ, платьѣ, что АгатонЪ не могЪ удержаться, чтобы не признаться, что сами Граціи, естьли бы онѣ захотѣли показаться одѣвшись, не могли бы изобрѣсть никакого наряда, который бы наиблагопристойнѣйшимЪ образомЪ держалЪ средину между одѣяніемЪ и наготою. Сказать

пра-

правду, розовое платье ея походило больше на называемый Петроніемъ тканый вѣтръ, или тонкій кисейный туманъ, нежели на матерію, которая у глазъ должна нѣчто похищать. Самое малое движеніе открывало прелести тѣмъ больше опасныя, что онѣ скрывались опять тотчасъ въ вѣроломныя тѣни, и казалось, что больше строили ковы силѣ воображенія, нежели взору. Не смотря на все сіе, можетъ бы быть нашъ ирой довольно хорошо могъ вывернуться изъ сего дѣла, естьли бы онъ при первомъ воззрѣніи не предузналъ намѣреній Гиппіаса и прекрасныя Ціаны (такъ называлась молодая красавица). Открытіе сіе ввергнуло его въ замѣшательство, которое тѣмъ дѣлалось примѣтнѣе, чѣмъ больше силился онъ скрывать оное. Онъ покраснѣлъ къ несноснѣйшей своей досадѣ до самыхъ ушей, дѣ-

лалъ всякie принужденные поступки, и озиралъ всѣ картины въ горницѣ одну за другою, чтобы сдѣлать свое смятенie непримѣтнымъ. Но все старанie его было безплодно: старанie пронырливыя Цiаны находило всегда новое средство привлекать на себя противъ его желанiя разсыпанный его взоръ. Однако торжество, коимъ она въ сихъ минутахъ наслаждалась, не долго продолжалось. Но сколько ни были чувствительны очи Агатона; однако онѣ не болѣе были, какъ его нравоучительное чувство; да и предметъ поражающiй чувство не могъ сдѣлать на его зрѣнie столь прiятнаго впечатлѣнiя, чтобы оно не преодоляемо было непрiятнымъ чувствованiемъ другаго. Требованiя прекрасныя Цiаны, лукавыя ея взоры, любострастныя ея движенiя, кои во всемъ ея лицѣ соблазнительны были, погасили столько ея прелести

лести и прохладили столько его чувства, что единая степень больше, подобно воззрѣнію Медузы, способна бы была превратить его въ камень. Вольность и равнодушіе, которыя ему сіе подавало, не осталися сокрытыми отъ Ціаны. Онъ старался ее нѣкоторыми воззрѣніями и усмѣшкою, которыя значеніе ей довольно ясно было, убѣдить, что она весьма скоро торжествовала. Сей поступокъ былъ для ея прельщеній весьма оскорбителенъ, такъ, что она тотчасъ долженствовала оный почитать за непринужденный. Сопротивленіе, которое она нашла, вызывало ее къ закладному бою, въ коемъ она всѣ свои употребляла искуства получить побѣду. Но сила ея противника утомила наконецъ ея надежду, и она едва еще удержала столько власти надъ собою скрыть свою досаду, чувствуемую ею отъ се-

го уничиженія ея суетности. Гиппіасъ, забавляясь сею игрою, нѣсколько времени молчаливо разсуждалъ самъ въ себѣ, что не легко „будетъ плѣнить разумъ тако„го человѣка, котораго сердце и „съ самой слабой стороны каза„лось столько укрѣпленнымъ.„ Но сіе наблюденіе подкрѣпило его только въ его мысляхъ о способѣ, который онъ долженствовалъ употребить съ своимъ новымъ учеником; и какъ онъ самъ о своей системѣ лучше былъ убѣжденъ, нежели иный Бонзъ о силѣ Амюлеттовъ (а), раздаваемыхъ своимъ

(а) Бонзы суть у Индійцовъ, Японцовъ и у прочихъ нѣчто иное, какъ у насъ монахи. Они раздаютъ фигуры, образа и слова, которымъ приписываютъ разныя свойства, и кои носятъ на себѣ вмѣсто лѣкарствъ, и называютъ оныя Амюлеттами. Но сія монета, имѣвшая въ старину въ себѣ

имъ благодарнымъ вѣрнымъ; то онъ не сомнѣвался, что Агатона лучше можно склонить чрезъ доброхотное предложеніе, нежели ораторскими хитростями, кои онъ обыкновенно съ слабѣйшими душами съ хорошимъ употреблялъ слѣдствіемъ. И такъ какъ скоро отзавтракали и пристыженная Ціана ушла, то началъ онъ по маленькомъ предуготовительномъ разговорѣ достопамятное разглагольствіе, чрезъ котораго полное сообщеніе мы тѣмъ болѣе надѣемся заслужить благодарности, когда мы отъ знатоковъ увѣрены, что тайный смыслъ онаго важностію своею превозходитъ еще гораздо больше буквный, и истинный и несомнѣнный поступокъ сыскать Философской камень въ ономъ лежитъ сокрытъ.

себѣ столько имовѣрности, нынѣ совсѣмъ изтребилась; а употребляютъ ее только легковѣрные и суевѣрные люди, нѣкоторыя женщины и практики.

АГАТОНЪ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Глава первая.

Предисловіе къ весьма важному разговору.

Когда мы со вниманіемъ разсматриваемъ дѣла и дѣйствія человѣческія, любезный мой Калліасъ; то хотя кажется, что всѣ ихъ старанія и попеченія не имѣютъ никакой другой цѣли, какъ сдѣлать себя щастливымъ; однако малое число дѣйствительно такихъ, или по крайней мѣрѣ такихъ, которые такими быть себя думаютъ, въ то же время доказываетъ, что большая часть между ими совсѣмъ не знаютъ,

какими средствами они себя облагополучить должны, естьли они не благополучны; то есть, какъ употреблять доброе свое щастіе къ достиженію того состоянія, которое называютъ блаженствомъ. Есть много такихъ, кои въ недрѣ знатности, щастія и роскоши, какъ и такихъ, кои въ состояніи рабства, недостатка и притѣсненія, бѣдны. Нѣкоторые изъ сего послѣднѣйшаго состоянія выдрались, думая, что они злощастны были единственно по тому, что имъ въ обладаніи благъ щастія недоставало. Но опытъ ихъ научилъ, что естьли есть искуство снискивать себѣ средства къ достиженію воображаемаго ими благополучія, то есть оно можетъ быть еще труднѣйшее, по крайности рѣдчайшее, искуство знать употреблять сіи средства кстатѣ. И по тому-то всегда упражненіемъ разумнѣйшихъ между людь-

людьми мужей было, чрезъ соединеніе сихъ искуствъ выводить тѣ, которыя можно назвать искуствомъ жить благополучно, и въ коемъ дѣйствительномъ упражненіи, по моему понятію, состоитъ премудрость, которая столь рѣдко бываетъ долею смертныхъ. Я называю премудрость сію искуствомъ, по тому, что она зависитъ отъ проворнаго употребленія извѣстныхъ правилъ, кои пріобрѣсть можно только посредствомъ упражненія: однако оно наподобіе всѣхъ искуствъ предполагаетъ извѣстный степень способности, которою одна только природа надѣляетъ, и которую обыкновенно сообщаетъ она не всѣмъ.

Нѣкоторые люди къ величайшему благополучію едва способнѣе кажутся быть устерсовъ; а ежели они одарены душею, то кажется

ся не для чего инаго, какъ только, чтобы тѣло ихъ на нѣсколько времени соблюсти отъ согнилости. Знатнѣйшая, а можетъ быть и самая большая, часть людей не находится въ семъ состоянiи; но поелику имъ недостаетъ въ довольной силѣ духа и извѣстной нѣжности чувствованiя, то жизнь ихъ, подобно жизни прочихъ животныхъ земнаго шара, проходитъ между веселiемъ, котораго они ни избирать, ни наслаждаться имъ не умѣютъ, и болѣзнiю, которыя они ни убѣгать не знаютъ, ни противиться ей не могутъ. Легкомысленность и страсти суть побудительныя причины сихъ человѣческихъ машинъ, и то и другое подвергаетъ ихъ безчисленному множеству золъ, существующихъ только въ обманутомъ воображенiи; но для сего-то самаго онѣ естьли не болѣзненнѣе, то по крайней мѣрѣ продолжительнѣе

и

и неизлѣчимѣе налагаемыхъ на насъ природою. Сей родъ людей неспособенъ ни къ какому твердому удовольствiю и ни къ какому состоянiю блаженства; радости ихъ часовыя; а прочее ихъ продолженiе есть или дѣйствительное страданiе, или безпрестанное чувствованiе смутныхъ желанiй, безпрерывный приливъ и отливъ страха и надежды, прихотей и болѣзней; однимъ словомъ, безпокойное движенiе не имѣющее ни извѣстной мѣры, ни твердой цѣли; и слѣдственно не можетъ быть ни средствомъ къ прiобрѣтенiю того, что хорошо, ни не допускаетъ наслаждаться тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно владѣютъ. И такъ кажется невозможнымъ быть безъ извѣстной нѣжности чувствованiя, которое насъ въ обширнѣйшей сферѣ съ тончайшими чувствiями наипрiятнѣйшимъ образомъ наслаждаться допускаетъ, и

безъ

безъ той душевной силы, которая дѣлаетъ насъ способными слагать съ себя иго воображенія и ослѣпленія, и страсти имѣть въ нашей силѣ, достигнуть того спокойнаго состоянія, наслажденія и спокойствія, составляющаго блаженство. Только тотъ въ самомъ дѣлѣ щастливъ, кто умѣетъ совершенно избавляться отъ золъ замыкающихся только въ воображеніи, а тѣхъ золъ, которымъ природа человѣка подвергнула или убѣгать, или по крайней мѣрѣ оныя уменшать и чувствованія оныхъ усыплять научился; и которой напротивъ того знаетъ въ то же время приводить себя во владѣніе всякаго блага, къ которымъ насъ природа учинила способными, и наслаждаться тѣмъ, что онъ имѣетъ, наиприятнѣйшимъ образомъ; и сей щастливецъ одинъ только есть мудрый.

Когда я тебя иначе очень знаю, Калліасъ, то природа одарила тебя способностями быть таковымъ столь богато, какъ и преимуществами, коихъ разумное употребленіе намъ обыкновенно благосклонность доставляетъ щастія. Не смотря на сіе ты ни щастливъ, ни будешъ когда щастливымъ, доколѣ ты *не научишся* изъ обоихъ дѣлать другое употребленіе, нежели ты чинилъ прежде. Ты употребляешъ силу твоея души на учиненіе сердца твоего нечувствительнымъ къ истинному удовольствію, и упражняешъ чувствительность твою нелѣпыми предметами, которые ты видишъ только въ воображеніи, и наслаждаешся ими только во снѣ. Увеселенія, опредѣленныя природою человѣку, суть для тебя болѣзни, по тому, что ты долженъ причинять себѣ насиліе оныхъ лишаться; и ты подвергаешъ себя всякому

му злу, коихъ онѣ научаютъ насъ убѣгать, когда ты вмѣсто полезнаго упражненія провождаешъ жизнь свою въ бредѣ сладкихъ, но ложныхъ воображеній, коими стараешся ты наградить лишеніе дѣйствительнаго удовольствія. Зло твое, любезный мой Калліасъ, раждается отъ весьма живой силы воображенія, показывающей тебѣ свои произрастенія въ сверхъестественномъ сіяніи, ослѣпляющемъ твое сердце и разпростирающемъ ложный свѣтъ по всему тому, что дѣйствительно существуетъ. Твоя сила воображенія подобна стихотворческой, которая упражняется въ изысканіи всегда изряднѣйшихъ красотъ и пріятнѣйшихъ увеселеній, нежели какія имѣетъ природа, такой силѣ воображенія, безъ которой не были никогда ни Гомеры, ни Алкамены, ни Полигноты, которая содѣлана украшать наши забавы,

а не быть водительницею нашея жизни. Чтобъ быть мудрымъ тебѣ не нужно ни что, какъ поставить здравый разумъ на мѣсто сея вдохновенной волшебницы, и холодное разсужденіе на мѣсто весьма часто обманчиваго чувствованія. Вообрази себѣ на нѣсколько минутъ, что ты путь къ блаженству впервые искать долженствуешъ; спроси о томъ природу, внемли ея отвѣту, и слѣдуй стезямъ, которыя она тебѣ предпокажетъ.

Глава вторая.

Теорія пріятныхъ чувствованій.

Но кого мы лучше можемъ спросить, какъ природу, чтобы знать, какъ мы должны жить, чтобы жить хорошо? „Боги„? Вы есте или сами природа, или создатели природы: въ обоихъ слу-

случаяхЪ гласЪ природы есть гласЪ божества. Она есть общая учительница всѣхЪ существЪ; она научаетЪ каждое животное, отЪ слона до пресмыкающагося, что полезно или вредно его особенному составленію. Чтобы быть столько щастливымЪ, какЪ то сіе внутреннее позволяетЪ разположеніе, животному болѣе ничто не потребно, какЪ слѣдовать сему гласу природы, которая то сладкимЪ привлеченіемЪ удовольствія, то посредствомЪ нетерпѣливаго требованія нужды, чрезЪ прискорбное угроженіе болѣзни оное приманиваетЪ кЪ тому, что ему сносно, или вызываетЪ оное кЪ сохраненію его жизни и его рода, или предостерегаетЪ оное отЪ того, что грозитЪ разрушеніемЪ его существованію. Развѣ одинЪ человѣкЪ долженЪ быть изключенЪ изЪ сего матерняго попеченія; или онЪ одинЪ можетЪ обмануться, когда

онѣ слѣдуетѣ гласу ко всѣмѣ существамѣ глаголющему? Или не есть ли лучше небреженіе и преслушаніе кѣ ея напоминаніямѣ единственною и истинною причиною, для чего среди безконечнаго множества оживотворенныхѣ существѣ человѣкѣ есть единое нещастное.

Природа всѣмѣ своимѣ твореніямѣ впечатлѣла извѣстную простоту, которая свои трудныя приуготовленія и точную правильность скрываетѣ подѣ видомѣ легкости и пріятности. Симѣ самымѣ штемпелемѣ начертаны также законы блаженства, предписанныя человѣку природою. Они просты, легкоизполнительны, ведутѣ прямо и безопасно кѣ своему намѣренію. Наука жить благополучно сдѣлалась бы всеобщею изѣ всѣхѣ наукѣ и купно наилегчайшею, естьли бы люди не привыкли воображать себѣ, „что великихѣ на-

„ мѣ-

„ мѣреній не иначе можно дости-
„ гнуть, какъ чрезъ великія при-
„ уготовленіенія. „ Имъ кажется
весьма просто все, что намъ при-
рода устами премудрости имѣетъ
сказать, должно стекать въ сіи
три напоминанія: „ успокоивай
„ твои нужды; услаждай всѣ твои
„ чувства; убѣгай сколько тебѣ
„ возможно будетъ всѣхъ болѣзнен-
„ ныхъ чувствованій „. Но одна-
ко, любезный мой Калліасъ, малень-
кое вниманіе убѣдитъ тебя, что
въ сихъ трехъ заповѣдяхъ замы-
каются всѣ правила, данныя ею
человѣку для достиженія наисовер-
шеннѣйшаго блаженства, коимъ
смертные могутъ наслаждаться.

Были такіе дураки, которые
съ великимъ трудомъ разыскива-
ли: добро ли удовольствіе, а зло
ли болѣзнь? А были еще большіе
глупцы, которые дѣйствительно
утверждали, что болѣзнь не есть

 зло,

зло, а удовольствiе не добро; а что притомъ всего забавнѣе, что обое нашло дураковъ, которые довольно были глупы, что почитали сихъ дураковъ за мудрецовъ. Удовольствiе, говорятъ они, не есть добро, поелику бываютъ такiе случаи, въ коихъ болѣзнь почитается за величайшее добро; а болѣзнь не есть зло по тому, что она иногда бываетъ лучше веселiя. Сiи игрушки въ словахъ стоятъ ли отвѣта? Какое бы то состоянiе было, которое въ полномъ и всегдашнемъ ощущенiи высочайшаго степеня всѣхъ возможныхъ болѣзней состояло? Когда сiе состоянiе есть величайшее зло, то конечно болѣзнь есть зло.

Но оставимъ сихъ пустомель играть словами, что бы онѣ ни значили. Природа рѣшитъ сей вопросъ, ежели онъ можетъ быть, такимъ образомъ, который никакова

кова не оставляетъ сомнѣнія. Кто бы сыскался такой, который бы не согласился быть уничтоженъ, нежели безпрестанно мучимъ? Кто не смотритъ милѣе на хорошій предметъ, нежели на гнусный? Что мы внятнѣе слушаемъ, пѣніе ли соловья, или крикъ совы? Кто не предпочитаетъ пріятный запахъ и нѣжный вкусъ противному? Да и самъ воздержный Калліасъ не лучше ли бы полюбилъ попокоиться на цвѣточной постелѣ въ розовыхъ объятіяхъ какой нибудь прекрасной нимфы, нежели въ попаляющихъ объятіяхъ мѣднаго кумира, которому набожность нѣкоторыхъ Сирійскихъ народовъ жертвуетъ своими дѣтьми? Столько же мало кажется быть сомнѣнію подверженнымъ, что болѣзнь и удовольствіе столько необщительны, что одной недугомъ зараженной нервы (чувственной жилы) доволь-

вольно сдѣлать насъ нечувствительными къ соединеннымъ прелестямъ всѣхъ роскошей. И такъ отсутствіе всякаго рода болѣзней есть безспорно нужно блаженству: но какъ оно ничего не имѣетъ положительнаго, то оно есть не столько добро, какъ состояніе, въ которомъ мы способны къ наслажденію блага. Сіе наслажденіе есть одно, котораго долговѣчность производитъ состояніе, кое называютъ благополучіемъ.

Это безспорно, что не всѣ роды и степени удовольствія равномѣрно хороши. Одна природа имѣетъ право показывать намъ удовольствія, ею намъ предопредѣленныя. Сколь безконечно ни кажется быть число сихъ пріятныхъ чувствованій; однако легко можно видѣть, что онѣ всѣ либо къ удовольствіямъ чувствъ, или силы воображенія, либо къ треть-

третьему отдѣленію, составленному изъ смѣшенія двухъ первыхъ, принадлежатъ. Удовольствія силы воображенія суть либо напоминанія о прежде вкушаемыхъ чувственныхъ удовольствіяхъ, или средства сдѣлать намъ наслажденіе оныхъ гораздо прелестнѣе, либо пріятные вымыслы и бредни, состоящіе или въ новомъ самоизвольномъ соединеніи пріятныхъ чувственныхъ представленій, или въ вообразимомъ возвышеніи степеней всѣхъ удовольствій, кои мы прежде вкушали. И такъ всѣ удовольствія, естьли точно захочешъ сказать, въ основаніи суть чувственны, когда онѣ хотя безпосредственно, хотя посредствомъ силы воображенія, ни отъ какихъ другихъ, какъ чувственныхъ, произойти могутъ представленій.

Философы говорятъ о удовольствіяхъ духа, о удовольствіяхъ

сердца, о удовольствіяхъ добродѣтели. Всѣ сіи удовольствія суть для чувствъ, или для силы вообраэкенія, или онѣ суть ничто.

Для чего читать Гомера безконечно пріятнѣе, нежели Гераклита? Поелику вымыслы перваго представляютъ чреду картинъ, которыя — или чрезъ собственныя прелести предмета — или чрезъ живность цвѣтовъ — или чрезъ премѣненіе, которое часто возвышаетъ удовольствіе посредствомъ небольшаго смѣшенія съ противными чувствованіями - или чрезъ возбужденіе пріятныхъ движеній — очаровываютъ наше вооброженіе: когда напротивъ того сухія сочиненія Философа ничего намъ не представляютъ, какъ безплодное словосплетеніе, коимъ отвлеченныя означаютъ понятія, о которыхъ себѣ сила воображенія не иначе, какъ съ великимъ принужде-

нужденіемЪ и всегдашнимЪ стараніемЪ смятеніе толикихЪ неопредѣленныхЪ предметовЪ отвратить, можетЪ нѣкоторое сдѣлать представленіе. Это правда, что есть отвлеченныя понятія, кои для нѣкоторыхЪ возторженныхЪ душЪ возхитительны; но какая тому причина? ВЪ самомЪ дѣлѣ только для того, что сила воображенія умѣетЪ ихЪ хитрымЪ образомЪ отѣлѣсить. Всѣ пріятныя идеи сего рода, сколько бы онѣ ни казались безплотны и духовны, то ты найдешЪ, что всякое удовольствіе, которое онѣ дѣлаютЪ твоей душѣ, происходитЪ отЪ чувственныхЪ представленій, коими онѣ сопровождаются. Старайся ты сколько можешЪ представить себѣ БоговЪ безЪ вида, безЪ блистанія, безЪ того, что трогаетЪ чувства; тебѣ будетЪ не возможно. ЮпитерЪ Гомера и Фидія, идея Геркулеса или Тезея, каки-

какими обыкновенно наша сила во-ображенія представляетъ себѣ сихъ ироевъ, идеи сверьхъестественнаго блистанія ихъ окружающаго, красоты превосходящей человѣческую, запаха амброзіи, заступятъ непостижимо мѣсто тѣхъ понятій, какія ты тщетно силишся произвесть; и ты будешъ всегда еще лѣпиться на земномъ шарѣ, когда уже ты думаешъ, что ты паришъ и носишся по Емпирейскимъ странамъ.

Сердечныя удовольствія меньше ли чувственны? Онѣ суть наичувствительнѣйшія. Извѣстный степень оныхъ разпростираетъ сладострастную теплоту по всему нашему существу, оживляетъ обращеніе крови, ободряетъ играніе жилокъ и приводитъ всю нашу машину въ состояніе проворности, которое тѣмъ больше сообщается нашей душѣ, чѣмъ ея

соб-

собственныя естественныя должности найпріятнѣйшимъ чрезъ то облегчаются образомъ. Удивленіе, любовь, желаніе, надежда, состраданіе, всякая нѣжная страсть производитъ больше или меньше сіе дѣйствіе, и бываетъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше приближается къ той роскоши, которую наши предки достойною нашли въ видѣ преображенной красоты, изъ наслажденія коея она произтекаетъ, поставить между богами. Тотъ человѣкъ, котораго другъ его никогда не ввергалъ въ возхищенія подобныя возторженіямъ любви, не имѣетъ права говорить о удовольствіяхъ дружества. Что есть состраданіе, которое побуждаетъ насъ къ благотворенію? Но кто другой къ оному способенъ, какъ сіи чувствительныя души, коихъ око мучится чрезъ воззрѣніе, а слухъ стѣнящимъ гласомъ болѣзни и

бѣдности, и которыя въ самую ту минуту, когда онѣ облегчают нужду нещастнаго, почти чувствуютъ то же удовольствіе, какое бы онѣ ощущали въ то же самое время на его мѣстѣ? Естьли сострадание не есть роскошное чувствованіе, то для чего ничто насъ столько не трогаетъ, какъ страдающая красота? Для чего жалующаяся Федра въ подражаніи выманиваетъ изъ глазъ нашихъ слезы, когда визжащая мерзость въ природѣ возбуждаетъ ничто иное, какъ отвращеніе? Такъ чѣмъ же удовольствія благотворенія и человѣколюбія менѣе чувствительны? То, что въ тебѣ будетъ происходить, когда ты представляешъ себѣ противныя картины печальнаго и радостнаго города, которыя Гомеръ на щитѣ Ахиллесовомъ изображаетъ, рѣшитъ тебѣ сей вопросъ. Тѣ только, которыхъ наслажденіе удоволь-

вольствія приводитЪ вЪ наижи-
вѣйшее возхищеніе, могутЪ столь-
ко быть тронуты улыбающимися
образами общія радости и весе-
лія, что желаютЪ оное видѣть
внѣ себя. Удовольствіе благодѣя-
нія всегда будетЪ относиться кЪ
тому, которое вамЪ взорЪ доволь-
наго лица, радостнаго танцова-
нія, публичнаго увеселенія причи-
няетЪ; и чѣмЪ всеобщѣе сія сце-
на, тѣмЪ больше бываетЪ выго-
да вашего удовольствія. ЧѣмЪ
больше число веселящихся и раз-
личность радостей, тѣмЪ болѣе
бываетЪ роскошь, которою сей
родЪ людей, вЪ коихЪ всякое чув-
ство всякое сердце и душа есть.
И такЪ признаемся, КалліасЪ, что
всѣ удовольствія, которыя намЪ
природа представляетЪ, суть чув-
ственны; и что превысокопаря-
щая, преотвлеченнѣйшая и преду-
ховная сила воображенія не мо-
жетЪ намЪ доставить другихЪ,
кро-

кромѣ сихъ, которыя мы наи-
гораздо совершеннѣйшимъ образомъ
изъ розами увѣнчаннаго стакана
и изъ губъ прекрасной Ціаны со-
сать можемъ.

Это правда, что есть еще
другой родъ удовольствія, кото-
рый при первомъ воззрѣніи, кажет-
ся, изключается изъ моего поло-
женія. Его можно бы назвать ху-
дожественнымъ, поелику мы его
не изъ рукъ природы получаемъ,
но обязаны только благодарностію
нѣкоторымъ вразумленіямъ, полу-
ченнымъ изъ обхожденія съ людь-
ми, чрезъ которыя то, что намъ
сіе удовольствіе дѣлаетъ, полу-
чило знаменованіе добра. Но ма-
лѣйшее размышленіе убѣдитъ
насъ, что сіи вещи не составля-
ютъ никакого другаго рода удо-
вольствія, кромѣ того, которое
вдыхаетъ въ насъ имѣніе денегъ,
на которое бы мы взирали съ
рав-

равнодушіемъ, естьли бы оно не отвѣчало намъ за всѣ дѣйствительныя удовольствія, которыя мы себѣ чрезъ то доставлять можемъ. Помянутаго рода есть то, которое чувствуетъ честолюбивый, когда ему оказанія мнимаго дѣлаются почтенія, кои ему, какъ знаки власти и силы, которую онъ имѣетъ надъ другими, пріятны. Восточный *Самодержецъ* мало безпокоится о *почтеніи* своихъ народовъ: довольно для него невольнической *покорности*. Напротивъ того такой человѣкъ, котораго щастіе зависитъ отъ людей ему равныхъ, принужденъ снискивать ихъ почтеніе. Но сія покорность Самодержавцу, а сіе почтеніе республиканцу для того пріятно, что онѣ подаютъ ему возможность или случай угождать тѣмъ лучше страстямъ и желаніямъ, которыя суть безпосредственные источники удовольствія.

Для чего Алцивіадъ честолюбивъ? Алцибіадъ ищетъ славы, которая прикрываетъ его запрометчивости, его гордость, роскошь его, таскающуюся его багряницу, пиршества и любовныя дѣла, который Аѳинянамъ дѣлаетъ сноснымъ Бога любви вооруженнаго громовою стрѣлою Юпитера видѣть на щитѣ ихъ полководца; который супругѣ Короля Спартанскаго такъ ослѣпилъ очи, что она почитала за честь быть его наложницею (*). Безъ сихъ выгодъ слава и власть были бы для него столько же равнодушны, какъ мелкія мѣдныя деньги Коринѳскому Крезу.

Но скажутъ: естьли сіе справедливо, что удовольствія чувствъ все суть, что природа намъ присуди-

(*) Смотри Плутарха въ жизни Алцибіада.

судила; то что легче и что меньше требуетъ искуства и приуготовленій, какъ быть благополучнымъ? Сколь мало требуетъ природа, чтобъ быть довольнымъ?

Это правда, что необдѣланная природа въ маломъ имѣетъ нужду. Невѣжество есть ея богатство дикаго. Движеніе тѣло его въ бодрости содержащее, пища утоляющая его голодъ, нарочитая или мерзская жена, когда его нетерпѣливость нужды обезпокоиваетъ, тѣнистый дернъ, когда сонъ его склоняетъ, и пещера для безопасности во время ненастья, есть все, что потребно для дикаго человѣка, чтобы въ теченіи осьмидесяти или ста лѣтъ не вообразить только себѣ въ мысли, что больше можно имѣть необходимаго, Удовольствованія силы воображенія и вкуса суть не для него; онъ не больше

 про-

прочихЪ наслаждается животныхЪ, и наслаждается какЪ онЪ. ОнЪ хотя благополученЪ, поелику онЪ не почитаетЪ себя за злощастнаго; однако щастіе его не можетЪ сравниться сЪ щастіемЪ того человѣка, для котораго науки, острота и вкусЪ изобрѣли наипріятнѣйшій способЪ наслаждаться потребностями природы, и безконечное множество забавЪ для чувствЪ и воображенія, о коихЪ природа никакого не имѣетЪ понятія вЪ скотскомЪ состояніи и вЪ такомЪ, которое, какЪ мы думаемЪ, существовало вЪ самыя отдаленнѣйшія времена. Это правда, что сіе соравненіе имѣетЪ только свое мѣсто вЪ состояніи сообщества, которое чрезЪ многое число вѣковЪ возвысилось наконецЪ до извѣстнаго степени совершенства; но вЪ равномЪ состояніи все, что дикій для того только не желаетЪ, поелику сіе

сіе ему безызвѣстно, дѣлается потребностію; и Діогенъ не могъ бы быть въ Коринѳѣ щастливымъ, естьли бы онъ не былъ дуракъ.

Нѣкоторыя стихотворческія головы выдумали злашый вѣкъ, мнимую Аркадію, прелестную пастушью жизнь, которая по ихъ должна держать средину между дикою природою и образомъ жизни изобилія просвѣщеннаго и остроумнаго народа. Они обнажили украшенную природу всѣмъ тѣмъ, что ее украшало, и сіе отвлеченное понятіе назвали они *прекрасною природою.* Но (сверьхъ того, что сія прекрасная природа въ нагой простотѣ, которую ей даютъ, никогда нигдѣ не существовала) кто не видитъ, что образъ жизни злашаго вѣка стихотворцевъ къ тому, который искуствомъ всѣмъ обогащенъ и изукрашенъ, что насъ въ объятіяхъ непрерыв-

ной роскоши отъ досады насыщенія сохранить можетъ, что, говорю я, тотъ стихотворческій образъ къ сему также содержится, какъ образъ жизни самаго дикаго Согдіанца (*) къ оному? Естьли пріятнѣе жить въ спокой-
ной

(*) Согдіанцы были народы дикіе, обитаемые въ знатной части Азіи, между обѣихъ Скиѳій, Маргіаною, Бактріаною и Каспійскимъ моремъ. А теперь границы не довольно извѣстны. Одни почитаютъ, что это надлежитъ быть нынѣ Загараю; другіе полагаютъ землю Узбенскихъ Татаръ; а другіе спорятъ, что Согдіана составляетъ часть королевства Мавералнгара. Между тѣмъ иные, не столько о семъ свѣдущіе, увѣряютъ, что это уѣздъ Азіятской Татаріи, котораго Сармакандъ, столь славный рожденіемъ Тамерлана, есть столица. Надобно признаться, что наши Географическія книги удивительны по причинѣ находимыхъ въ нихъ извѣстностей.

ной хижинѣ нежели въ дуплѣ; то еще спокойнѣе жить въ пространномъ домѣ, снабдѣнномъ изысканнѣйшими и роскошнѣйшими способностями и повсюду изукрашенномъ образами удовольствія.

И когда цвѣтами и лѣнтами разряженная Филлисъ безъ сомнѣнія прелестнѣе замаранной и мерзской дикарки; то не должна ли одна изъ нашихъ красавицъ, которой естественныя прелести возвышены благовыдуманнымъ и блестящимъ уборомъ лучше нравиться Филлиды?

Глава третія.

Духословіе (Психологія) истиннаго вещественника (Матеріалиста).

Мы спрашивали природу, Калліасъ, въ чемъ состоитъ блаженство, ею намъ предопредѣленное?

и мы услышали ея отвѣтъ: „Без-
„болѣзненная жизнь, пріятнѣй-
„шее успокоеніе нашихъ есте-
„ственныхъ нуждъ, и премѣнное
„наслажденіе всѣми родами удо-
„вольствій, коими сила вообра-
„женія, острота, вкусъ и науки
„чувствамъ нашимъ ласкать мо-
„гутъ.„ — Во всемъ семъ, что
человѣкъ требовать можетъ для
своего блаженства, заключается
все. Естьли есть высочайшій родъ
благополучія, то по крайней мѣ-
рѣ можемъ мы быть увѣрены, что
оно не для насъ содѣлано, когда
мы неспособны въ мысли своей
оное представить. Это правда,
что возторженная часть между
почитателями боговъ ласкается
будущимъ блаженствомъ, къ ко-
торому душа по разрушеніи тѣла
достигнуть должна. Душа, гово-
рятъ они, была прежде пріятель-
ница и собѣседница боговъ; она
была такъже, какъ и они, безсмерт-

на, и сопровождала (какъ говоритъ Платонъ въ одномъ изъ своихъ сновъ) крылатую колесницу Юпитерову, чтобы обозрѣть съ прочими безсмертными вѣчныя и нетлѣнныя красоты, коими неизмѣримыя на сферахъ изполнены пространства. Война, возгорѣвшаяся между жителями невидимаго свѣта, запутала ее въ паденіе побѣжденныхъ: она была низвержена съ неба, и заключена была въ темницу скотскаго тѣла, чтобы чрезъ потеряніе прежняго своего веселія въ такомъ состояніи, которое есть цѣпь мученій и болѣзней, загладить свою вину. Неограниченное желаніе, неутолимая жажда о благополучіи, котораго она ни въ какомъ земномъ не находитъ предметѣ, есть единое, что ей къ ея мученію отъ прежняго ея осталось состоянія; да и не возможно достигнуть ей паки сего совершеннаго блажен-

ства, которое только едино может ее успокоить, пока она обратно не возвысится въ первобыточное свое состоянiе, въ чистую духовъ стихiю. И такъ она прежде ни къ какому другому блаженству не способна, какъ къ тому, которое она заслужить можетъ чрезъ самопроизвольное отъ всѣхъ земныхъ вещей отторженiе, чрезъ умерщвленiе всѣхъ земныхъ страстей и отреченiе всѣхъ чувственныхъ увеселенiй. Чрезъ сiе токмо свобожденiе отъ тѣла (обезтѣлесиванiе) можетъ она содѣлаться способною соглядания существенныхъ и божественныхъ вещей, въ которыхъ духи обрѣтаютъ свою единственную пищу и сiе совершенное веселiе, о коемъ чувственные люди не могутъ имѣть никакого понятiя. Такимъ образомъ только можетъ она, очистясь разными степенями очищенiя отъ всего того, что скотско и тѣлесно

сно, паки возвыситься къ превыспренней сферѣ, водвориться съ богами, и препровождать во всегдашнемъ разсужденіи существенной и вѣчной изящности, которой все видимое есть несовершенная тѣнь, вѣчности, столько же неограниченной, какъ и веселіе, въ которомъ она погружена.

Я никакъ не сомнѣваюсь, любезный мой Калліасъ, чтобы не было такихъ людей, у коихъ сія селезенешная болѣзнь довольно высоко возвысилась, что бы сіи понятія не имѣли для нихъ нѣкоторый родъ правды. Да и нѣтъ ничего удобнѣе, какъ чтобы молодые люди живаго чувствованія и пылкаго воображенія уединеннымъ родомъ жизни и недостаткомъ такихъ предметовъ и радостей, въ которыхъ бы сей чрезмѣрный огнь снѣдаться могъ, таковыми высокопарящими химерами не

не были объяты, которыя толико сродны ихъ о удовольствіяхъ зіяющее воображеніе чрезъ нѣкоторый родъ сластолюбія обаять, которое тѣмъ живѣе, чѣмъ смѣшеннѣе и темнѣе очаровывающіе призраки, ими производимые. Но бредни сіи, кромѣ разума своихъ изобрѣтателей и тѣхъ, коихъ воображеніе столько щастливо, что можетъ лѣтать за ихъ слѣдами, имѣютъ ли нѣкоторую истину или дѣйствительность, есть вопросъ, котораго рѣшеніе, естьли препоручится здравому разуму, не выдетъ въ ихъ пользу? Чему другому, какъ не невѣжеству и суевѣрію древняго свѣта, обязаны благодарностію Нимфы и Фавны, Наяды и Тритоны (а), Фуріи и являющіяся тѣни усопшихъ, своею мнимою дѣйствительностію и бытіемъ? Чѣмъ лучше на-

(а) Нимфы были Богини.

научаемся мы познавать сей вещественной свѣтъ, тѣмъ болѣе стѣсняются предѣлы царства духовъ. Я не хочу теперь изслѣдовать, похоже ли это на правду, чтобы духовенство, изкони толь многочисленный составляющее между смертными орденъ, открыло начало великой пользы, которую можно бы было получать отъ сей склонности людей къ чудному и отъ ихъ сильнѣйшихъ страстей, *страха* и *надежды*. Мы остаемся при самой вещи. На чемъ основывается высокая теорія, о которой мы говоримъ? Видалъ ли кто когда сихъ боговъ, сихъ духовъ, коихъ бытіе она предполагаетъ? Кто изъ смертныхъ помнитъ, чтобы онъ нѣкогда безъ тѣла парилъ по воздушнымъ странамъ, провождалъ крылатую колесницу Юпитерову, и пилъ съ богами нектаръ? Какое мы шестое или седьмое чув-

ство

ство имѣемъ, чтобы разпознавать дѣйствительность предметовъ, коими населяютъ свѣтъ духовъ? Не внутреннія ли это наши чувства? Что онѣ такое, какъ возможность силы воображенія дѣйствіямъ внѣшнихъ подражать чувствъ? Что видитъ внутренній глазъ слѣпородившагося? Что слышитъ внутренній слухъ глухимъ родившагося? Или что суть иное высокія сцены, въ которыхъ воображеніе изступаетъ и заблуждается, какъ новыя соединенія имъ точно наподобіе дѣвицы сооружаемыя, которая разсыпанные по цвѣтнику собирая цвѣты плететъ вѣнокъ; или высочайшіе степени того, что чувства дѣйствительно ощущали, о которомъ однако остается всегда оно неспособнымъ сдѣлать ясное нѣкоторое представленіе. Поелику что мы чувствуемъ при воздушномъ сіяніи, или при благовоніяхъ

благо-

благоухаемыхъ амброзіею Гомеровыхъ боговъ? Мы видимъ, естьли я могу такъ сказать, тѣнь сіянія въ нашемъ воображеніи; мы думаемъ ощущать пріятный запахъ: но мы не видимъ дѣйствительно никакого воздушнаго блеска, и не обоняемъ никакого духа амброзіи. Однимъ словомъ, запрети творцамъ чрезъестественныхъ міровъ употреблять земныя и чувственныя вещества (матеріалы); то ихъ міры (чтобы употребить одно изъ ихъ выраженій) вдругъ паки упадутъ въ нѣдро ничтожества, изъ коего они извлечены. Намъ не надобно еще другаго доказательства, чтобы учинить всю теорію подозрительною, кромѣ предписаннаго намъ сими высокими Архитекторами способа къ достиженію сего таинственнаго благополучія, которому мы посвятимъ тотъ, который намъ представитъ природа

да и наши чувства. Намъ надобно отъ видимыхъ вещей отстать, чтобы увидѣть невидимыя; мы должны перестать чувствовать, чтобы намъ тѣмъ живѣе можно было бредить. Заткните ваши чувства, говорятъ они намъ, то вы увидите такія вещи и услышите то, о чемъ сіи скотскіе люди, которые, подобно скотамъ, глазами видятъ и ушами слышатъ, не могутъ имѣть никакого понятія. Превосходная по истинѣ діета! ученики Иппократа докажутъ тебѣ, что не можно лучшей ни предписать, ни изобрѣсть, чтобы сдѣлаться безумнымъ.

И такъ весьма имовѣрно кажется, что всѣ сіи духи, сіи міры, ими обитаемые, и сіи блаженства, которыя надѣются по смерти съ ними раздѣлять, не больше имѣютъ истины, какъ Ним-

Нимфы, Боги любви и Грацiи стихотворцевъ, какъ сады Гесперидскiе и острова Цирцеи и Калипсы; однимъ словомъ, какъ всѣ сiи игры силы воображенiя, насъ увеселяющiя, которыя мы не почитаемъ за дѣйствительныя. Вѣра нашихъ отцевъ повелѣваетъ намъ вѣрить, что былъ Юпитеръ и Венера. Очень хорошо; но какое представленiе дѣлаютъ намъ объ нихъ? Каждый признаетъ, что не возможно, сего Бога и сiю богиню совершеннѣйшимъ выразить образомъ, какъ въ Праксителѣ и Фидiи случилось. Однако Юпитеръ Фидiйскiй есть ничто иное, какъ ироическiй мужъ, а Венера Праксителева не болѣе, какъ прекрасная женщина. О богѣ и богинѣ въ Грецiи ни одинъ человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятiя. Намъ обѣщается по смерти безсмертная у боговъ жизнь; но понятiя, кото-

рыя мы объ ономъ себѣ дѣлаемъ, составлены или изъ чувственныхъ сластолюбій, или изъ тонкихъ и нѣжныхъ веселій вкушенныхъ нами въ сей жизни. И такъ ясно, что мы никакого яснаго понятія не имѣемъ о жизни духовъ и о ихъ веселіяхъ. Однако я симъ не хочу отрицать, чтобы не могли быть, или дѣйствительно есть боги, духи, или совершеннѣйшія, нежели мы, существа. Все, что мои заключенія кажутся доказывать, состоитъ въ томъ, „Что мы „неспособны сдѣлать себѣ о нихъ „истиннаго понятія и представле-„нія, или коротко, что мы объ „нихъ ничего не знаемъ.„ А естьли мы ничего не вѣдаемъ ни о ихъ состояніи, ни о ихъ природѣ; то не все ли для насъ равно, какъ будто бы ихъ совсѣмъ не существовало? Анаксагоръ доказывалъ мнѣ нѣкогда со всякимъ возторженіемъ звѣздочетца, что луна имѣетъ жителей. Мо-

Можетъ быть онъ говорилъ правду. Но что суть сіи лунообитатели для насъ? Думаешъ ли ты, чтобы Филиппъ имѣлъ хотя малѣйшій страхъ, что Греки позовутъ ихъ къ себѣ противу его на помощь? Положимъ, что въ лунѣ есть жители; но она для насъ ни больше ни меньше, какъ пустое, гладкое и блестящее стекло, освѣщающее наши ночи и размѣряющее наше время. А естьли вещи сіи такого состоянія, да и не возможно имъ быть другимъ образомъ; то не безумно ли планъ своея жизни основывать на химерахъ, и отъ блаженства, коимъ бы дѣйствительно наслаждаться можно отречься, чтобы питать себя неизвѣстными надеждами? Лишиться плода своего существованія чрезъ всю свою жизнь въ надеждѣ почитаться за то безвреднымъ, когда болѣе престанешъ быть! Поелику, что мы теперь

живемъ, и что жизнь сія окончит-ся, то мы это конечно знаемъ: а начнется ли послѣ сея другая, то менѣе извѣстно; да хотя бы и извѣстно было, однако невозможно отношеніе оной опредѣлить къ настоящей жизни, когда мы не имѣемъ никакого средства сдѣлать себѣ объономъ истинное понятіе. . . . И такъ, любезный мой Калліасъ, утвердимъ чертежъ нашея жизни на томъ, что мы знаемъ и вѣдаемъ. Мы видѣли, что такое есть щастливая человѣческая жизнь; однако поищемъ правѣйшаго и безопаснѣйшаго пути, по которому бы мы къ оной достигнуть могли.

Глава

Глава четвертая,

Въ которой Гиппіасъ лучшія дѣлаетъ заключенія.

Я уже примѣтилъ тебѣ, что блаженство, котораго мы ищемъ, имѣетъ только свое мѣсто въ состояніи общества, возвысившагося уже до нѣкотораго степени совершенства. Въ такомъ обществѣ разверзаются всѣ сіи различныя дарованія, которыя въ дикомъ человѣкѣ, котораго нужды толико ограничены, живетъ столько уединенно и столь мало имѣетъ страстей, способности остаются всегда праздными. Введеніе собственности, неравенство имѣній и состояній, бѣдность однихъ, изобиліе, роскошь и лѣность другихъ, сіи суть истинные Боги наукъ и художествъ, Меркуріи и Музы, коимъ мы оныхъ изобрѣтеніемъ, или по крайности усовершенствомъ, обязаны благодарно-

 стію.

стію. Коль многіе люди должны соединить свои попеченія для удовлетворенія единаго богатаго! Одни удобряютъ его поля и разводятъ винограды; другіе насаждаютъ его увеселительные сады; иные обработываютъ марморъ для созиданія его палатъ; тысячи прочихъ преплаваютъ Океанъ для привезенія богатствъ чужихъ земель; тамъ тысячи упражняются въ приуготовленіи шелка и пурпура для его одѣянія, ковровъ для подстиланія подъ его ноги, обоевъ для украшенія его покоевъ, дорогихъ сосудовъ, изъ коихъ онъ ѣстъ и пьетъ, и мяхкой постели, на которой наслаждается роскошнымъ спокойствіемъ; здѣсь тысячи напрягаютъ остроту свою, препровождая ночи въ безсонницѣ, для изобрѣтенія для него новыхъ приличностей, новыхъ роскошей, и легчайшаго и пріятнѣйшаго образа для отправленія легчайщихъ и пріят-

пріятнѣйшихъ должностей наложенныхъ на насъ природою, и чрезъ чарованіе искуства, которое самымъ простымъ вещамъ придавать умѣетъ видъ новости, отгонять его отвращеніе и возбуждать его удрученныя наслажденіемъ чувства. Для него работаетъ живописецъ, музикантъ, стихотворецъ, актеръ, и преодолѣваетъ безконечныя затрудненія для приведенія въ совершенство художествъ умножающихъ число его увеселеній. Но всѣ сіи люди, трудящіеся для благополучнаго человѣка, дѣлали ли бы это, естьли бы не желали сами быть щастливыми? Для кого работаютъ они, какъ не для того, который можетъ наградить ихъ трудъ, принимаемый ими для споспѣшествованія его забавамъ? Самъ Персидскій Царь не довольно бы силенъ былъ принудить Зевксиса нарисовать себѣ Леду. Одна только

ко волшебная сила золота, которому общее соглашение обходительныхъ народовъ приписало цѣну всѣхъ полезныхъ и пріятныхъ вещей, можетъ разумъ и прилѣжаніе отдать Мидасу (а) въ невольничество, который безъ своихъ сокровищь едва ли уповательно удостоил-

(а) Мидасъ былъ Царь Фригійскій. Онъ угостилъ Бахуса весьма великолѣпно. Богъ сей въ возмѣздіе за сіе обѣщалъ ему все то для него сдѣлать, что онъ ни попроситъ. Мидасъ, который былъ по видимому склоненъ къ сребролюбію, желалъ, чтобы все то, къ чему онъ ни прикоснется, обращалось въ золото. Однако скоро онъ въ семъ разкаялся: самая его пища приняла свойство золота; изрядная тайна, и желательно, чтобы другой Бахусъ научилъ нашихъ Алхимистовъ до нѣкотораго сему степени! Впрочемъ Аполлонъ разсердяся приставилъ Мидасу ослиные уши за то, что онъ сдѣлался неправеднымъ судіею, и сказалъ, будто Панъ и Марсій пѣли лучше его.

стоился разтирать краски у работающаго на него живописца. И такъ искуство снискивать себѣ средства къ достиженію благополученія уже найдено, любезный мой Калліасъ, какъ скоро нашли мы искуство получать довольное количество отъ сего Философскаго камня, который намъ всю подвергаетъ природу, который милліоны изъ равныхъ намъ дѣлаетъ добровольными нашея роскоши невольниками, который намъ изъ каждой хитрой головы дѣлаетъ услужливаго Меркурія, и чрезъ сіяніе златаго дождя въ каждой красотѣ находить допускаетъ Данаю. Искуство обогатиться, Калліасъ, въ основаніи есть ничто иное, какъ искуство завладѣть собственностію другихъ людей съ ихъ доброй воли. Самодержавіе подъ прикрытіемъ предразсужденія сходнаго довольно съ тѣмъ, съ которымъ Египтяне

обоготворяютъ крокодила, имѣетъ въ семъ случаѣ необычайныя выгоды. Когда права его простираются такъ далеко какъ его власть, и сія власть не ограничена никакими должностями, поелику его никто не можетъ принудить оныя исполнять; то можетъ онъ присвоить имущество своихъ подданныхъ, не безпокояся о томъ, изъ доброй ли то ихъ воли произходитъ. Ему не стоитъ никакого труда снискать неизщетныя богатства; и на разточеніе отъ неумѣренной роскоши милліона въ одинъ день надобно ему только часть народа, недостатками на вѣчную работу осужденнаго, посадить въ тотъ день на хлѣбъ да на воду. Но выгодэ сія весьма только малой части изъ смертныхъ достаться можетъ, и впрочемъ не такого свойства, чтобы мудрый человѣкъ ей завидовалъ. Удовольствіе преста-

стаетъ быть удовольствіемъ, естьли оно переступаетъ извѣстный степень. Неумѣренность чувственныхъ роскошей разрушаетъ орудія чувствованія; излишество увеселеній силы воображенія повреждаетъ вкусъ истинной изящности, когда для чрезмѣрныхъ желаній ничто не можетъ быть прелестно, что заключено въ отношеніяхъ и равновѣсіи природы. Отсюда произходитъ обыкновенная участь Возточнаго Князя, запертаго въ стѣнахъ своея серали, погибнуть въ объятіяхъ сладострастія отъ насыщенія и отвращенія. Онъ умираетъ отъ скуки, хотя между тѣмъ напрасно сладкими Арабскими накуриваютъ для него благовоніями, хотя блестятъ предъ нимъ душистыя въ кристальныхъ сосудахъ неприкушанныя вина, хотя тысячи красотъ, изъ коихъ каждая

бы въ Пафосѣ (*) получила жертвенникъ, всѣ свои любовію воспаленныя разточаютъ тщетно искуства для возбужденія уснувшихъ его чувствъ, и десятки тысячь невольницъ усердствуютъ на перерывъ, вымышляя неслыханныя и чудныя роскошства, которыя бы способны быть могли по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ обольстить разженное воображеніе сего злощастнаго щастливца. И такъ мы болѣе имѣемъ причины, нежели обыкновенно думаютъ, благодарить природу, что она насъ ввергнула въ такое состояніе, въ которомъ мы веселіе обязаны покупать трудами, и прежде научиться умѣрять наши страсти, нежели достигнуть благополучія, которымъ бы мы не могли безъ сего наслаждаться воздержанія.

Но

(*) Пафосъ городъ острова Кипра, славный по храмѣ посвященномъ Венерѣ.

Но когда деспоты и разбойники суть единые, коимЪ позволено (однако сЪ опасностію для нихЪ) завладѣвать силою имуществомЪ другихЪ; то тому, который изЪ состоянія недостатка и зависимости выдраться хочетЪ, не остается ничего другаго, какЪ сни„скать искуство споспѣшество„вать пользѣ и удовольствію лю„бимцевЪ щастія." А чтобы имѣть вЪ семЪ удачу, то есть разные образы, изЪ коихЪ нѣкоторые сохранены для разумнаго человѣка сЪ выключеніемЪ всѣхЪ прочихЪ, и они раздѣляются по ихЪ различной цѣли на два класса, изЪ коихЪ одинЪ имѣетЪ предметомЪ пользу, а другой увеселеніе знатнѣйшей части государства. Первый, заключающій вЪ себѣ знаніе правленія и военное искуство, кажется естественно имѣть мѣ-

сто въ вольныхъ областяхъ (*); но другой не имѣетъ никакихъ границъ, кромѣ степени богатства и роскоши каждаго народа, какого бы рода правленіе его ни было. Въ бѣдныхъ Аѳинахъ добрый полководецъ безконечно выше почитался, нежели добрый живописецъ. Напротивъ въ богатыхъ и роскошныхъ Аѳинахъ мало безпокоятся о изысканіи, кто способнѣе другаго предводительствовать войскомъ. Есть важнѣйшія рѣшить вещи. Вопросъ состоитъ въ томъ, которая между нѣсколькими танцовщицами имѣетъ искуснѣе ноги, и лучше дѣлаетъ прыжки? Праксителевой ли работы Венера прекраснѣе или Алкменовой? Отсюда произходитъ, что искуства разума (genie) перваго класса сами по

(*) Гиппіасъ говоритъ здѣсь какъ человѣкъ не имѣвшій никакого понятія о утвержденномъ на основаніи и съ вольностію народа весьма сходномъ.

по себѣ ведутъ рѣдко къ богатству. Великія дарованія, великія заслуги и добродѣтели, къ тому потребныя, находятся только обыкновенно въ бѣдныхъ и желающихъ возвыситься республикахъ, которыя за все, что для нихъ ни дѣлается, платятъ только лавровыми вѣнками. Но въ областяхъ, гдѣ богатство и роскошь уже выиграли первенство, нѣтъ никакой нужды во всѣхъ сихъ талантахъ и добродѣтеляхъ, которыхъ кажется требуетъ наука правленія. Можно въ такихъ областяхъ не бывши Солономъ давать законы, и предводительствовать войсками не бывши Леонидомъ или Ѳемистокломъ. Периклъ, Алцибіадъ управляли въ Аѳинахъ государствомъ и предводительствовали народами; хотя тотъ былъ только витія, а сей не имѣлъ никакихъ дарованій, кромѣ искуства обладать сердцами.

„Въ

„ Въ таковыхъ республикахъ имѣ-
„ етъ народъ тѣ свойства, ко-
„ торыя въ деспотическомъ госу-
„ дарствѣ имѣетъ одинъ человѣкъ,
„ который никакъ не невольникъ;
„ ему надлежитъ только нравить-
„ ся, чтобы ко всему быть най-
„ дену способнымъ. „ Периклъ го-
сподствовалъ, не нося наружные
знаки царскаго достоинства, столь-
ко же неограниченно въ свобод-
ныхъ Аѳинахъ, какъ Артаксерксъ
въ подданнической Азіи. Дарова-
нія его и знаніе, перенятое имъ у
прекрасной Аспазіи, снискали ему
родъ преимущества, которое
тѣмъ было неограниченнѣе, что
уступлено ему было довольно.
Знаніе возбудить о себѣ великое
мнѣніе, знаніе увѣрять, знаніе
пользоваться тщеславіемъ Аѳин-
цевъ и управлять ихъ страстя-
ми, составляли всю его науку
касающуюся до правленія. Онъ
запуталъ республику въ неправед-
ныя

ныя и нещастливыя войны, онъ изтощилъ общую казну, онъ раздражалъ союзниковъ насильственнымъ отнятіемъ, а тѣмъ самымъ не оставлялъ времяни народу примѣчать точнѣе за симъ хорошимъ правленіемъ. Онъ построилъ для него театральные домы, показывалъ ему хорошіе изтуканы и картины, забавлялъ его танцовщицами и музыкантами, и приучилъ его такъ изрядно къ перемѣнѣ сихъ забавъ, что представленіе новой піесы, или соперничество между нѣкоторыми игроками на свирѣляхъ сдѣлались наконецъ государственными дѣлами, и заставляли забывать истинно до онаго касающіяся. За пятьдесятъ лѣтъ только ранѣе почли бы Перикла язвою республики; но тогда Периклъ былъ Аристидомъ. Въ то время, въ которомъ онъ жилъ, Периклъ, каковъ онъ ни былъ, былъ великой человѣкъ въ республикѣ.

Мужъ сей возвелъ Аѳины на высочайшій степень могущества и славы, которыхъ она способна была достигнуть. Мужъ сей, котораго время почтется золотымъ возрастомъ Музъ во всѣхъ будущихъ столѣтіяхъ; и, что для него самого важнѣйшимъ было, то мужъ сей, для котораго природа казалось соединила Еврипидовъ и Аристофановъ, Фидіевъ, Зевксовъ, Дамоновъ и Аспазіевъ, чтобы учинить особенную его жизнь столько же пріятною, сколько блистательна была открытая его жизнь. Искуство управлять воображеніемъ людей, преклонять по нашему произволенію тайныя и отъ нихъ самихъ сокровенныя побужденія ихъ движеній, и дѣлать ихъ орудіями нашихъ намѣреній въ то самое время, когда мы ихъ заставляемъ думать, что мы ихъ намѣреній орудіе, есть безъ сомнѣнія искуство для

ихъ

ихъ обладателя полезное, и сіе-то *есть наука*, *которой Софисты учатъ и упражняются*, наука, которой они обязаны благодарностію за власть, независимость и за щастливые дни, коими они наслаждаются. Ты можешъ себѣ легко представить Калліасъ, что сей наукѣ не въ нѣсколько часовъ научишъ и научишся; но мое теперь намѣреніе только въ томъ состоитъ, чтобы внушить тебѣ о томъ общее понятіе.

То, что называется *мудростію Софистовъ*, есть способность употреблять людей такъ, чтобы они склонны были способствовать нашему удовольствію, или вообще быть орудіями нашихъ намѣреній. *Краснорѣчіе*, которое имя сіе заслуживаетъ тогда, когда оно въ состояніи слушателей, кто бы они ни были, во всемъ увѣрить, что намъ

угодно, и ввергнуть въ каждый степень каждой страсти, нужной къ нашему намѣренію; такое краснорѣчіе безспорно есть необходимое орудіе и главное средство, чрезъ которое Софисты достигаютъ своея цѣли. Учители стараются молодыхъ людей сдѣлать Ораторами; Софисты дѣлаютъ больше: они учатъ ихъ быть уговорителями, есть ли мнѣ позволено сіе употребить слово. Въ семъ единственно состоитъ пышность ихъ знанія, которымъ можетъ быть еще никто не обладалъ въ такомъ степени, какъ Алцибіадъ, который въ наши времена столько заслужилъ почтенія. Мудрый употребляетъ сіе увѣрительное дарованіе въ высокихъ только намѣреніяхъ. Алцибіадъ оставляетъ Антифону (*) стараться

(*) Антифонъ, славный Ораторъ. Онъ былъ изъ Рамна, что въ Аттикѣ. Онъ былъ

ся о вычищенiи искусно разположенной рѣчи; а самъ между тѣмъ уговариваетъ своихъ соотчичей, что столь любви достойный мужъ, какъ Алцибiадъ имѣетъ право все то дѣлать, что ему угодно. Онъ уговариваетъ Лакедемонянъ предать забвенiю, что онъ былъ ихъ непрiятель, и что при первомъ случаѣ сдѣлается паки таковымъ; онъ уговариваетъ ихъ Царицу Тимею (а) переспать съ собою;

 и

былъ первый, который искуство говорить предъ судомъ привелъ въ извѣстное совершенство. При томъ выхваляютъ его, что онъ слушателей своихъ во всемъ, въ чемъ бы ни похотѣлъ, могъ уговорить. Однако онъ, будучи обвиненъ въ государственномъ дѣлѣ, не могъ упросить у Аѳинцовъ о помиловании себя, хотя Ѳукидидъ, ученикъ его, бывшiй при семъ, увѣряетъ, что уголовнаго дѣла никто никогда лучше не говаривалъ.

(а) Тимея была супруга Царя Агиса. Алцибiадъ имѣлъ отъ нее сына, имянемъ

и Намѣстники Великаго Царя Персидскаго думаютъ, что онъ въ то время хочетъ измѣнить Аѳинцамъ, когда онъ уговариваетъ Аѳинцовъ, что они наносятъ ему, обиду почитая его измѣнникомъ. Сія увѣрительная сила предполагаетъ въ одно время нужное искуство принимать на себя всякій видъ, чрезъ который бы мы могли нравиться тому, на кого стремятся наши намѣренія, искуство увѣриться о сокровеннѣйшихъ сердца его путяхъ, льстить его страстямъ, а естьли за нужное почитаемъ, то оныя возбуждать, одну другою подкрѣплять, или приводить въ изнеможеніе, или совсѣмъ уничтожать. Увѣреніе требуетъ еще учтивости, которая нравоучителями называется лесть; но названіе сіе тогда токмо

немъ Леотихида, котораго Царь зная, что не онъ его отецъ, не хотѣлъ признать.

мо она заслуживаетъ, естьли она употребляется ханжами, желающими осадить столъ богатыхъ. — Учтивость сія раждается изъ глубокаго познанія человѣка, и совсѣмъ противное смѣшной спѣси тѣхъ сумазбродовъ, которые ищутъ переговорить, что люди не таковы, каковыми бы желали имъ быть сіи странные законодатели; однимъ словомъ, та учтивость, безъ которой можетъ быть возможно снискать почтеніе отъ людей, а никогда ихъ любви; поелику мы можемъ любить только тѣхъ, которые намъ подобны, которые имѣютъ нашъ вкусъ, или по крайней мѣрѣ кажутся имѣть, и столько ревностны къ поспѣшествованію нашего удовольствія, что уподобляются въ семъ Милетской Аспазіи, которая даже до конца пребыла въ милости у Перикла: она достигши до такихъ лѣтъ, въ которыхъ обыкновенно

любятъ только душу въ женщинахъ, удалилась въ границы Платоническія любви, а плотскую роль оставила играть другимъ (*). Я читаю въ твоихъ глазахъ, любезный мой Калліасъ, всѣ возраженія, приуготовляемыя тобою противу сихъ знаній, которыя дѣйствительно столь худо согласуются съ предразсужденіями, кои обыкъ ты почитать за правила. Это правда, что знаніе жить, которому Софисты учатъ, основано на понятіяхъ изряднаго и хорошаго въ нравственномъ смыслѣ,

(*) Мы не могли найти учтивѣйшаго выраженія для снизхожденія, въ которомъ Аспазія нѣкоторымъ сочинителемъ комедіи, Гермиппусомъ, открыто обвиняется. Плутархъ и его честный Греческій переводчикъ Аміотъ говорятъ безъ околичностей, что она служила сводчицею Периклу, принимая въ домѣ къ себѣ гражданокъ, съ коими бы Периклъ наслаждался.

слѣ, которыя совсѣмъ различны отъ твоихъ. Сіе мнимое изрядство, сія добродѣтель, сіе особенное благополучіе, составляющія твое удовольствіе, никакъ не вошли еще въ ихъ разумъ. Но естьли ты не такъ скучился слушать меня, какъ я ослабѣлъ болтать; то я думаю, что не трудно будетъ тебя убѣдить, что сія мнимая изящность и сія мысленная добродѣтель съ сими баснословными духами, о коихъ мы говорили, принадлежатъ къ одному классу и не дѣйствительнѣе ихъ.

Глава пятая.

Сокращенный Антиплатонизмъ.

Что такое изрядное? что такое хорошее? Прежде отвѣта нашего на сіи вопросы должны мы, кажется мнѣ, прежде спросить: что такое есть, что люди называютъ изрядно и хорошо.

Мы начнемъ съ изряднаго. Какая безконечная въ понятіяхъ разность, содѣлываемая у разныхъ земнаго шара народовъ о изрядствѣ! Весь свѣтъ согласенъ въ томъ, что изрядная женщина есть самое лучшее между всѣми твореніями природы. Но какой ей должно быть, чтобы почитаться за совершенную въ своемъ родѣ красоту? Здѣсь начинается противорѣчіе. Представь себѣ собраніе столькихъ любовниковъ, сколько находится многоразличныхъ государствъ подъ различными климатами; то извѣстно, что всякій утверждать будетъ преимущество своея любовницы предъ другими. Европеецъ предпочтетъ ослѣпляющую съ нѣжнымъ розовымъ цвѣтомъ смѣшанную бѣлизну; Арабъ отдастъ цѣну черному цвѣту; Грекъ прельстится малинкими устами, грудью, которую такъ сказать закрыть можно

ла-

ладонью, и пріятною сразмѣрностію нѣжнаго стана; Африканецъ полюбитъ лучше плоскій носъ и надутые толстокрасноватыя губы; Персіяниномъ овладѣть могутъ большіе глаза и гибкій ростъ; а Серерца (*) очаровать удобны малинкіе глаза, круглый животъ и почти круглые ноги. Не то же ли значитъ самое изрядство въ нравоучительномъ смыслѣ, и то, что называется сходство? Спартанскія дѣвицы не стыдятся показываться въ такомъ одѣяніи, кото-

(*) Серерцы, или Серы, жители обширной земли сего имяни между горою Имаусъ и Китаемъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ сказываютъ, что она составляла часть древней Скиѳіи; а другіе спорятъ, что она отдѣльна была отъ оной. Ее полагаютъ нынѣ въ нѣкоторой изъ границъ великой Татаріи. Это удивительная вещь, что такое несогласіе царствуетъ между нашими Географами.

которое въ Аѳинахъ обезчестило бы и самую подлую и презрѣнную женщину. Въ Персіи госпожа, которая обнажитъ въ открытомъ мѣстѣ свое лице, почтется за такую же, за какую въ Смирнѣ женщина показавшаяся совсѣмъ безъ всякой одежды. У Возточныхъ народовъ требуетъ благопристойность множественныхъ уклонностей и покорныхъ поступокъ, содѣлываемыхъ къ тѣмъ особамъ, коимъ они хотятъ оказать свое почтеніе; но у Грековъ почлась бы сія учтивость за столько же гнусное выраженіе низкости и знакъ невольничества, сколько Аттическая вѣжливость показалась бы въ Персеполѣ грубою и мужицкою. Въ Греціи свободнорожденная потеряла свою честь, естьли допуститъ другаго, кромѣ своего мужа, развязать дѣвственный поясъ, подающій довольно сомнительный о ея непоро-

порочности знакъ; но у нѣкоторыхъ по ту сторону Гангеса живущихъ народовъ тѣмъ дѣвица преимущественнѣе, чѣмъ больше имѣла любовниковъ, выхваляющихъ прелести ея изъ опыта. Разность сія понятій о нравственной изящности показывается не только въ особенныхъ употребленіяхъ и обычаяхъ разныхъ народовъ, о чемъ до безконечности умножаются примѣры, но еще въ самомъ понятіи, которое они вообще имѣютъ о добродѣтели. У Римлянъ добродѣтель и храбрость имѣютъ одинакое значеніе; а у Аѳинянъ заключаетъ въ себѣ слово сіе, добродѣтель, всѣ роды полезныхъ и пріятныхъ свойствъ; въ Спартѣ не знаютъ никакой другой добродѣтели, кромѣ повиновенія къ законамъ; въ самодержавныхъ государствахъ, кромѣ невольническаго повиновенія къ Монарху и его Намѣстникамъ; на

Каспій-

Каспійскомъ моръ всѣхъ добродѣтельнѣе тотъ, кто умѣетъ лучше грабить и побилъ знатное число непріятелей; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи тотъ только достигъ высочайшей добродѣтели, который, по ихъ мнѣнію, совершеннымъ недѣйствіемъ, дѣлаетъ себя подобнымъ богамъ. И такъ что слѣдуетъ изъ всѣхъ сихъ примѣровъ? Есть ли что само въ себѣ изрядно и справедливо? Но нѣтъ ли какого извѣстнаго образца, по которому бы то, что изрядно или нравоучительно, долженствовало быть разсуждаемо? Посмотримъ. Естьли есть такой образецъ, то онъ долженъ быть въ природѣ. Поелику ето бы дурачество было, воображать себѣ, что Пигмаліонъ могъ вырѣзать статую прекраснѣе Фринеи, которая, что бы сдѣлать всю Грецію судьею своея красоты, осмѣлилась посреди Олимпійскихъ игръ

игрѣ представиться въ такомъ же нарядѣ, въ какомъ три богини спорились о преимуществѣ своихъ изящностей. Венера каждаго народа есть ничто иное, какъ образъ тоя женщины, у которой по общему разсужденію сего народа найдется природной или національной красоты въ высочайшемъ степени. Но которая изъ столь многоразличныхъ моделей сама въ себѣ прекраснѣе? Безъ сомнѣнія Грекъ вступится спорить за свою краснолицую, Арапъ за свою черномазую, Персіянинъ за свою поджарую, а Сереръ за свою полновѣсную съ трояким подбородкомъ Венеру. Но кто же это рѣшитъ? Дай изпытаемъ. Положимъ, что учреждено общее собраніе, въ которое каждое государство прислало самаго лучшаго мущину и самую лучшую женщину, яко образцы національной красоты; и между всѣми сими соперни-

никами красоты оставить выборъ лучшаго мущины женщинамъ, а выборъ лучшія женщины мущинамъ. Предположа сїе, говорю я, тотчасъ бы изъ всѣхъ прочихъ отличили тѣхъ, которые подъ сими прїятными и умѣренными родились климатами, гдѣ природа обыкновенно придаетъ всѣмъ своимъ творенїямъ нѣжнѣйшую въ видѣ сразмѣрность и прїятнѣйшее въ цвѣтахъ смѣшенїе. Поелику преимущественная красота природы въ умѣренныхъ поясахъ простирается отъ человѣка до произрастенїй. Между сими избранными въ обоихъ полахъ было бы можетъ быть преимущество долго сомнительно; однако наконецъ между мущинами получилъ бы цѣну тотъ, у котораго соотчичей гимнастическія упражненія сильнѣе и доведены до высочайшаго степени совершенства, и всѣ бы съ своей стороны мущины

щины единогласно провозгласили прекраснѣйшею между красавицами ту, которая прислана отъ народа поставляющаго главною цѣлію при воспитаніи дочерей наивозможнѣйшее изправленіе и воздѣланіе естественной красоты. И такъ уповательно, что Спартанецъ признанъ бы былъ за прекраснѣйшаго мужщину, а Персіянка за прекраснѣйшую женщину. Грекъ, предпочитающій пріятность красотѣ, поелику Греческія женщины больше прелестны, нежели хороши, не менѣе бы признался въ то самое время, когда сердце его отдаетъ преимущество дѣвицѣ Пафской или Милеткѣ, что Персіянка прекраснѣе. Самое сіе сдѣлалъ бы и Серeръ, хотя бы онъ троякій подбородокъ и брюхо своея соотченки нашелъ прелестнѣе. Вѣроятно что сіе имѣетъ помянутое сходство съ нравственнымъ изрядствомъ. Сколько велика раз-

 ность

ность понятій подъ разными поясами, какъ въ разсужденіи сего, такъ и въ разсужденіи красоты; однако съ трудомъ можно отрицать, что бы нравы онаго государства, которое всѣхъ остроумнѣе, веселѣе, обходительнѣе и пріятнѣе, не имѣли преимущесства красоты. Непринужденная и плѣняющая учтивость Аѳинца должна быть каждому чужеземцу пріятнѣе, нежели сразмѣрная, важная и преизполненная церемоніями вѣжливость жителя Возточныя земли. Обязательный взглядъ, дружелюбный видъ, который умѣетъ тотъ придать своимъ малинькимъ дѣйствіямъ, должны получить предъ упорною важностію Персіянина, или грубымъ добросердечіемъ Скиѳа такое же преимущество, какое Смирнской госпожѣ уборъ, который ниже совсѣмъ сокрываетъ, ниже открываетъ зрѣнію ея красоту, долженъ имѣть

предъ

предъ обитательницею Возточныя земли, закрытою личиною, или предъ скотскою наготою дикарки.

И такъ образецъ просвѣщеннѣйшаго и обходительнѣйшаго государства кажется быть истиннымъ правиломъ нравственнаго изрядства или приличности (decorum). Аѳины и Смирна суть училища, въ которыхъ должно изображать свой вкусъ и свои нравы.

Но обрѣтши правило для изряднаго, какою стезею слѣдовать намъ, чтобы снискать правило, по которому узнается то, что справедливо? О чемъ столь различныя и противныя между людьми господствуютъ понятія, что самое то же дѣйствіе, которое у одного народа награждается лавровыми вѣнками и изтуканами, а у другаго заслуживаетъ позорную смерть, и едва есть ли такой

кой порокъ, который бы гдѣ нибудь не имѣлъ своего жертвенника и своего жреца. Это правда, законы у того народа, которому они даны, суть правило справедливости и неправды; но что у сего народа закономъ повелѣвается, то у другаго закономъ запрещается. И такъ вопрошается: есть ли общїй законъ, который опредѣляетъ то, что само въ себѣ справедливо? Я отвѣчаю подтвердительно; но сей законъ не можетъ быть что другое, какъ гласъ природы каждому вопїющїй: *ищи своего блага*; или другими словами: успокоивай свои естественныя желанїя, и наслаждайся столько забавами, елико тебѣ возможно. Сей есть единый законъ, данный человѣку природою; и доколѣ онъ находится въ состоянїи природы, то есть право, которое онъ на все имѣетъ, что его желанїя ни потребуютъ, или

что

что для него хорошо, ни чѣмъ другимъ какъ мѣрою силы его ограниченное: *онъ все имѣетъ, что можетъ и ни чѣмъ никому другому не долженъ.* Но состоянiе общества, соединяющее число людей для ихъ общаго блага, присовокупляетъ къ тому единому закону природы: ищи твоего собственнаго блага, ограничиванiе: безъ нанесенiя вреда другому. Въ состоянiи природы все то, что полезно каждому человѣку, есть справедливо для каждаго: но въ общественномъ состоянiи законъ обьясняетъ все то, что для общества вредно, за несправедливое и наказанiя достойное, и соединяетъ напротивъ того представленiе преимущества и награжденiя достойныя заслуги со всѣми дѣйствiями, которыя споспѣшествуютъ пользѣ и удовольствiю общества. И такъ понятiя о добродѣтели и порокѣ основываютъ-

 ся

ся частію на соглашеніи, учиненномъ нѣкоторымъ обществомъ между собою, и что до сего принадлежитъ, то онѣ самопроизвольны; а съ другой стороны на томъ, что каждому особенно народу полезно или вредно; и оттуда произходитъ, что толь великое между законами разныхъ государствъ господствуетъ противорѣчіе. Климатъ, положеніе, образъ правленія, вѣра, собственное тѣлосложеніе и природное свойство каждаго народа, образъ его жизни, сила его или слабость, бѣдность его или богатство опредѣляютъ его понятія о томъ, что для него хорошо или вредно. Отсюда произходитъ сія безконечная разность права и неправа между вычищенными государствами; отсюда разпря нравоученія горячихъ поясовъ съ нравоученіемъ холодныхъ земель, нравоученія свободныхъ областей съ нравоученіемъ само-

самодержавныхъ государствъ, нравоученія бѣдной республики, которая можетъ только выиграть воинскимъ духомъ, съ нравоученіемъ богатой, которая за свое благополучіе обязана благодарностію духу торговли и мира; и оттуда наконецъ глупость нравоучителей, которые разбиваютъ у себя голову, чтобы опредѣлить то, что справедливо для всѣхъ націй, не нашедъ прежде рѣшенія задачѣ, какимъ бы образомъ сдѣлать можно, чтобы то же самое равно полезно было для всѣхъ государствъ. Софисты, коихъ нравоученіе основывается на неотвлеченныхъ понятіяхъ, но на природѣ и дѣйствительномъ состояніи вещей, находятъ людей въ каждомъ мѣстѣ такихъ, какими они быть могутъ. Они почитаютъ статскаго человѣка въ Аѳинахъ, самого въ себѣ, не выше шута Персепольскаго, а почтен-

ная Спартанская госпожа кажется въ ихъ глазахъ не превозходнѣйшимъ существомъ, какъ Лаика (свѣтская женщина) въ Коринѳѣ. Это правда, что шутъ въ Аѳинахъ, а Лаика въ Спартѣ были бы вредны; но Аристидъ въ Персеполѣ, а Спартанка въ Коринѳѣ, естьли не столько вредительны, то по крайней мѣрѣ совсѣмъ были бы безполезны. Идеалисты, какъ я обыкновенно называю сихъ Философовъ, желающіе перелить свѣтъ по своимъ понятіямъ, дѣлаютъ изъ своихъ учениковъ людей, кои нигдѣ не могутъ имѣть мѣста, поелику ихъ нравоученіе предполагаетъ такое законоположеніе, какого нигдѣ нѣтъ. Они остаются бѣдными и презрѣнными, поелику народъ оказываетъ тому только почтеніе и опредѣляетъ награжденіе, кто споспѣшествуетъ его благосостоянію, или по крайности кажется споспѣшество-

вать:

вать: ихъ почитаютъ яко вредителей юношества и тайныхъ непріятелей общества, и изгнаніе изъ земли, или самый ядъ, бываетъ наконецъ возмѣздіемъ за ихъ неблагодарное стараніе употребляемое на возведеніе людей свыше вещества въ чинъ мнимыхъ существъ, математическихъ точекъ, линей и треугольниковъ. Разумники, каковы сіи мнимые мудрецы, которые, подобно тому гуслисту Аспендію, поютъ только сами для себя, оставляютъ Софистовъ законамъ каждаго народа научать своихъ гражданъ, что справедливо или несправедливо. Но какъ они сами не принадлежатъ ни къ какому особенному тѣлу, то и наслаждаются преимуществомъ гражданина свѣта, и оказываютъ наружно законамъ и богослуженію каждаго народа, у котораго они пребываютъ, крайнее вниманіе, обезопасивающее

ихъ отъ всякихъ стуженій съ защитниками оныхъ; однако въ самомъ дѣлѣ не признаютъ и не послѣдуютъ никакому другому, кромѣ того повсѣмственнаго закона природы, который предписываетъ собственное свое благосостояніе единственнымъ правиломъ. Все, чрезъ что ихъ естественная ограничивается вольность, состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать полезную мудрость, которая имъ предписываетъ давать своимъ дѣяніямъ видъ, цвѣтъ и украшеніе приличныя, чрезъ чтобы они тѣмъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, могли быть угоднѣе. Нравоучительная красота для нашихъ дѣйствій есть то же, что уборка для нашего тѣла; и столько же нужно сообразовать поведеніе свое съ предразсужденіями и вкусомъ съ нами обитающихъ, сколько необходимо одѣваться по ихъ. Человѣкъ изображенный по нѣкоторой особенной мо-

модели, заслуживаетъ, какъ самоподвижныя изтуканы Дедала (*), быть прикованъ къ своей отечественной землѣ, поелику онъ нигдѣ не на своемъ мѣстѣ, кромѣ какъ между себѣ подобными. Спартанцу не лучше бы пристало играть ролю перваго невольника Артаксеркса, какъ Сармату бы приличествовало быть Полемархомъ (**) въ Аѳинахъ. Мудрый напротивъ того есть общій человѣкъ, человѣкъ, которому всѣ цвѣ-

(*) Дедалъ былъ первый Греческій изтуканщикъ. Онъ дѣлалъ статуи, которыя сами ходили, и машины заслужившія ему безсмертную славу. Опасаясь, чтобъ племянникъ его Талъ не превзошелъ его въ семъ искуствѣ, бросилъ его въ море, и ушелъ потомъ на островъ Критъ, и построилъ тамъ лавиринѳъ подъ своимъ имянемъ.

(**) Достоинство перваго воинскаго Министра.

цвѣты, всѣ обстоятельства, всѣ состоянія и всѣ положенія равно приличны, и онъ для того таковъ, что онъ не имѣетъ никакихъ особливыхъ предразсужденій и страстей, поелику онъ ничто, какъ человѣкъ. Онъ нравится вездѣ, поелику онъ повсюду, куда онъ ни придетъ, принаравливается къ предразсужденіямъ и встрѣчающимся глупостямъ. Какъ ему не быть любиму, ему, который всегда готовъ усердствовать пользѣ другихъ, согласоваться съ ихъ понятіями, льстить ихъ страстямъ? Онъ знаетъ, что люди ни о чемъ такъ не убѣждены, какъ о своихъ заблужденіяхъ, ничего нѣжнѣе не любятъ какъ свои пороки; и что нѣтъ надежнѣйшаго средства къ навлеченію на себя ихъ отвращенія, какъ открыть имъ правду, которой они не желали знать. И такъ далекъ будучи отъ того, чтобы имъ гла-

за противъ ихъ воли отверзать, или предлагать имъ зерцало, которое бы имъ показало ихъ безобразіе, разумный подкрѣпляетъ глупаго въ понятіи, что нѣтъ гнуснѣе ничего, какъ имѣть разумъ, разточителя въ мнѣніи, что онъ великодушенъ, скупягу въ мысляхъ, что онъ хорошій домоправитель, безобразную въ сладкомъ воображеніи, что она тѣмъ остроумнѣе, а богатаго въ увѣреніи, что онъ политикъ, ученой, ирой, покровитель музъ, любимецъ красавицъ, однимъ словомъ все, что онъ хочетъ. Онъ удивляется системѣ Философа, надмѣнному невѣжеству человѣка придворнаго и великимъ дѣламъ Генерала. Онъ уступаетъ безъ всякаго противорѣчія танцмейстеру, что Кимонъ былъ бы весьма великій мужъ въ Греціи, естьли бы онъ умѣлъ лучше ставить ноги, и онъ согласуется съ живо-

во-

вописцемъ, что потребно больше остроумія быть Зевксомъ нежели Гомеромъ. Сей способъ обращенія съ людьми есть для него безконечно большей пользы, нежели кто при первомъ воззрѣніи думаетъ. Онъ снискиваетъ намъ ихъ любовь, ихъ довѣренность и тѣмъ большее мнѣніе о нашей заслугѣ, чѣмъ болѣе то, которое кажется имѣемъ мы о ихъ. Способъ сей есть надежнѣйшее средство къ возхожденію на высочайшія степени щастія. Думаешъ ли ты, что сіе единственно суть величайшія дарованія и преимущественнѣйшія заслуги, содѣлывающія Архонта, полководца, намѣстника, или любимца государева? Обозри очами своими республики тебя окружающія; то ты найдешъ, что сей обязанъ за свое достоинство благодарностію пріятному и улыбающемуся виду, съ коимъ онъ кланяется гражданамъ, другой знатной

ной окружности своего брюха, третій красотѣ своея супруги, четвертый своему вкрадчивому голосу. Поди ко дворамъ, то ты сыщешъ людей, должныхъ своимъ блестящимъ щастіемъ одобренію камердинера, благосклонности дамы, ручающейся за ихъ дарованія, или дарованію сна нападающаго на нихъ тогда, когда Визирь шутитъ съ ихъ женами. Нѣтъ ничего въ сей землѣ очарованій обыкновеннѣе, какъ видѣть превращеніе молодаго безбородаго человѣка въ Генерала, шута въ статскаго Министра, услужливаго Меркурія въ верьховнаго жреца. Человѣкъ безъ всѣхъ нравственныхъ заслугъ чрезъ единое дарованіе достигаетъ часто до такого щастія, которое другой чрезъ величайшія заслуги тщетно получить старался. И такъ кто могъ сомнѣваться, чтобы знаніе Софистовъ не способно было доста-

ставить симъ или другимъ образомъ благосклонность щастія онымъ обладающему, предполагая, что онъ имѣетъ естественныя дарованія, безъ которыхъ разумный человѣкъ уступить долженъ всегда мѣсто дураку, который оными снабженъ? Но на самомъ пути заслугъ никто не можетъ быть безопаснѣе содѣлать свое щастіе, какъ Софистъ. Гдѣ сыщется такая должность, которой бы онъ со славою не изполнилъ? Кто способнѣе управлять людьми, какъ тотъ, который лучше умѣетъ съ ними обходиться и приводить нравы ихъ въ движеніе? Кто сроднѣе къ посредствіямъ касающимся до общества? Кто больше въ состояніи быть совѣтникомъ Государя? И когда только щастіе на его сторонѣ, то кто съ большею славою можетъ предводительствовать войскомъ кромѣ его? Кто лучше его

ура-

уразумѣетъ знаніе получать награжденіе за искуство и заслуги его подчиненныхъ? Кто лучше его знаетъ сдѣлать многостоящими предвидѣніе, котораго онъ не имѣлъ, разумныя разпоряженія, коихъ онъ никакъ не чинилъ, раны, коихъ онъ не получилъ?

Но время окончать разговоръ, начинающій для обоихъ становиться въ тягость. Я тебѣ довольно насказалъ для изчезнутія чарованія, въ которое умоизступленіе погрузило твою душу; а естьли сего не довольно, то и все, что я могъ бы еще прибавить, было бы излишно. Впрочемъ не думай Калліасъ, чтобы орденъ Софистовъ не составлялъ знатной части человѣческаго общества. „Число упражняющихъ „наше знаніе во всѣхъ состоя„ніяхъ весьма велико, и ты ме„жду всѣми, содѣлавшими блестя-

„ щее щастіе, съ трудомъ найдешъ
„ единаго, который не обязанъ
„ благодарностію искусному упо-
„ требленію нашихъ правилъ.„
Заповѣди сіи составляютъ обыкновенный образъ разсужденія царедворцевъ, людей посвятившихъ себя службѣ великихъ, и вообще тому классу людей, которые во всякомъ мѣстѣ благороднѣе, знатнѣе и занимаютъ первой чинъ, и выключая немногіе случаи, въ которые играющее щастіе слѣпымъ броскомъ допускаетъ дураку низпасть на мѣсто разумнаго человѣка, искусныя головы, знающія лучше употреблять сіи правила, суть всегда тѣ, которыя идутъ далѣе по стезѣ чести и щастія.

Глава

Глава шестая.

Тупость Агатонова.

Гиппіасъ, положивши на изтолкованіе мудрости своея толико труда, чаялъ имѣть довольно права къ ожиданію благодарной признательности со стороны своего ученика. Таковыя усилія къ содѣланію его щастія казались ему заслуживающими сіе воздаяніе. Но должно признаться, что онъ имѣлъ дѣло съ такимъ человѣкомъ, который очень мало былъ способенъ понимать важность сея услуги, или уразумѣть красоту его ученій, толь противоположенныхъ системѣ его понятій и мысленныхъ его чувствій. И такъ неудивительно, что онъ былъ немало обманутъ въ своей надеждѣ, когда по окончаніи своихъ словъ получилъ отъ Агатона сей краткій отвѣтъ: „Рѣчь произнесенная тобою, Гиппіасъ, есть

„ прекрасна; примѣчанія твои тон-
„ ки; заключенія прилично выве-
„ дены; открывающіяся повсюду
„ нравоученія основаны всѣ на
„ опытахъ; и я не сомнѣваюсь,
„ чтобъ начертаемый тобою мнѣ
„ къ щастію путь не провождалъ
„ дѣйствительно къ оному. Не
„ можно видимѣе доказать того
„ преимущества, которое, кажет-
„ ся тебѣ, имѣешъ предо мною
„ въ способѣ достигнуть своего
„ благополучія. Но не взирая на все
„ то, я не чувствую въ себѣ ни
„ малѣйшаго желанія находить
„ оное чрезъ таковыя средства,
„ и зная склонности внутренно-
„ сти моея, могу тебя надежно
„ увѣрить, что и никогда не сдѣ-
„ лаюсь Софистомъ, развѣ ты по-
„ кинешъ своихъ танцерокъ, домъ
„ твой посвятишъ священному хра-
„ му Діаны, и оставя Грецію убѣ-
„ жишъ въ Индію, чтобъ сдѣлать-
„ ся тамъ Гимнософистомъ.„

Гип-

Гиппіасъ смѣялся сему отвѣту, хотя оный ему былъ и гораздо не по сердцу. „Да какое „ты имѣешъ возраженіе противу „моихъ ученій? спросилъ онъ.

„То, что онѣ мнѣ не при„личествуютъ; отвѣчалъ Ага„тонъ.„

„По чемужъ то такъ?„

„По тому, что мои чувство„ванія и опытъ поведеній суть „совсѣмъ противоположены тво„имъ заключеніямъ.„

„Я сему очень вѣрю. Но я „желалъ бы знать, что это за „опыты и чувствованія, кото„рыя противорѣчатъ тому, что „весь свѣтъ утверждаетъ?„

„Къ чему это тебѣ? Не по„хотѣлъ ли бы ты мнѣ съ вѣ„роятностію доказать, что оное „все вздоръ?„

„А ежели бы я то доказалъ?„

„ Развѣ бы ты доказалъ толь-
„ ко къ удостовѣренію себя, или
„ лучше то одно, что ты не
„ Калліасъ. „

„ Но дѣло состоитъ въ томъ,
„ чтобъ узнать, кто изъ насъ
„ двоихъ, Калліасъ, или я, мы-
„ слитъ справедливѣе? „

„ А кто будетъ нашъ судія? „

„ Весь человѣческій родъ. „

„ И чемъ бы можно меня въ
„ томъ убѣдить? „

„ Очень многимъ. На примѣръ,
„ когда нѣсколько милліоновъ лю-
„ дей утверждаютъ, что двое или
„ трое изъ подобныхъ ему суть
„ глупцы; то должно быть не-
„ отмѣнно таковыми. Сіе неоспо-
„ римо. „

„ Неоспоримо? А ежели бы сіи
„ нѣсколько милліоновъ мудрецовъ,
„ коихъ приговоръ тебѣ кажется
„ столь рѣшительнымъ, были на-
„ про-

„ противъ того нѣсколько мил-
„ ліоновъ глупцовъ, и трое осуж-
„ денныхъ въ глупости были
„ изполнены мудрости ? „

„ Заблуждаешся мой другъ :
„ возможноль тому быть ? „

„ Какъ развѣ сіе не возможно,
„ чтобъ нѣсколько милліоновъ лю-
„ дей имѣли заразу, и Сократъ
„ одинъ былъ безвреденъ ? „

„ Сіе настояніе вовсе ничего
„ не доказываетъ въ твою поль-
„ зу. Народъ не бываетъ подвер-
„ женъ всегда заразѣ ; но нѣсколь-
„ ко милліоновъ людей находится
„ всегда, которые такъ думаютъ,
„ какъ я. Слѣдовательно мыслить
„ такъ есть естественное, а не
„ поврежденное состояніе, и тѣ,
„ которые думаютъ иначе, дол-
„ жны по всему принадлежать къ
„ другому роду существъ, то
„ есть тѣхъ, кои обыкновенно
„ имянемъ глупыхъ знаменуются. „

 „ Пусть

„ Пусть такъ; я охотно под-
„ вергаю себя моей печальной
„ судьбѣ. „

„ О нѣтъ, нѣтъ! ты не имѣ-
„ ешъ сего намѣренія, и меня въ
„ томъ не обманешъ. Но ты или
„ стыдишся перемѣнить такъ ско-
„ ро свои мнѣнія, или лицемѣр-
„ ствуешъ. „

„ Я тебя увѣряю, Гиппіасъ,
„ что нѣтъ въ томъ ни того ни
„ другаго. „

„ Увѣряй на примѣръ меня,
„ ежели можешъ, и въ томъ, что
„ прекрасная Ціана услуживавшая
„ намъ во время завтрака, не
„ вдохнула тебѣ желаній, и ты
„ не кидалъ почасту на нее сво-
„ ихъ ухищренныхъ взоровъ. „

„ Я сего не отвергаю. „

„ Такъ признайсяжъ и въ томъ,
„ что сіи круглыя и бѣлѣйшія снѣ-
„ га обѣятія, сія вздымавшаяся

„ къ

„ къ легкому и прозрачному по-
„ крову прекрасная грудь возбу-
„ дили твои чувства, и ты охо-
„ тно желалъ бы возхитить оныя
„ насладенiемъ всѣхъ прелестей
„ прекрасной Цiаны. „

„ А питавшееся тѣмъ зрѣнiе
„ развѣ не составляло наслаж-
„ денiя ?

„ О! ты стараешся уверт-
„ кою отыграться отъ моего во-
„ проса. „

„ Нѣтъ, Гиппiасъ, ты обма-
„ нываешся, ежели смѣю такъ му-
„ дрецу сказать. Я не имѣю ни
„ малой нужды въ помощи уверт-
„ ки; а хотѣлъ лишь тѣмъ из-
„ образить одно различiе, кое я
„ всегда полагаю между естествен-
„ нымъ привлеченiемъ склонности,
„ не всегда отъ меня зависящей, и
„ произволенiемъ моея души. То,
„ въ чемъ ты меня теперь обви-
„ няешъ, ни мало не согласовалось
„ съ симъ произволенiемъ. „

„ Я тебя не обвиняю ни въ
„ чемъ, когда только сіе не въ
„ посмѣяніе мнѣ сказано; а гово-
„ рю по естественнымъ слѣдстві-
„ ямъ дѣйствій природы, кото-
„ рую я довольно постигаю. Предъ-
„ убѣжденія твоихъ лѣтъ не есть
„ такая неизцѣлимая болѣзнь,
„ чтобъ могла сопротивляться
„ прелести удовольствія. „

„ Для того - то я и убѣгаю
„ случаевъ къ тому. „

„ Однакожъ согласенъ ли на
„ то, что Ціана хороша? „

„ Весьма прекрасна. „

„ И что наслажденіе ея пре-
„ лестей могло бы составить удо-
„ вольствіе? „

„ Вѣроятно. „

„ Скажижъ пожалуй, для чего
„ ты мучишъ себя, отвергая удо-
„ вольствіе, коего наслажденіе за-
„ виситъ собственно отъ тебя. „

„ Чтобъ

„ Чтобъ не лишиться чрезъ
„ то многихъ другихъ, кои я се-
„ му предпочитаю. „

„ Въ твоемъ возрастѣ? ——
„ Но пожалуй! природа одному те-
„ бѣ развѣ открыла сіи удоволь-
„ ствія, невѣдомыя всѣмъ прочимъ
„ изъ людей? И ты нашелъ ощу-
„ щенія ихъ пріятнѣйшими, не-
„ жели? —— А! я начинаю уга-
„ дывать —— Это покровитель-
„ ство благодѣющихъ духовъ, вку-
„ шеніе нектара и амброзіи. Но,
„ мой другъ, мы теперь не коме-
„ дію играемъ. Явленіе какой Ці-
„ аны въ одной изъ рощицъ мо-
„ ихъ садовъ могло бы воплотить
„ и самыхъ твоихъ духовъ. „

„ Я говорю тебѣ, Гиппіасъ,
„ то, что думаю, и мнѣ дѣй-
„ ствительно извѣстны такія удо-
„ вольствія, кои я стократъ пред-
„ почитаю тѣмъ общимъ намъ съ
„ прочими животными. „

„ А

„ А какія на примѣрѣ? „

„ Удовольствіе на примѣрѣ „ благотворенія. „

„ И что ты чрезъ оное разумѣешъ? „

„ Я симъ называю то пособствіе, коимъ мы вспомоществуемъ другимъ къ достиженію своего блага, или занимая себя чѣмъ въ ихъ пользу, или жертвуя имъ нѣкоими выгодами и удовольствіемъ. „

„ И ты столько простъ, что почитаешъ себя больше обязаннымъ другимъ, нежели самому себѣ? „

„ Ни мало; но моя польза требуетъ того, чтобъ я жертвовалъ малымъ чѣмъ нибудь гораздо большему. Удовольствіе быть полезнымъ подобнымъ намъ есть превысшее всякой жертвы. „

„ Ты

„ Ты очень услужливъ. Но положимъ, что сіе быть можетъ;
„ да какоежъ тутъ отношеніе къ
„ тому, въ чемъ состоитъ нашъ
„ разговоръ ? „

„ Весьма ощутительное. На
„ примѣръ : представимъ, чтобы
„ я въ самомъ дѣлѣ предался впе-
„ чатлѣніямъ, которыя прелести
„ прекрасной Ціаны могли бы во
„ мнѣ произвесть; положимъ, что-
„ бы и она имѣла ко мнѣ страсть,
„ и слѣдовательно дозволила вку-
„ сить все то, что сладострастіе
„ имѣетъ наипріятнѣйшаго. „

„ Изрядно ; что по томъ ? „

„ Вѣроятно, что союзъ та-
„ кого рода былъ бы непродолжи-
„ теленъ; напоминовеніежъ толь
„ пріятныхъ вкушеній не переста-
„ ло бы возбуждать новыхъ того
„ желаній. „

„ Ну чтожъ ? опять новая
„ Ціана ? —

„ Пусть

„ Пусть такъ; но и сія но-
„ вая Ціана опостылѣла бы нако-
„ нецъ, оставя по себѣ безпокой-
„ ство тѣхъ же желаній. „

„ И ты бы думаю пожаловал-
„ ся на то? -- Но изъ сего
„ видишъ наконецъ, что всегдаш-
„ няя перемѣна въ семъ случаѣ
„ есть единственный законъ при-
„ роды. „

„ Очень изрядно; но дѣло бы
„ уже тогда дошло до того, что
„ я бы уже не могъ сопротивлять-
„ ся никакому желанію. „

„ И какая бы нужда была со-
„ противляться имъ, лишь бы
„ они были естественны и въ гра-
„ ницахъ умѣренности? „

„ Какъ! а ежели бы жена мо-
„ его друга, или такая особа, ко-
„ ея почтенное названіе матери
„ должно защищать и отъ единa-
„ го помысла прельщенія оной;
„ еже-

„ежели бы, говорю, невинная мо-
„лодость какой дѣвицы, не имѣю-
„щей можетъ принести въ при-
„даное супругу своему, кромѣ не-
„порочности и красоты, сдѣла-
„лась предметомъ сихъ желаній,
„коихъ я, не обыкши уже пре-
„жде сопротивляться, не могъ бы
„ уже побѣждать? „

„Ну чтожъ? Ты не имѣлъ
„бы по крайней мѣрѣ у насъ въ
„Грецiи опасаться другаго чего,
„кромѣ законовъ. Но чтобъ это
„за тѣсная была у тебя голова,
„естьлибъ ты не умѣлъ въ семъ
„случаѣ прiискать способа къ
„удовольствiю твоея страсти, не
„заводя ссоры съ Юстицiею! По-
„видимому ты очень худо зна-
„ешъ Аѳинскихъ и Спартанскихъ
„госпожъ. „

„О! что до этого касается,
„то я знаю даже и самыхъ жрицъ
„Дел-

„ Делфійскихъ. — Но возможноль,
„ чтобъ ты сіе безъ шутокъ го-
„ ворилъ ?

„ Я говорю согласно съ мои-
„ ми правилами : ибо хотя за-
„ коны въ нѣкоторыхъ областяхъ
„ (однакожъ не во всѣхъ, въ дру-
„ гихъ оные гораздо снизходитель-
„ нѣе) и полагаютъ границы есте-
„ ственному нашему праву, кое
„ мы имѣемъ надъ всѣми женщи-
„ нами вообще и особенно надъ
„ каждою возбудившею наши же-
„ ланія; но сіе учинено един-
„ ственно для того, чтобъ из-
„ бѣжать нѣкоторыхъ затрудне-
„ ній, коихъ отъ неограниченнаго
„ употребленія сего права опасать-
„ ся можно. И такъ изъ сего ви-
„ дѣть можешъ, что въ семъ слу-
„ чаѣ нѣтъ нарушенія закона, ни
„ въ предметѣ его, ни въ силѣ
„ разума, когда кто столько пред-
„ усмотрителенъ, что отдаляетъ

„ сви-

„свидѣтельства учиненныхъ въ
„томъ нѣкоторыхъ изключеній.

„Постой, Гиппіасъ! взкри-
„чалъ тутъ Агатонъ: наконецъ
„я тебя улучилъ. Сіе есть, ку-
„да я желалъ тебя довесть, и
„вотъ слѣдствія, произтекающія
„изъ твоихъ правилъ. Ежели все
„то, на что раздраженныя мои
„желанія удобны меня побудить,
„можетъ почесться справедли-
„вымъ; ежели необузданныя вож-
„делѣнія страстей подъ лживымъ
„названіемъ полезнаго, коего они
„не заслуживаютъ, могутъ по-
„ставлены быть за правила на-
„шихъ поведеній; ежели лукав-
„ствомъ и хитростію дозволено
„упразднять взысканія законовъ,
„и въ мракѣ сокровенности и
„утаенія творить все по произ-
„волу, и ежели наконецъ добро-
„дѣтель и ея надѣянія не суть,
„какъ мечты воображенія: скажи
„мнѣ, мудрый Гиппіасъ, что воз-

„пящаетъ дѣтей отъ устремле-
„нія на жизнь родителей своихъ?
„что претитъ матерямъ учре-
„дить торжище собственному и
„дщерей своихъ цѣломудрію? что
„возбраняетъ мнѣ, коль польза
„нудитъ вонзить остріе меча въ
„отверзтое сердце друга моего,
„разхитить храмы боговъ, пре-
„дать свое отечество, учинить-
„ся главою какой шайки разбой-
„никовъ, и коль сила дозволитъ,
„опустошить цѣлыя области и
„цѣлые народы погрузить въ по-
„токахъ собственной ихъ крови?
„Не видишъ ли, сколько ученіе
„твое безстыдно, мудростію
„имянуемое и видомъ вѣроятія
„чрезъ хитросплетное смѣшеніе лжи
„и истины прикрываемое, было
„бы пагубно учинившись повсем-
„ственнымъ: люди тогда пре-
„вратились бы въ чудовища ужа-
„снѣйшія гіенъ, тигровъ и кро-
„кодиловъ. Ты смѣешся добро-

„дѣ-

„ дѣтели и закону; но знай, что
„ впечатлѣніе ихъ образовано въ
„ душахъ нашихъ незаглаждаемыми
„ чертами, чертами изсѣченными
„ въ тѣхъ пріятнѣйшихъ ощуще-
„ ніяхъ врожденнаго привлеченія къ
„ соблюденію правоты, порядка и
„ долга благотвореній, которое есть
„ источникъ ихъ бытія и обязатель-
„ нѣйшее побужденіе къ изполненію
„ законовъ, паче всѣхъ наградъ и из-
„ тязаній; знай, что есть еще
„ люди на землѣ и между ими нѣ-
„ кая тѣнь нравствія и благотво-
„ реній, хотя понятіе о доброде-
„ тели и нравственномъ ихъ совер-
„ шенствѣ и признаешъ ты за ме-
„ чту и игралище воображенія. По-
„ слушай ученія, Гиппіасъ!„

„ Ну, что?„

„ Какъ меня здѣсь видишъ, я
„ презираю всѣ прельщенія тво-
„ ихъ Ціанъ, всѣ видимыя убѣ-
„ жденія твоея мудрости и выго-
„ ды, кои мнѣ обѣщать могутъ

 „ твои

„ твои правила и примѣръ. Еди-
„ ное изъ тѣхъ (говоря твоимъ
„ нарѣчіемъ) мечтовообраэкеній
„ довольствуетъ къ разторженію
„ всѣхъ твоихъ навожденій. Пусть
„ добродѣтель будетъ всегда
„ сумазбродство и плодъ предраз-
„ судковъ; но оно составляетъ
„ мое благополучіе, и оно бы до-
„ ставило его также и всѣмъ лю-
„ дямъ, и землю учинило небесами,
„ ежели бы твои умствованія и
„ зараженные ими не разпростра-
„ нили бѣдствій и развращенія
„ столь далеко, сколько ядъ при-
„ липчивой сея заразы разливать-
„ ся удобенъ. „

Агатонъ зрился тутъ весь въ пламени, и живописецъ не могъ бы лучше сего избрать образца къ начертанію раздраженнаго Аполлона. Но мудрый Гиппіасъ казался быть спокойнымъ и не отвѣчалъ на возпаленіе его ревности, какъ единою достойною Момуса

муса усмѣшкою, провожденною по томъ безъ малѣйшей перемѣны своего обыкновеннаго голоса сими словами: „Кажется я нынѣ по-„стигаю, Калліасъ: ты не имѣ-„ешъ болѣе опасаться моихъ оболь-„щеній. Здравый разсудокъ не „сотворенъ для такихъ горячихъ „головъ, какъ твоя. Однакожъ „съ какою удобностію, понявши „меня хорошо, могъ бы ты самъ „себѣ отвѣчать на то возраже-„ніе, что ученія Софистовъ и „людей знающихъ свѣтъ были бы „пагубными, учинившись повсѣм-„ственными! —— Природа из-„давна еще блюдетъ сей мудрый „порядокъ, чтобъ они не были „таковыми. Но я былъ бы смѣ-„шонъ и въ собственныхъ гла-„захъ, когда бы похотѣлъ от-„вѣчать на твои жаркія возра-„женія и показывать тебѣ, сколь „и самая страсть добродѣтели „бываетъ обманчива. —— Будь

„ добродѣтеленъ, Калліасъ, заслу-
„ живай похвалу духовъ и благо-
„ склонность воздушныхъ краса-
„ вицъ; но при томъ и изготовь
„ свой добрый духъ къ срѣтенію
„ тѣхъ ожесточеній, которыя твой
„ Платонизмъ въ семъ видимомъ
„ свѣтѣ навлечь тебѣ удобенъ.
„ Довольно для тебя и той от-
„ рады, что можешъ въ богомы-
„ сліи питаться надеждою возпрі-
„ ять щастливую премѣну въ бу-
„ дущей жизни, и что будешъ
„ нѣкогда зрѣть подлыхъ сихъ
„ душъ, утопающихъ здѣсь въ на-
„ слажденіяхъ земныхъ благъ, омы-
„ вающими свои беззаконія въ пла-
„ менныхъ потокахъ Флегетона.„

Сказавши то Гиппіасъ всталъ, и бросивъ на Агатона взоръ изполненный презрѣнія и жалости, оборотился отъ него, давая ему сею учтивостію, сродною таковымъ людямъ, уразумѣть, что онъ можетъ удалиться.

АГАТОНЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава первая.

Тайный умыселъ Гиппіаса противу добродѣтели Агатона.

Многіе, думаю, изъ нашихъ читателей усматриваютъ, что Гиппіасъ, какъ изъ всѣхъ обращеній его видно, почиталъ Агатона гораздо меньше искусившимся въ опытахъ и познаніи свѣта, нежели какъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ. Но мы къ оправданію сего мудреца имѣемъ долгъ увѣдомить, что Агатонъ по неизвѣстнымъ намъ причинамъ за благо разсудилъ скрыть отъ него знаменитѣйшую часть своихъ приключеній и утаить даже подлинное

 своє

свое имя. Ибо хотя Гиппіасъ со времени пребыванія своего въ Смирнѣ и отложилъ попеченіе о дѣлахъ общественныхъ Греціи, оставляя то на благоучрежденіе своихъ друзей и учениковъ; однакожъ имя Агатона по той роли, которую онъ игралъ въ Аѳинахъ, было больше славно, нежели чтобъ чрезъ такое его удаленіе могло быть сокрыто отъ познанія его. Но какъ Агатонъ употребилъ предосторожность все отъ него скрывать, что могло возбудить нѣкоторое подозрѣніе, что онъ когда нибудь значилъ нѣчто больше, какъ прислужника Делфійскаго храма; то тѣмъ больше Гиппіасъ могъ его почесть за совершеннаго новичка въ свѣтѣ, что ни умствованія, ни поступокъ сего младаго человѣка, не были такого свойства, чтобы знающій принялъ объ немъ благосклоннѣйшія мысли. Впрочемъ люди таковыхъ свой-

свойствѣ, какъ Агатонъ, могутъ жить въ обществѣ лѣтъ десять непрерывно и не покинуть сего чужеобычнаго и смятеннаго вида, возвѣщающаго при первомъ взорѣ, что они не природные того мѣста, не упоминая о томъ, чтобы они способны были возвысить себя когда нибудь къ сей благородной вольности, разторгающей оковы разума, къ сему мудрому взору безпристрастія на все то, что сіи мечтотворныя души называютъ чувствованіемъ изнѣженной склонности вкуса, отличающей столь выгодно людей знающихъ свѣтъ. Правда они одарены разсудкомъ и удобны то постигать; но бывъ лишены нѣкотораго рода естественнаго впечатлѣнія онаго симпатическаго чувствія, чрезъ которое сіи послѣдніе вдругъ и безъ ошибки познаются, или яснѣе сказать, бывъ лишены сея способности взирать

 на

на все такими глазами, какъ другіе, тщетно усиливаются они подражать и сдѣлаться таковымижъ, или хотя уподобиться. Они всегда остаются какъ въ незнакомой землѣ, гдѣ ихъ мысли и покушенія на каждомъ шагѣ бываютъ обмануты непредвидимыми случаями и премѣнами неожидаемыми.

Агатонъ со всѣми дарованіями своими былъ однакожъ по нещастію сочленъ сего послѣдняго класса. И такъ не удивительно, что онъ, не взирая на всѣ учиненные имъ случайно съ прошедшаго своего съ Гиппіасомъ разговора глубокія разсужденія, былъ весьма далекъ отъ того, чтобы угадать подлинныя мысли сего мудреца, котораго тщеславіе худымъ успѣхомъ въ своемъ предпріятіи и необычайнымъ своемысліемъ сего рѣдкаго юноши раздражено было гораздо

раздо больше, нежели какъ наружностію онъ то показывалъ. Гиппіасъ же, представляя себѣ Агатона дѣйствительно такимъ, каковымъ онъ быть казался, не безъ основанія почиталъ его за живое изпроверженіе своея системы и умствованій. „ Какъ! „ говорилъ онъ самъ себѣ, что очень рѣдко съ нимъ случается: „ я живу болѣе „ сорока лѣтъ въ свѣтѣ, видѣлъ „ безконечное множество разныхъ „ состояній людей, ни одного не „ нашелъ, который бы не одобрилъ „ моихъ о природѣ человѣческой „ мнѣній; а сей молодый человѣкъ „ возмогъ бы меня убѣдить на „ вѣроятіе добродѣтели? —— О! „ этому не возможно статься — „ Надобно ему быть какому нибудь сумазброду, или лицемѣру —— Но кто бы онъ ни былъ, „ я потщусь проникнуть —— Постой; приходитъ мнѣ одна „ мысль —— но —— такъ ——

„ пре-

„ преизрядно — Сей способъ удо-
„ стовѣритъ меня. — Нельзя ему
„ избѣжать: сумазбродъ ли онъ,
„ или лицемѣръ, или что бы онъ
„ ни былъ, будетъ побѣжденъ безъ
„ сомнѣнія, падетъ неминуемо
„ въ мои сѣти, или по крайней
„ мѣрѣ обнаружится. Онъ усто-
„ ялъ противу Ціаны. Это его
„ возгордило и обезопасило. Но что
„ въ томъ нужды? Сіе еще ни-
„ чего не доказываетъ. Опытъ,
„ который я для него назначилъ,
„ есть гораздо вѣрнѣйшій того.
„ И ежели онъ и тутъ востор-
„ жествуетъ, и оное изпровергнетъ;
„ то я больше уже ничего не
„ знаю. — Но надобно, чтобъ сіе
„ удалось. — А иначе я знаю,
„ что мнѣ тогда предпріять: онъ
„ имѣлъ дерзновеніе то мнѣ самъ
„ назначить — я изжену всѣхъ
„ моихъ Нимфъ и рабынь — домъ
„ мой оставлю жрецамъ Цибелы —
„ самъ удалюсь на брега Ган-
геса —

теса — и тамъ водворившись въ пустыню подъ старое пальмовое дерево, на колѣнахъ, съ преклонною главою и затворенными очами пребуду въ безмолвіи даже до того, пока въ противность моихъ чувствъ не увѣрю себя, что я больше уже не существую. — „

Сей обѣтъ безъ сомнѣнія былъ надмѣру жестокъ: но Гиппіасъ весьма увѣрился, что ему не случится до того дойти; а чтобъ не терять понапрасну времяни, положилъ исполнить свое предпріятіе того же дня.

Глава вторая.

Гиппіасъ дѣлаетъ посѣщеніе одной госпожѣ.

Въ Смирнѣ госпожи имѣли тогда обычай, который дѣлалъ больше чести ихъ красотѣ, нежели

благо-

благонравію: онѣ имѣли употребленіе прохлаждаться въ жаркіе мѣсяцы послѣ обѣда студеною банею, и въ тожъ самое время для отвращенія скуки принимали посѣщенія отъ тѣхъ мущинъ, коимъ въ ихъ домы дозволенъ свободный и невозбранной входъ. Наши дамы въ нынѣшнее время допускаютъ таковыхъ быть при своихъ туалетахъ или уборныхъ столикахъ. Чтожъ? потеряно ли тѣмъ что нибудь? — Сей новый обычай, кажется, гораздо стоитъ прежняго. Однакожъ имѣется между ими одно сіе знатное различіе: въ Смирнѣ таковая свобода не позволяется, кромѣ друзей въ строгомъ смыслѣ сего слова; любовники изъ того были вовсе изключены. Должно по крайней мѣрѣ, чтобъ они были еще новички и неустроенные въ любви: въ такомъ случаѣ нужда наученія ихъ, ободренія и изтребленія ихъ боязли-

зливости требовала, чтобъ преступить предписанныя того границы.

Гиппіасъ имѣлъ щастіе пользоваться таковымъ правомъ у всѣхъ почти красавицъ въ Смирнѣ; но однакожъ онѣ не всѣ равно вперяли ему желаніе дѣлать того употребленіе. Онъ избралъ къ сему нѣкоторыхъ только; преимущественно же предъ всѣми привлеченъ былъ къ прекрасной Данаѣ. Сія красавица имѣла первѣйшее мѣсто между всѣми тѣми, коихъ Греки имѣли обычай называть другинями, и кои не меньше также извѣстны подъ имянемъ общественныхъ (общелюбныхъ). Сей родъ женщинъ въ ихъ полѣ былъ точно то, что Софисты между мущинами, съ полнымъ ихъ уваженіемъ, выключая строгой добродѣтели, которая тутъ была невмѣстна. Онѣ могли почитаться образцами совершеннѣй-

нѣй

шей красоты: Аспазія, Леонціумъ, Фрине, и симъ подобныя не усумнились быть въ числѣ таковыхъ. Данае, по приговору всѣхъ мущинъ въ Смирнѣ, превышала прелестями всѣхъ прочихъ женщинъ: вѣтреныя и щеголихи, скромницы, постоянницы и набожницы, всѣ ей въ томъ должны были уступить. Правда, исторія намъ ни слова не говоритъ о томъ, чтобъ женщины утвердили то собственными голосами; но по крайней мѣрѣ то извѣстно, что не было ни одной изъ нихъ, которая бы, съ исключеніемъ одной извѣстной особы, которая никогда не дозволяетъ себя публично имяновать, не соглашалась на то, что прекрасная Данае столько затмѣвала всѣхъ прочихъ красотою, сколько сама помрачаема была оною скромною безымянницею. Въ самомъ дѣлѣ слава ея съ сея стороны была столь хорошо утверждена,

ждена, что не находили ни малѣйшей необычайности въ разнесшемся тогда слухѣ, что она въ первые годы своея юности служила для копированія образцомъ самымъ славнѣйшимъ живописцамъ, и при таковомъ случаѣ получила сіе имя Данаи, подъ коимъ она столь славна въ Іоніи. Теперь хотя она уже была на тридесятомъ году своея жизни, но красота ея казалось чрезъ то болѣе обрѣла, нежели потеряла; поелику ослѣпляющій блескъ юности, скрывшійся по обычному теченію съ весенними лѣтами ея жизни, награждался тысячею другихъ прелестей съ владычествомъ, по утвержденію знатоковъ, изпровергающимъ всякую возможность сопротивленія. Однакожъ Гиппіасъ, кроясь щитомъ безстрастія являемаго имъ и къ наипрекраснѣйшимъ женщинамъ, не боялся подвергать своея добродѣтели таковой опа-

 сности.

сности. Названіе друга было единственно то, чѣмъ его удостоивала прекрасная Данае. Правда, ежели въ томъ вѣрить тайнымъ повѣствованіямъ, то было время, что и онъ удостоенъ былъ занимать гораздо выгоднѣйшее мѣсто, коего она не ввѣряла, какъ наилюбезнѣйшимъ изъ смертныхъ. Наконецъ это была самая та, на коей Гиппіасъ утвердилъ надежду помощи своея, столь нужной для изполненія принятаго имъ противъ Агатона умысла. Онъ положилъ во чтобъ то ни стало, побѣдить сію несообразную добродѣтель, толь его мнѣніямъ противящуюся. И такъ не преминулъ онъ къ ней прійти въ обыкновенный часъ, то есть, какъ она была въ банѣ съ двумя молодыми невольницами, прекраснѣйшими самой любви, употребляемыми для сихъ малыхъ услугъ, необходимыхъ въ такомъ ея поло-

ложеніи. Какъ скоро она увидѣла его, то въ минуту прочла на лицѣ его, что онъ былъ занятъ чѣмъ нибудь чрезвычайнымъ.

Что тебѣ сдѣлалось Гиппіасъ? вскричала Данае вдругъ: ты мнѣ кажешся очень задумчивъ? Я не знаю, отвѣчалъ онъ, для чего я кажусь глубокомысленнымъ въ такое время, когда я иду видѣться съ дамою въ мыльнѣ; мнѣ только то извѣстно, что я никогда не видалъ тебя такъ прекрасною, какъ въ сію минуту. Изрядно, сказала она, сіе и наиболѣе еще мнѣ доказываетъ, что я не обманулась, ибо мнѣ то очень извѣстно, что я сегодня никакъ не лучше какъ и послѣдній разъ твоего со мною свиданія; но твое воображеніе настроено гораздо выше обыковеннаго, и ты приписываешъ втеченіе, дѣйствующее на твои глаза, велико-

душно встрѣчающимся тебѣ предметамъ въ увеличительномъ видѣ. Я бьюся объ закладъ, что худшая изъ моихъ дѣвокъ показалась бы тебѣ теперь одною изъ числа Грацій. — Истинно увѣряю тебя, сказалъ Гиппіасъ. что ты обманываешся: ежелибъ я имѣлъ Цевксисова и Полигнотова живѣе и стройнѣе воображеніе, не могъ бы однакожъ и тогда представить себѣ совершеннѣйшаго предмета, какъ Данае. — Но ты говоришъ самымъ изысканнымъ нарѣчіемъ щегольства. — И самой при томъ истины, прервалъ Гиппіасъ. Повѣрь мнѣ, что я желалъ бы на сей часъ быть Юпитеромъ. — Ахъ! да чтожъ бы уже ты употребилъ для обмана въ сей разъ своея супруги и моея робкой добродѣтели? Всѣ превращенія уже изтощены, и благодаря боговъ съ трудомъ найти можно единую тварь между всѣми пернатыми, четвероногими

и

и пресмыкающимися, которая бы не послужила къ обольщенію какой бѣдной невинности. -- О! я бы очень нашелъ, и не долго думавши о томъ, сказалъ Гиппіасъ. Какой бы я видъ принялъ, который бы для меня былъ пріятнѣе и къ достиженію моего намѣренія удобнѣе, какъ сего воробушка, возбуждающаго толико часто твоихъ любовниковъ къ справедливому поревнованію, который, оживленъ нѣжнѣйшими названіями, вьется со всею свободою около твоея шеи, и резвяся нѣжно клюетъ твою прекрасную грудь, и за оказываемыя ласки получаетъ обратно вдвое: не могъ ли бы онъ къ превращенію дать мнѣ образа, который, думаю, тебѣ гораздо былъ бы непротивенъ? -- Но мнѣ кажется, сказала усмѣхнувшись Данае, удобнѣе для тебя сего воробья поставить на твое мѣсто, нежели тебя на мѣсто воробья: ты бы

скоро могъ сдѣлать мнѣ ласки моего малаго любимца подозритель-ными. Но о чудесахъ приписываемыхъ тобою моей красотѣ кажется сего довольно: поговоримъ лучше о чемъ другомъ. Знаешъ ли ты, что я дала отпускъ моему любовнику, прекрасному Гіацинту? — Гіацинту? вскричалъ съ удивленіемъ Гиппіасъ. — Да, ему точно; да что еще больше, положила твердое намѣреніе никому болѣе уже не предавать на мѣсто его своего сердца. — Трагическое (печальное) постановленіе прекрасная Данае! — Не такъ, какъ ты думаешъ. Я тебя увѣряю, Гиппій, что моего терпѣнія болѣе уже не стало переносить дурачества сихъ несмысленныхъ и надмѣнныхъ собою вѣтрениковъ, которые пріемлютъ нарѣчіе чувствованія, а ничего неощущаютъ; и хотя говорятъ о пламени и мученіяхъ, но не способны никого

любить, кромѣ какъ самихъ собя, и глаза мои употребляютъ вмѣсто зеркала, предъ коимъ удивляются они важности своея малинькой безстыдной фигуры. Когдажъ думаютъ они имѣть едва нѣсколько права къ нашимъ милостямъ; то чаютъ, что они великую оказываютъ намъ честь, когда съ разсѣяннымъ смятенiемъ сносятъ наши ласки. Каждый взоръ, брошенный ими на насъ, напоминаетъ намъ, что мы служимъ имъ только вмѣсто игрушки, и цѣлая половина нашихъ прелестей изтощевается для нихъ безполезно; поелику они не имѣютъ души, чтобъ чувствовать всѣ красоты души. Вотъ, сказалъ Софистъ, что можно назвать справедливымъ негодованiемъ. Это очень досадно, что симъ людямъ не можно вразумить, что душа въ прекрасной женщинѣ составляетъ наидостойнѣйшую любви

часть. Но пожалуй успокой себя! Не всѣ мужщины мыслятъ такъ неблагородно. Я знаю одного, который бы тебѣ, думаю, понравился, ежели бы ты для перемѣны твоихъ забавъ похотѣла изпытать еще одного любовника, коего можно почесть безплотнымъ, или сущимъ духомъ. — Но что ты мнѣ хочешъ сказать чрезъ твоего безплотнаго любовника? Истинно я ничего не понимаю изъ всего того, что я ни слышала. Какоежъ бы это было особливое существо, естьли смѣю спросить? — Это одинъ молодый человѣкъ, который, кажется, на то созданъ, чтобы помрачать собою всѣхъ въ свѣтѣ Гіацинтовъ: онъ прекраснѣе Адониса. — Ахъ! не говори мнѣ болѣе о томъ Гиппіасѣ; это самое то же, какъ ежели бы ты сказалъ, слаще самой патоки. Ты не понимаешъ, до какой степени опостылѣли мнѣ всѣ сіи красавцы. — О!

это ничего не значитъ; я за то отвѣчаю, что сей тебѣ вѣрно понравится. Онъ не имѣетъ ни единаго изъ тѣхъ пороковъ, по коимъ сіи Нарциссы сдѣлались тебѣ толь ненавистными. Едва, кажется, онъ знаетъ, что онъ имѣетъ тѣло. — Какъ! что ты говоришъ? — Повѣрьте; это совсѣмъ особливый человѣкъ. Прекрасенъ какъ Аполлонъ; но при всемъ томъ столь духовенъ, что я бы его желалъ лучше сравнить съ Зефиромъ. Словомъ, онъ есть не иное что, какъ одна душа. И такъ знаешъ ли? — Ну что? — Онъ бы самую тебя, вотъ какову я теперь вижу, принялъ также за самую чистую и невещественную душу. Ну можешъ ли по сему его себѣ представить? — Признаюсь, что очень мало. Однакожъ, не взирая на сіе, мнѣ очень пріятно твое описаніе. — Но ты смѣешся? — Ты меня обманы-

манываешЪ? — НѢтЪ, истинно я тебѣ не шутя говорю. Ежели есть у тебя желаніе вкусить Метафизической любви, то я таковымЪ любовникомЪ могу вамЪ служить. ОнЪ болѣе Платоническъ, нежели самЪ ПлатонЪ. — Ибо ты мнѣ сказывала, ежели я не ошибаюсь, что сей славный мудрецЪ — Да, я помню, отвѣчала усмѣхнувшись Данае, одинЪ случай, гдѣ онЪ сЪ одною изЪ моихЪ пріятельницЪ имѣлЪ небольшое разсѣяніе, на которое ты ни мало не прогнѣвался. Но какого духа не учинитЪ плотскимЪ молодая пригожая осьмнатцатилѣтняя дѣвушка? — Ну такЪ ты не знаешЪ еще моего молодца, о которомЪ я тебѣ говорю. Богиня Пафская, или лучше ты сама не могла бы произвести того надЪ нимЪ. О! повѣрь мнѣ, ты можешЪ безЪ опасенія проводить сЪ нимЪ наединѣ день и

ночь.

ночь; ты можешъ покуситься на опыты; я скажу еще болѣе, ты можешъ отважиться даже на удѣлъ ему части своего ложа. Не опасайся, чтобъ онъ далъ мѣсто произвесть тебѣ и малѣйшее какое движеніе. Словомъ, твоя добродѣтель можетъ спокойно съ нимъ почивать, безъ всякаго страха быть разбуженною. — Ахъ! я тебя поминаю теперь, сказала Данае съ нѣкоторымъ видомъ негодованія. Но къ чему такъ далеко простирать сію безплодную шутку! Я никакъ не требую такого любовника, который бы имѣлъ прилѣпленіе къ моей душѣ по тому, что все прочее для него безполезно. — Я вижу ты сердишся; но я тебя увѣряю, что сей, коего я тебѣ выхваляю, совсѣмъ не изъ числа таковыхъ. Пожалуй объ этомъ не печалься. Ты думаешъ, что его нечувствительность есть слѣд-

ствіе какого естественнаго повреждения. Совсѣмъ нѣтъ; но это есть дѣйствіе его добродѣтели и высокой философіи, въ коей онъ упражняется. -- Мнѣ все еще кажется, что ты издѣваешся. Но я признаюсь, что ты возбуждаешъ во мнѣ любопытство его видѣть. Повѣришъ ли ты однакожъ, Гиппіасъ, что мое тщеславіе не потерпѣло бы видѣть себя любимою съ такою холодностію? Правда, мнѣ опостылѣли уже всѣ сіи механическіе любовники, твердящіе мнѣ, что обожаютъ меня; однакожъ я столь же была бы недовольна и другимъ, который былъ бы совсѣмъ нечувствителенъ къ моимъ прелестямъ, къ коимъ тѣ единственно чувствительны. Женщины всегда находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы возбуждать вожделѣнія въ другихъ, хотя часто и не имѣютъ склонности и желанія удовлетворить онымъ.

онымъ. Самыя постояннѣйшія не исключены изъ сея слабости. На что жадничаемъ мы слышать похвалы о нашихъ прелестяхъ изъ устъ любовника? Мы желаемъ видѣть, правду ли онъ говоритъ, изъ дѣйствій производимыхъ надъ нимъ. Чѣмъ кто премудрѣе, тѣмъ лестнѣе для нашего тщеславія, естьли мы можемъ вывести его изъ своего положенія и видѣть въ изступленіи. Нѣтъ, ты не можешъ вообразить себѣ тѣхъ удовольствій, какія причиняютъ намъ всѣ дурачества, которыя мы заставляемъ дѣлать сихъ наставниковъ мудрости. Философъ, воздыхающій у моихъ ногъ на подобіе горлицы, и въ угодность мою завивающій свои волосы и бороду, и не жалѣющій, какъ Арабскій помадчикъ, ни благовоній, ни попеченій къ своему наряду, который, чтобы подлеститься ко мнѣ, ласкаетъ и рѣзвится съ моею со-

собачкою, сочиняетъ оды въ похвалу моего воробушка, -- Ахъ -- Гиппіасъ, надобно быть женщиною, чтобъ чувствовать все то удовольствіе, которое намъ причиняетъ что нибудь смѣха достойное! -- Мнѣ тебя очень жаль, прервалъ съ язвительнымъ видомъ Софистъ, что ты принуждена будешъ отречься отъ тѣхъ мечтаемыхъ тобою удовольствій при семъ любовникѣ, о коемъ я тебѣ говорю. Онъ уже показалъ свои опыты. Впрочемъ онъ имѣетъ сердце чувствительное, какъ молодый щеголь; но какъ я уже тебѣ сказалъ, что оно отверсто только для единыхъ душъ въ красавицахъ; прочеежъ все не болѣе надъ нимъ произведетъ впечатлѣнія, какъ надъ видомъ картины или статуи. -- Изрядно; мы это увидимъ, сказала Данае съ нѣкоторою досадорю. Я желаю, чтобы ты сего вечера привелъ

его

его ко мнѣ. Ты найдешъ только у меня небольшую бесѣду, которая намъ никакъ не помѣшаетъ. — Но вотъ право хорошо; мы говоримъ съ часъ о семъ чрезвычайномъ человѣкѣ, и ты мнѣ доднесь не сказалъ еще, кто онъ таковъ, сей безымянникъ? — Что до состоянія его касается, отвѣчалъ Гиппіасъ, то онъ есть не иное что, какъ невольникъ, коего я нѣсколько тому недѣль назадъ купилъ у одного Сицилійскаго разбойника. Но подъ сею одеждою сокрыты дарованія человѣка ни мало на то непохожаго. Онъ воспитанъ въ Дельфахъ въ храмѣ Аполлона. — И можетъ быть, прервала съ усмѣшкою Данае, не обязанъ ли онъ бытіемъ своимъ противоплатонической любви сего бога, или кому изъ его приступниковъ къ какой пастушкѣ, по случаю далеконько отважившейся забѣжать въ посвященную ему

лавровую рощу. — Но, продолжалъ Гиппіасъ, какое бы ни было его рожденіе, довольно, что онъ проводилъ не мало времяни въ Аѳинахъ; и тамъ-то прекрасныя поученія Платоновы довершили уже то романическое возпитаніе, коему положено начало въ священныхъ рощахъ Делфійскихъ. По случаю онъ имѣлъ нещастіе попасться въ руки нѣкоторой шайкѣ Киликійскихъ разбойниковъ, которые его привезли сюда, и я имѣлъ случай купить. Онъ по настоящему назывался Патоклесъ; но какъ всѣхъ таковыхъ имянъ я не могу терпѣть, то я далъ ему названіе Калліаса, и онъ заслуживаетъ такое наимянованіе, поелику можно сказать, что я не видалъ еще человѣка прекраснѣе его. Прочія его дарованія истинно соотвѣтствуютъ тому хорошему мнѣнію, которое внушаетъ онъ о себѣ съ перваго взора.

ра. Онъ имѣетъ разумъ, вкусъ, дарованіе краснорѣчія и изобиліе знаній; онъ любитъ науки и самъ любимецъ музъ: но при всѣхъ таковыхъ преимуществахъ онъ есть не иное что, какъ нѣкоторое особливое созданіе, сумазбродъ и человѣкъ безполезный въ обществѣ, который своемысліе называетъ добродѣтелію, поелику онъ воображаетъ, что добродѣтель должна быть противуположна природѣ; изступленіе своихъ воображеній почитаетъ онъ за разумъ, понеже онъ привелъ ихъ въ нѣкоторую систему, а самаго себя за мудраго, по тому, что бредитъ методическимъ способомъ. Какъ онъ мнѣ съ перваго взора очень понравился, то я и принялъ было намѣреніе сдѣлать изъ него что нибудь; но по опыту всѣ мои старанія были безплодны. Естьли это возможно, чтобы его изправить, такъ я думаю,

что одна только женщина въ состояніи сіе учинить; поелику я уповаю, что я примѣтилъ, что овладѣть его разумомъ не остается уже болѣе способа, развѣ только чрезъ одно сердце, и сіе предпріятіе было бы безъ сомнѣнія достойно тебя, прекрасная Данае. А ежели тебѣ того не удастся; то онъ уже неизправимъ, и заслуживаетъ оставленъ быть своей глупости и собственному своему жребію. — Ты очень раздражилъ мое все честолюбіе, Гиппіасъ, отвѣчала прекрасная Данае: приведи его сей вечеръ съ собою ко мнѣ: я хочу его видѣть, и ежели онъ сотворенъ изъ тѣхъ же самыхъ стихій, какъ и другіе чада земли, то мы сдѣлаемъ опытъ, достойна ли Данае тоя, которая знаетъ науку покорять сердца. Гиппіасъ былъ чрезмѣрно обрадованъ, что толь благополучно достигъ намѣренія чрезъ свое посѣщеніе, и при про-

прощаніи обѣщался непремѣнно привесть въ назначенное время сего чуднаго юношу, на которомъ изпытать силу своихъ прелестей столько жадничала прекрасная Данае. -- Да не обмани же вскричала она, выпуская уже его почти изъ вида. -- Будь благонадежна, сказалъ оглянувшись Гиппіасъ.

Глава третія.

Нѣкоторыя изпѣстія о прекрасной Данаѣ.

Красавица, съ коею мы познакомили читателей въ прошедшей главѣ, внушила въ нихъ безъ сомнѣнія столько же любопытства ожидать точнѣйшаго извѣстія о свойствѣ и исторіи оной, сколько мы въ состояніи учинить удовольствія ея требованію. Однако все тутъ, что объ ней тогда въ Смирнѣ знали, или публично о ней говорили, что мы читателю

сообщить можемъ, пока можетъ быть въ послѣдствіи не откроется случай получить подробнѣйшія и вѣрнѣйшія повѣствованія изъ ея собственныхъ устъ.

Общее мнѣніе, какое въ Смирнѣ объ ней имѣли, было то, что она дочь славной Милетской Аспазіи. Сія знаменитая красавица, Аспазія, возвысила, какъ извѣстно, въ своемъ отечественномъ городѣ искуство щегольства, изъ коего состоялъ ея промыслъ, на такую высочайшую степень совершенства, присоединя къ тому блистаніе философіи и помощь свободныхъ наукъ, что ее по справедливости называли истинною изобрѣтательницею онаго. Наконецъ Милетъ показался ей малъ для зрѣлища; и такъ перешла она по томъ для утвержденія жилища своего въ Аѳины, гдѣ столь разумно умѣла возпользовать-

ваться своими рѣдкими преимуществами и прелестями, что сдѣлалась наконецъ неограниченною обладательницею Перикла, владычествующаго тогда всею Грецiею, или, говоря выраженiемъ комическихъ тогдашняго времяни стихотворцевъ, Юноною сего Аѳинскаго Юпитера. Безспорно, что прекрасной Данаѣ не можно было дать никакого другаго произхожденiя, которое бы особѣ ея пола сдѣлало больше сего чести. Однакожъ чаянiя, на которыхъ основывается сiе мнѣнiе, суть недовольны преодолѣть собственное ея признанiе, по свидѣтельству котораго она родомъ съ острова Сцiосъ, и по смерти родителей своихъ на четырнатцатомъ году возраста переселилась съ братомъ своимъ въ Аѳины, чтобы въ семъ городѣ, гдѣ прiятнѣйшiя дарованiя находили одобренiе, и свои сдѣлать стоящими.

 Иску-

Искуство, въ которомъ она здѣсь упражнялась, состояло въ родѣ пантомимическихъ танцованій, бывшихъ тогда въ употребленіи, къ которому не болѣе обыкновенно одной или двухъ особъ требовалось, и въ коихъ танцующая персона чрезъ различное устроеніе положеній тѣла по голосу лиры или флейты (свирѣли) представляла нѣкоторыя дѣйствія изъ Митологіи, или исторіи Греческихъ ироевъ (*). Но какъ симъ искуствомъ, по причинѣ множества въономъ упражняющихся, едва съ трудомъ могла содержать себя молодая Данае; то увидѣла себя принужденною взять свое прибѣжище къ Аѳинскимъ художникамъ, и служить имъ образцомъ въ ихъ изображеніяхъ. Сверьхъ знатныхъ выгодъ, ею отъ того получаемыхъ, имѣла и ту лестную

(*) Смотри сего примѣръ на пиру Ксенофонта.

честь, что возпріимала удивленіе знатоковъ подъ видомъ Данаи или Леды, а въ образѣ Діаны, а иногда и Венеры, поклоненіе народа. При таковомъ случаѣ узрѣлъ ее въ одинъ день молодый Алцибіадъ, и нашедъ ее въ положеніи Данаи весьма прелестною, вознегодовалъ, что зрѣніе толикихъ красотъ дозволено было человѣку столь его низшему. Съ другой стороны, какъ удобно можно разсудить, видъ, осанка, чинъ и богатство сего милаго прелестника столько предупредили молодую Данае въ его пользу, что ему очень малаго стоило труда уговорить ее прибѣгнуть подъ его покровительство. Онъ привелъ ее въ домъ Аспазіи, который въ то время былъ сборищемъ острыхъ головъ Аѳинскихъ и школою женщинъ, въ коей молодыя дѣвицы превозходныхъ дарованій подъ призрѣніемъ столь

совершенной учительницы возпрiимали наилучшее возпитанiе, содѣлывающее ихъ способными къ доставленiю забавъ вельможамъ и мудрецамъ республики въ часы ихъ отдохновенiя. Данае такъ хорошо употребила въ пользу сей щастливый случай, что снискала всю довѣренность и наконецъ откровенную дружбу Аспазiи, которая, не будучи изъ числа сихъ простыхъ низкихъ душъ, съ такимъ удовольствiемъ взирала на возрастающую себя въ сей молодой особѣ, что охотно дала поводъ къ тому мнѣнiю, о коемъ мы уже объявили, что будто она была ея мать. Однакожъ впрочемъ Алцибiадъ былъ одинъ, который наслаждался плодами ея прекраснаго возпитанiя, чрезъ которое естественныя дарованiя ея младой прiятельницы до такого возросли совершенства, что ей прiобрѣли въ скорости имя второй Аспа-

Аспазіи, и прекрасная Данае поставила сама себѣ за должность и въ законъ хранить къ Алцибіаду наипостояннѣйшую вѣрность, которой онъ отвѣчать не находилъ за нужное. Но какъ любовь къ непостоянству была въ немъ владычествующею страстію, нежели любовь, которую ему наипрекраснѣйшая изъ женщинъ могла вдохнуть; то и Данае, получая у него нѣсколько времяни первое мѣсто, должна была уступить другой, которая никакого предъ нею не имѣла преимущества, кромѣ какъ, что она была для него новая. Сколько слаба Данае ни могла быть съ нѣкоторой стороны, столько благородно было ея сердце въ другихъ частяхъ. Она любила Алцибіада, по елику она была очарована его особою и его качествами, и мало помышляла о томъ, чтобы возпользоваться его богатствами. И такъ она бы по-

слѣ него ничего не оставила, кромѣ возпоминанія, что была любима наилюбезнѣйшимъ въ свое время человѣкомъ, естьли бы онъ не столько же былъ гордъ и щедръ, какъ она противу обыкновенія своихъ подругъ некорыстолюбива. Я оставляю тебя, моя дражайшая Данае, сказалъ онъ ей въ одинъ день; но я не потерплю, чтобы любимица Алцибіадова принуждена когда нибудь была вручить богатѣйшему то, что принадлежитъ только любезнѣйшему человѣку. Съ сими словами онъ убѣдилъ ее принять нѣкоторую знатную сумму денегъ, которая довольна была оставить ее съ сея стороны внѣ всякой опасности. Смерть Аспазіи и послѣдовавшія за оною перемѣны побудили ее, спустя нѣсколько времени, оставить Аѳины, и по нѣкоторыхъ приключеніяхъ, въ коихъ сердце ея ни малаго не имѣло участія,

стія, избрала она Смирну для утвержденія навсегда тамъ своего пребыванія. Здѣсь нашла она случай познакомиться съ младшимъ Киромъ, коего любезныя свойства чрезъ перо Ксенофонта сдѣлались столько же славными, какъ и нещастное послѣдствіе предпріятія, чрезъ которое надѣялся онъ взойти на престолъ Кира перваго. Первой ея взоръ подвергнулъ ей сердце такого государя, который тѣмъ чувствительнѣе былъ къ тому роду прелестей, чрезъ которыя возпитанники Аспазіи отличались, чѣмъ рѣже находились они между одушевленными статуями, посвящаемыми въ Персіи на угожденіе знатныхъ, и которыя въ самомъ дѣлѣ для того единственнаго употребленія, которое ихъ обладатели отъ нихъ научились дѣлать, не имѣютъ большей нужды въ душѣ. Но коль лестна ни была для нее сія побѣда, однако

нако ничто не могло ее убѣдить къ послѣдованію за нимъ въ Сардисъ и пожертвованію своею вольностію чести быть первою изъ его невольницъ. Такимъ образомъ она осталась опять въ Смирнѣ, гдѣ она великодушною щедростію Кира, не желающаго, чтобы кто нибудь изъ Аѳинянъ могъ его презвойти въ оной, была въ такое приведена состояніе, что единственное ея попеченіе состояло только въ томъ, какъ бы ей жить наиприятнѣйшимъ образомъ. Она употребляла сіе щастіе такъ, какъ имя второй Аспазіи требовало. Домъ ея казался быть храмомъ Музъ и Грацій, и ежели въ семъ прелестномъ обществѣ соприсутствовала любовь, то это была та любовь, которую Музы при Анакреонѣ связываютъ цвѣточными вѣнками, и которой столько нравится въ семъ плѣнѣ, что Венера тщетно бы захотѣла его

его уговаривать о возпріятіи своея прежней свободы. Игры, шутки и забавы (ежели позволено употребить тамъ выраженіе Гомера, гдѣ слабымъ кажется ко изъясненію обыкновенный языкъ) заключали около ее съ улыбающимися часами неразторгаемый хороводъ; скука же, досада и печаль со всѣми другими врагами спокойствія были изгнаны изъ сего жилища радости.

Мы, кажется намъ, сказали уже больше, нежели надлежало, чтобы ввергнуть читателей нашихъ въ не непосредственное попеченіе о добродѣтели нашего ироя. Въ самомъ дѣлѣ онъ еще никогда не находился въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ бы мы менѣе надѣяться могли, что она защитится. Опасность, въ которой она у роскошной Пиѳіи, между неистовствующими Бакханками,

и

и въ домѣ мудраго Гиппіаса, который толико казался подобнымъ несогласію Цирцеи, парила, не заслуживаетъ того имяни, которому скоро увидимъ его подверженнаго, и отъ коего мы бы его съ охотою свободили, естьли должности историка позволяли повиноваться нашему дружественному къ нему пристрастію въ нарушеніе истины.

Глава четвертая.

Сколь опасно имѣть сильное вообраɮженіе.

Естьли сильное и живое вообраɮженіе доставляетъ своему обладателю безконечное множество удовольствій, въ коихъ во все прочимъ смертнымъ отказано; естьли его волшебное дѣйствіе приукрашаетъ въ глазахъ его всякую красоту, и возхищаетъ его тамъ, гдѣ другіе едва чувствуютъ;

ютъ; естьли оно въ благополучные часы содѣлываетъ ему свѣтъ сей раемъ, а въ плачевные душу его отвлекаетъ отъ сцены его печалей, и преноситъ въ другіе міры, очаровывающіе посредствомъ увеличительныхъ тѣней совершеннаго веселія его огорченіе: но при всѣхъ сихъ преимуществахъ должно намъ однакожъ съ другой стороны признаться, что оно не менѣе есть для него изпочникомъ заблужденій, изступленій и мученій, отъ коихъ онъ, при самой помощи мудрости и горячей любви къ добродѣтели, не прежде можетъ свободиться, пока онъ, какимъ бы то образомъ ни было, до того не достигнетъ, чтобы наивеличайшую оныхъ живность умѣрить. Мудрый Гиппіасъ, признаться по истиннѣ, не погрѣшилъ ни мало противу нашего ироя, приписавши ему воображеніе сего рода, и хитрая Данае сдѣ-

лала изъ описанія Гиппіаса о немъ столь правильное представленіе, что чаяла безъ сомнѣнія получить въ предпріятіи желаемый успѣхъ, какъ скоро возможетъ возпалить къ себѣ его воображеніе. Гиппіасъ, думала она, въ томъ только ошибся, что хотѣлъ его соврашить чрезъ чувства. На семъ предположеніи основала она свой планъ, пожелавъ напередъ сама послѣдствію онаго благополучія, и столько же мало помышляла о томъ, что изполненіе онаго могло стоять ей собственнаго сердца, сколько Агатону снилось о опасности, приуготовляемой его сердцу. Наконецъ приближился опредѣленной Гиппіасу часъ. Агатонъ послѣдовалъ своему господину, не зная куда. Они приближилися, входятъ въ однѣ огромныя палаты, утвержденныя на двухъ рядахъ Іоническаго ордена столповъ, изукращенныхъ безчислен-

сленнымЪ множествомЪ мраморныхЪ и бронзовыхЪ позлащенныхЪ статуй. Внѣшность оныхЪ соотвѣтствовала совершенно великолѣпію наружнаго вида. Повсюду взорЪ Агатона встрѣчалЪ упражненное множество безчисленное чрезвычайной красоты и вЪ цвѣтѣ лѣтЪ своего возраста обоего пола невольниковЪ. Одѣянія ихЪ представляли глазамЪ пріятное смѣшеніе единообразія и разноты; одни были зримы вЪ одеждахЪ бѣлыхЪ, а другіе вЪ лазоревыхЪ; тамЪ безпрерывный блескЪ розы, здѣсь цвѣтЪ смѣющейся зелености плѣнялЪ чувство зрѣнія, и каждый цвѣтЪ казался означать особливый классЪ и родЪ услугЪ, кЪ которымЪ они назначены. АгатонЪ, надЪ коимЪ все изящное производило обыкновенно живѣйшее впечатлѣніе, нежели надлежало, чтобы по мѣрѣ нравоучителей быть довольну, былЪ столько

 очаро-

очарованъ всемъ симъ виденіемъ; что думалъ въ возхищеніи своемъ видеть себя въ одномъ изъ сихъ міровъ, кои онъ часто строивалъ на воздухе. Онъ еще не успелъ прійти самъ въ себя, какъ Гиппіасъ ввелъ его тотчасъ въ большую и освещенную залу, где они должны были собою умножить собравшуюся тамъ беседу. Едва Агатонъ могъ еще окинуть ее первымъ своимъ взоромъ, какъ прекрасная Данае подошедъ къ нему съ сродною ей ласковостію и пріятностію, сказала, что другъ Гиппіаса имеетъ право въ ея доме и въ сей компаніи щитать себя точно, какъ у себя самого. Такое обязательное приветствіе заслуживало безъ сомненія соответствія на такой же вкусъ; но Агатонъ, приведенный вне себя, не могъ быть на сей часъ столько учтивымъ. Устремленный его взоръ, съ начертаніемъ пріятнаго

воз-

возхищенія, былъ его на сію рѣчь единственный отвѣтъ. Общество ея состояло изъ однѣхъ особъ наслаждающихся правами довѣреннѣйшаго въ семъ домѣ обхожденія и наблюдавшихъ сію Аттическую вѣжливость, которая отличествовала отъ надмѣнной, принужденной и блестящей только въ словахъ учтивости нынѣшнихъ Европейцовъ, въ толь же высокомъ степени, какъ и сама Данае. Въ нашихъ бесѣдахъ Агатонъ съ первыхъ бы минутъ своего явленія подалъ причину ко множеству не большихъ злобныхъ примѣчаній; но въ сей не изпыталъ онъ ничего кромѣ бѣгло бросаемыхъ на него воззрѣній. Разговоры ихъ текли; никто не шепталъ другому на ухо, или показался, что онъ примѣчалъ удивленіе и ту жадность, съ которою онъ, казалось, пожиралъ своими глазами прекрасную Данае; словомъ, ему оставлено

лено было все нужное время, чтобы прійти паки въ самого себя, естьли только иначе сіе выраженіе прилично для того положенія, въ коемъ онъ чрезъ весь тотъ вечеръ находился. Можетъ быть ожидаетъ кто нибудь отъ насъ, что мы дадимъ ближайшее объясненіе о томъ чрезвычайномъ впечатлѣніи, которое Данае содѣлала надъ нашимъ прелестнѣйшимъ ироемъ; но мы видимъ себя еще не въ состояніи удовольствовать любопытство читателя въ такомъ пунктѣ, о которомъ самъ Агатонъ не былъ способенъ дать отчета. Все, что мы можемъ о томъ сказать, состоитъ въ томъ, что госпожа сія по видимому никогда менѣе не могла ожидать произвести такое дѣйствіе: она столь мало прилагала попеченія о возвышеніи своихъ прелестей блестящими нарядами, или о приведеніи оныхъ чрезъ другія хитрости въ ослѣпляю-

ляющее сіяніе. Бѣлое платье съ малинькими пурпуровыми полосами и полублеклая въ черныхъ ея волосахъ роза составляли весь ея нарядъ; и отъ оной прозрачности, чрезъ которую одѣяніе Ціаны глазамъ нашего ироя было соблазнительно, ея столько было далеко, что можно было по праву жаловаться, что слишкомъ тщательно все было сокрыто. Правда, что она имѣла попеченіе, чтобы ея малинькая нѣжная нога, превышающая въ пріятности все, что воображеніе представить можетъ, была навсегда сокрыта отъ очей; однако сіе и бѣлѣйшая снѣга рука съ началомъ совершенно прекрасныхъ объятій составляли все, что завистное одѣяніе не похищало отъ любопытныхъ взоровъ. Но что бы то ни было, что бы ни происходило тогда въ ея сердцѣ; однако то извѣстно, что ни изъ лица, ни изъ поступокъ

покѣ, ни изѣ какихѣ либо движеній прекрасной Данаи не можно было примѣтить ни малѣйшаго подозрѣнія о ея особливыхѣ намѣреніяхѣ противу нашего ироя; и что она, изѣ разсѣянія ли то, или скромности, показывала, будто и не примѣтила ни единожды того, что Агатонѣ не спускалѣ глазѣ своихѣ сѣ нее и при одномѣ взираніи на нее терялѣ употребленіе всѣхѣ прочихѣ чувствѣ.

Глава пятая.

Пантомимы.

По окончаніи ужина, при которомѣ Агатонѣ былѣ почти только зрителемѣ, появились тотчасѣ танцовщикѣ и молодая танцовщица, которые по стройному согласію двухѣ флейтѣ представляли танцуя исторію Аполлона и Дафны. Искуство танцовщиковѣ понравилось всѣмѣ зрителямѣ: все вѣ нихѣ казалось живо

и выразительно, и думали, что все ихъ слышатъ, хотя на нихъ только глядѣли. Каково нравится тебѣ сія танцовщица, Калліасъ? спросила Данае у Агатона, который только, казалось, единъ изъ всѣхъ присутствовалъ не со вниманіемъ при сей игрѣ, и не примѣчалъ, что танцовщица была рѣдкой красоты и подобно Ціанѣ едва покровенна была большимъ чѣмъ тканаго воздуха. Мнѣ кажется, отвѣчалъ Агатонъ, зачавъ лишъ теперь приглядываться къ ней попристальнѣе; мнѣ кажется, что она, можетъ быть изъ чрезмѣрнаго желанія понравиться, оставляетъ истинный характеръ, который она должна представлять. Для чего оглядывается она назадъ въ бѣгствѣ? А наипаче съ такимъ взоромъ, который, кажется, укоряетъ ея гонителя, что онъ не прытче ее? — Хорошо! весьма изрядно! (продолжалъ онъ, когда

 пред-

представленіе дошло до того мѣста, гдѣ Дафна призываетъ на помощь рѣку бога) не можно лучше! Съ какою истиною выражаетъ она ея превращеніе! какъ она блѣднѣетъ! какъ дрожитъ! Ноги ея вкореняются посредѣ ужаснаго движенія; вотще силится она отдернуть назадъ разпростертыя свои обьятія. —— Но къ чему сей нѣжноробкій взглядъ на своего любовника? Но что сіи слезы, которыя, кажется, оледѣнели на ея глазахъ? —— Общая улыбка отвѣчала на сіи вопросы Агатона. Ты порочишъ прямо, отвѣчалъ одинъ изъ гостей, то самое, чему мы больше всего удивляемся. Обыкновенная танцовщица не заслужила бы можетъ быть твоего охужденія. Не можно, кажется, вмѣстить въ сію роль болѣе духа, болѣе тонкости и лучшаго пренія, какъ представила малинькая Псише (такъ называлась танцовщица). Сами

Сама Дафна не была изумленнѣе, почувствовавъ себя превращенною, какъ Агатонъ при произнесенномъ имяни Псише: онъ останавливался посредѣ слова, которое онъ хотѣлъ выговорить; онъ зарумянивался, и смятеніе его столь было примѣтно, что Данае, приписывавшая сіе устыдѣнію его отъ его охужденій, почла за нужное прійти къ нему на помощь. „Критика Калліаса, сказала она, доказываетъ, что онъ „духъ, съ которымъ Псише играла „свою роль, столько же чувствовалъ, какъ и Федріасъ. А по сему „можетъ быть она не менѣе основательна. Псише долженствовала „играть лице Дафны, а играла „свое собственное. Не такъ ли „Псише? Ты думала: какъ мнѣ „можно было быть на мѣстѣ Даф„ны?„ — Да какъ же бы иначе можно было мнѣ сдѣлать, сударыня? спросила малинькая танцовщица.

 „Тебѣ

„ Тебѣ бы надлежало принять тотъ
„ характеръ, который ей припи-
„ сывают стихотворцы; а ты
„ только была довольна тѣмъ,
„ что поставила себя въ ея
„ обстоятельствахъ. „ Да какой
же это характеръ? спросила Псише.
„ Добродѣтельной сказалъ мудрый
„ Гиппiасъ, любимый характеръ
„ Каллiаса. „ -- Вторичный случай
привести въ стыдъ добраго Ага-
тона! -- Ты это не угадалъ, отвѣ-
чалъ Агатонъ: характеръ, кото-
рый Дафна по моему воображенiю
имѣть должна, есть безпристра-
стiе и невинность; она могла
имѣть оба сiи качества не бывъ
добродѣтельною. „ Тѣмъ еще болѣе
„ Псише заслуживаетъ похвалы,
подхватилъ, тутъ Федрiасъ (для
„ коего она была нѣчто болѣе, не-
„ жели танцовщица); поелику она
„ украсила тотъ характеръ, кото-
„ рый она представлять должен
„ ствовала. Состязанiе между любо-

„ вiю

„ вію и честію требуетъ больше раз-
„ ума для совершеннаго подражанія,
„ трогательнѣе и чувствительнѣе
„ для зрителя, нежели холодность,
„ каковую Калліасъ себѣ вообра-
„ жаетъ. А при томъ гдѣ сыщется
„ младая Нимфа, которая бы къ
„ любви толико изящнаго Бога, ка-
„ ковъ Аполлонъ, могла быть рав-
„ нодушною?„ — Я твоего мнѣнія,
сказалъ Гиппіасъ. Дафне бѣжитъ
отъ Аполлона, по тому, что она
молодая дѣвица; а поелику она
молодая дѣвица, то тайно же-
лаетъ, чтобы онъ ее настигъ.
Для чего оглядывается она такъ
часто назадъ, какъ не для того,
чтобы тѣмъ побудить его къ
быстрѣйшему бѣгу? А какъ онъ ее
такъ достигъ, что ей больше уже
отъ него уйти не можно было;
тогда она призываетъ смиренно
на помощь Бога рѣки, чтобы онъ
ее превратилъ. Не сущее ли это
притворство? Для чего не броси-
лась

лась она вѣ рѣку, когда дѣйстви-
тельно хотѣла избѣжать его рукѣ?
Она сдѣлала то, что Нимфа сдѣ-
лать должна, призывая рѣку Бо-
га; но кто бы могѣ и убояться
толь скоро быть услышанну? Да
и вѣ какую минуту могла она
того меньше желать, какѣ вѣ сію
самую, когда она уже чувствова-
ла себя обѣемлемою жадными своего
любовника обѣятіями? Да побѣжа-
ла ли бы она безѣ души для дру-
гой причины, какѣ чтобы тѣмѣ
извѣстнѣе могѣ онѣ ее поимать?
И такѣ что естественнѣе вѣ семѣ
случаѣ, какѣ негодованіе его, скорбь
и печаль, коими она отвѣчаетѣ его
поступку, чувствуя свои обѣятія,
которыми она его — отторгнуть
желаетѣ, превращенныя вѣ лавро-
выя вѣтви? Не вѣ семѣ ли вся
игра состояла Псиши? И можетѣ
ли что быть естественнѣе? Это
характерѣ молодой дѣвицы; одной
изѣ тѣхѣ молодыхѣ дѣвицѣ, раз-

умѣ-

умѣвается само чрезъ себя, любезный мой Калліасъ, каковыми ихъ находятъ въ семъ вещественномъ свѣтѣ. — „Я повинуюсь, отвѣчалъ Агатонъ: танцовщица представила все, что можно только требовать отъ нея, „и я былъ очень смѣшонъ, что „ожидалъ отъ нея выраженія тѣхъ „понятій, которыя я о Дафнѣ въ „моемъ воображеніи имѣю.„

Едва Агатонъ сіе выговорилъ, какъ Данае, не сказавъ ни слова, встала, и давъ знакъ танцовщицѣ и съ нею изчезла. Спустя нѣсколько времяни, танцовщица возвратилась паки одна; флейты опять заиграли, и Аполлонъ съ Дафною повторили свои пантомимы. Но коль удивился Агатонъ, увидя, что то была сама Данае, игравшая въ одѣяніи танцовщицы лице Дафны! Бѣдный Агатонъ! наипрелестнѣйшая Данае! Кто бы сего

го могъ надѣяться? Вся ея игра выражала собственныя мысли Агатона; но съ толикою пріятностію, съ таковымъ очарованіемъ, каковаго и самое его воображеніе не могло предназнаменовать. Чувствованія, овладѣвшія его душею въ сіи минуты, были столь живы, что онъ старался отвлекать глаза свои отъ сего толико возхитительнаго предмета; но тщетно: непреоборимая сила обращала ихъ вспять. Коль благородны, коль изящны были ея движенія! съ какою трогательною простою выражала она весь характеръ невинности! Онъ взиралъ еще въ безмолвномъ возхищеніи на то мѣсто, гдѣ она превращена была въ лавръ, какъ она уже опять скрылась, не ожидая хвалы и рукоплесканія зрителей, не могшихъ довольно найти словъ къ выраженію удовольствія, учиненнаго имъ Данаею чрезъ сей неожидаемый

опытъ

опытъ своего дарованія. Чрезъ нѣсколько минутъ пришла она опять въ своей собственной особѣ обратно. „ Сколько обязанъ тебѣ „ Калліасъ, прекрасная Данае! сказалъ Федріасъ при ея вступленіи: „ ты единая только могла оправ„ дать его критику, и въ любез„ ныхъ чертахъ изобразить преле„ стною и самую добродѣтель. Ка„ кого бы сожалѣнія достоинъ былъ „ Аполлонъ, для котораго бы ты „ была Дафною. „

Къ щастію добраго Агатона, что онъ, какъ сіе выговорено было съ означающимъ взоромъ, въ воззрѣніи прекрасной Данаи былъ столько углубленъ, что ничего не слыхалъ изъ сихъ рѣчей; поелику впрочемъ изтолкованіе къ сему тексту могло бы произвести въ немъ вторичное зардѣніе. Похвала сей дамѣ и разговоръ о танцовальномъ искуствѣ дополни-

ли остатокъ времяни, которое бесѣда сія еще между собою препроводила; разглагольствіе, въ сообщеніи котораго читатель намъ охотно проститъ, когда мы желаніе о его важнѣйшихъ матеріяхъ успокоимъ. Только сего обстоятельства не можемъ мы пропустить, что Агатонъ въ семъ случаѣ вдругъ сдѣлался столько краснорѣчивымъ, сколько онъ во все прошедшее время былъ задумчивъ и молчаливъ. Усклабляющаяся веселость блистала во всемъ его лицѣ, и никогда еще остроуміе его съ такою живостію не открывалось. Онъ получилъ похвалу отъ всея компаніи, и сама прекрасная Данае не могла удержаться, чтобъ не взирать на него отъ времяни до времяни съ нѣкоторымъ выраженіемъ удовольствія и ощущенія; между тѣмъ какъ въ его только изрѣдка отъ нея отвращаемыхъ глазахъ блистало

стало нѣчто такое, для котораго напрасный мы бы приняли трудъ искать въ языкѣ человѣковъ названіе.

Глава шестая.

Тайныя извѣщенія.

Мы научились отъ нашего друга Плутарха, что самомалѣйшія приключенія дѣлаются часто по великимъ слѣдствіямъ достойными примѣчанія и весьма маловажныя дѣйствія допускаютъ насъ не рѣдко проникать во внутренность и въ глубину сердца человѣческаго, нежели знаменитыя дѣянія, въ кои мы обыкновенно, поелику онѣ подвержены общему сужденію, пускаемся порядочнымъ образомъ, утвердясь на нѣкоторомъ съ самимъ собою положеніи. Основательность сего примѣчанія побудила насъ въ исторіи пантомимовъ, наполняющихъ всю предъ-

идущую главу, войти во всѣ подробности; и мы надѣемся совершенно въ томъ оправдаться, естьли мы сіе повѣствованіе дополнимъ чрезъ касательное до возлюбленной Псиши, съ которою читатель уже въ первой книгѣ, хотя и мимоходомъ, началъ было ознакомливаться.

Псише сія, такъ какъ она была, занимала до сего между всѣми существами, встрѣчающимися чувствамъ (мы присоединяемъ ограничиваніе сіе не безъ причины, сколько бы оно страннымъ ни казалось, противоплатоническимъ ушамъ) первое мѣсто въ его сердцѣ, и онъ со времяни разлученія своего съ нею, не видалъ еще ни одной женщины, которая бы при единомъ возпоминаніи о Псишѣ не потеряла всея своея власти надъ его сердцемъ и надъ са-

самыми его чувствами, коихъ движенія не всегда бываютъ раздѣльны отъ сердечныхъ, какъ нѣкоторые, кажется, романовъ писатели несправедливо оное себѣ воображаютъ. Сказать правду, то сіе произходило не отъ дѣйствія той ироической вѣрности и постоянства въ любви, которая въ помянутыхъ романахъ дѣлается добродѣтелію перваго класса. Псише заключилась во внутренности его сердца единственно по тому, что напоминанія, кои онъ о ней имѣлъ, были для него гораздо пріятнѣе, нежели всѣ тѣ чувствованія, которыя бы въ него другая какая красота могла вдохнуть; или по тому, что онъ до сего никакой иной не видывалъ, которая бы столько была по его сердцу. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ увѣрялъ его, что всегда таково пребудетъ; и сіе-то можетъ

быть было причиною того изумленія, въ кое онъ впалъ, какъ первое воззрѣніе прекрасной Данаи представило ему такое совершенство, которое по его воображенію едино только нашлось по ту сторону свѣта. Ему не надлежало бы быть Агатономъ, когда бы сіе явленіе не овладѣло столько всею его душею, какъ мы видѣли. Никогда, казалось ему, не видывалъ онъ, чтобы въ толь высокомъ степени и въ толь рѣдкомъ согласіи всѣ сіи тончайшія изящности, коими простыя души неспособны трогаться, соединены были. Видъ ея, взоры, улыбка, поступки и походка, все имѣло сіе совершенство, которое стихотворцы обыкновенно приписываютъ богинямъ. И такъ не удивительно, что онъ въ первыхъ часахъ ничѣмъ инымъ не могъ быть упражненъ, какъ единымъ

на

на нее взираніемъ и удивленіемъ, и что возхищенная его душа не имѣла еще времяни примѣчать за тѣмъ, что въ ней происходило. Въ самомъ дѣлѣ всѣ его прочія силы такъ были связаны, что онъ, противу своего обыкновенія, во все сіе время столь мало помышлялъ о своей Псишѣ, какъ будто бы ее совсѣмъ никогда и не было. Но какъ скоро молодая танцовщица появилась, которая играла лице Дафны; то нѣкое сходство имъ примѣченное, которое она дѣйствительно въ обликѣ и станѣ съ Псишею имѣла, представило ему вдругъ предъ глаза, хотя не очень ясно, образъ отсутствующей своея любовницы. Воображеніе его по обыкновенному механическому движенію поставило тотчасъ Псише на мѣсто оной Дафны; и когда онъ нашелъ столь многое критиковать въ танцов-

щицѣ; то это было въ основаніи по тому, что сравненіе открыло ему мечту перваго своего воззрѣнія, или по тому, что она дѣйствительно не была Псише. Сколь ни обыкновенны таковыя игры воображенія, однако очень рѣдко отличить можно ясно то втеченіе, которое онѣ имѣютъ обыкновенно на наши разсужденія или склонности. Самъ Агатонъ, который съ перваго своего юношества дѣлалъ безпрестанный навыкъ и упражнялся въ изысканіи тайныхъ побудительныхъ причинъ своихъ внутреннихъ движеній, однакожъ не прежде постигъ, что при семъ случаѣ въ его произходило воображеніи, пока имя Псише (сіе имя, котораго одинъ звонъ услаждалъ пріятнѣе музики его слухъ) его поколебало и ввергнуло въ смятеніе чувствованій, которыя онъ самъ описать

имѣлъ

имѣлъ трудъ; когда бы о семъ иначе по особливой темности, которыя въ нашемъ на сіе мѣсто находится подлинникѣ, стали разсуждать. Но какая бы причина ни была сему изумленію, но по крайней мѣрѣ то извѣстно, что онъ далекъ былъ весьма отъ того, чтобы хотя только подозрѣвать чтобъ духъ первой его любви имѣлъ въ томъ какое участіе. Онъ совсѣмъ не помышлялъ, чтобы могло быть когда озлобительно найти совмѣстницу въ своемъ сердцѣ, которое обыкъ онъ видѣть всегда изполненное единою Псишею. Его самообманство (ежели когда оно въ немъ было), кажется, тѣмъ болѣе заслуживаетъ извиненіе, поелику сіе драгое имя возбудило въ немъ дѣйствительно въ нѣсколько минутъ всю его нѣжность. Онъ сперва примѣчалъ ясно сходство, которое обѣ Пси-

ши имѣли между собою, и сравнивалъ ихъ съ предразсужденіемъ, которое къ отсутствующей столь благосклонно было, что настоящая служила ему одною только тѣнію ея. Мы не знаемъ, что сіе столь живое напоминовеніе сдѣлало бы наконецъ обиду и самой прекрасной Данаѣ, ежели бы она (подобно, какъ будто бы она чрезъ родъ нѣкоего вдохновенія угадала, что произходило въ его душѣ) благополучно не вздумала поставить себя на мѣсто молодой танцовщицы, для изполненія представленія, которое Агатонъ сдѣлалъ себѣ о мысленной Дафнѣ; понятіе, которымъ гибкость ея духа такъ скоро и такъ благополучно умѣла овладѣть, какъ мы видѣли. Въ самомъ дѣлѣ она не могла пагубнѣйшее сея шутки сыграть для обоихъ Псишей: обѣ ея ослѣпляющимъ сіяніемъ были помрачены,

по-

подобно, какъ малыя звѣзды пришествіемъ денницы. И какъ могъ зракъ отсутствующей любовницы упражнять и занимать нашего ироя еще на долгое время, когда всѣ взирательныя силы и способности его души, устремленныя на сей единый чародѣйственный предметъ, ему едва довольными казались для возчувствованія всего его совершенства; когда онъ сію нравственную Венеру со всѣми ея духовными Граціями дѣйствительно зрѣлъ передъ собою, съ единою тѣнію коихъ Псише, сколько ни была любезна, не могла сравниться?

Мы не знаемъ, должно ли было совершенно быть существомъ таковымъ, какъ Гиппіасъ, дабы помыслить, что нѣкоторыя красоты не столько невещественной, хотя въ ихъ родѣ столько же совер-

вершенной, природы гораздо болѣе, нежели самъ Агатонъ примѣтилъ, къ сему возхищенію въ мысленные міры могли взпомоществовать, въ которомъ онъ во время пантомимическаго танцованія Данаи находился. Умѣренное Нимфъ одѣяніе, коего танцованіе сіе требовало, было слишкомъ удобно, чтобы показать сіи прелести во всей ихъ силѣ и многоразличномъ блескѣ; и мы должны признаться, что сама Богиня любви не осмѣлилась бы надежнѣе въ семъ уборѣ предстать глазамъ строжайшаго знатока, или даже очамъ своея совмѣстницы, какъ непорочная Данае. Характеръ безпритворной невинности, коему она подражала столь правдоподобно, казался возпріимать чрезъ то живѣйшее еще выраженіе, но толико живое, что всякій другой, кромѣ Агатона, находился бы при томъ

въ

вЪ опасности потерять свою. Конечно прочимЪ зрителямЪ многаго стоило труда воздержать себя, чтобы не принять на себя роль Аполлона вЪ правду. Но отЪ нашего ироя ей нечего было опасаться, и она нашла, что ГиппiасЪ не слишкомЪ многое обѣщалЪ о немЪ. Сiи осязаемыя красоты, коихЪ онЪ никогда ясно не различалЪ, поелику онѣ вЪ его глазахЪ сЪ невещественными красотами во едино были слиты, могли степень живности его чувствованiй весьма возвышать; но не вЪ состоянiи были перемѣнить природы оныхЪ: никогда вЪ жизни его не бывали онѣ чистѣе, свободнѣе отЪ вожделѣнiй, и невещественнѣе. СловомЪ, (сколько оно ни показалось невѣроятнымЪ тѣмЪ изЪ грубѣйшей матерiи содѣланнымЪ сынамЪ земли, которые вЪ наисовершеннѣйшей женщинѣ не видятЪ

дятъ больше, какъ только женщину) нѣтъ ничего извѣстнѣе, какъ что Данае съ такимъ видомъ и въ такомъ нарядѣ, который (естьли намъ позволено употребить выраженіе Гиппіаса) могъ бы и самый духъ учинить плотскимъ, превратила сего рѣдкаго юношу въ толь совершенный духъ, какого никогда по сю сторону луны не видано.

Конецъ первой части.

